

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Уральское отделение
Институт экономики

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ОТ МОНИТОРИНГА К ПРИНЯТИЮ
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ**

Екатеринбург 2018

УДК 331. 556
ББК 65.050+65.049(2Рос)
М 43

Ответственный редактор:

Шеломенцев А. Г. — д. э. н., проф., заведующий отделом исследований региональных социально-экономических систем

Рецензенты:

Козлова О. А. — д. э. н., проф., руководитель центра социоэкономической динамики Института экономики Уральского отделения РАН;

Кулькова И. А. — д. э. н., профессор кафедры экономики труда и управления персоналом УрГЭУ

Международная трудовая миграция в современной России:

М43 от мониторинга к принятию управленческих решений / Рос. Акад. наук, Урал отд.-е, Ин.-т экономики; авт. колл.: Бедрина Е. Б., Бекетова А. П., Вандышев М. Н., Мельникова А. С., Куприна Т. В., Неклюдова Н. П., Смирнова Н. Л., Трушкова Е. А., Тухтарова Е. Х., Чернова К. В., Чепель С. В. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. — 158 с.

ISBN 978-5-94646-614-1

Представлены результаты исследования, включающие оценку влияния внешней трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории, мониторинг миграционного потенциала из республики Казахстан, анализ особенностей адаптации и интеграции трудовых мигрантов и членов их семей.

Работа содержит результаты экспертных опросов, тестирования и опросов детей мигрантов на основе ратовых методов (говорение, аудирование, чтение, письмо), эконометрического моделирования и может быть полезна специалистам, занимающимся проблемами трудовой миграции, оптимизации и совершенствования региональной и социально-экономической политики.

УДК 331. 556
ББК 65.050+65.049(2Рос)

ISBN 978-5-94646-614-1

© Институт экономики УрО РАН, 2018

© Коллектив авторов, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Авторский коллектив	4
Введение.....	6
Глава 1. Роль трудовой миграции в экономическом инклюзивном росте на постсоветском пространстве	9
1.1. Эволюция оценки трудовой миграции в моделях экономического роста.....	9
1.2. Система показателей влияния трудовых мигрантов на экономический инклюзивный рост	19
1.3. Результаты исследования и определение пороговых значений для стран СНГ.....	30
Глава 2. Особенности коммуникации в поликультурной среде.....	42
2.1. Языковая адаптация как основа коммуникации в поликультурной среде.....	42
2.2. Оценка языковой и социокультурной адаптации детей мигрантов в условиях школьной образовательной среды: эмпирическое исследование....	50
2.3. Развитие навыков толерантного поведения в системе транскультурного образования в России.....	61
Глава 3. Особенности интеграции и адаптации трудовых мигрантов и членов их семей в России	75
3.1. Феномен «полуторного поколения» мигрантов и его отражение в индексируемых российских изданиях: библиометрический анализ.....	75
3.2. Оценка рисков применения адаптационных практик мигрантов для местного сообщества	86
3.3. «Мигрантская» преступность: учет и институциональная настройка.....	98
Глава 4. Формирование человеческого капитала в условиях миграции	109
4.1. Государственные программы развития и реализации миграционной политики в Российской Федерации	109
4.2. Роль миграционной политики России в формировании человеческого капитала	124
4.3. «Советская диаспора» Казахстана как особый феномен	129
4.4. Эконометрическое моделирование факторов миграции из Казахстана в Россию	141
Заключение	147
Список источников	150

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Глава 1

1.1.—1.3. Чепель С. В., д. э. н., главный научный сотрудник Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан (г. Ташкент); Е. Х. Тухтарова; ведущий экономист Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург), Н. П. Неклюдова, к. э. н., старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург), доцент кафедры экономики и информатизации Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)

Глава 2.

2.1. Т. В. Куприна, к. п. н., профессор РАЕ, доцент УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), Е. Б. Бедрина, к. э. н., доцент УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург)

2.2. Н. Л. Смирнова, к. п. н., доцент ИРО Свердловской области (г. Екатеринбург), Т. В. Куприна, к. п. н., профессор РАЕ, доцент УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

2.3. Т. В. Куприна, к. п. н., профессор РАЕ, доцент УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), А. П. Бекетова, к. п. н., старший преподаватель УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Глава 3

3.1. Е. Б. Бедрина, к. э. н., доцент УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург)

3.2. А. С. Мельникова, к. э. н., доцент УрГЭУ, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург)

3.3. М. Н. Вандышев, к. с. н., доцент УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Глава 4

4.1. Е. А. Трушкова, к. э. н., научный сотрудник Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург)

4.2.—4.4. Е.Б. Бедрина, к. э. н., доцент УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург), К.В. Чернова, магистрант УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

ВЕДЕНИЕ

Монография «Международная трудовая миграция в современной России: от мониторинга к принятию управленческих решений» является завершающим этапом оценки миграционных процессов, происходящих в современной России, а также логическим продолжением исследований, опубликованных нашим творческим коллективом в 2014, 2015 и 2017 гг. в монографиях «Современные подходы к оценке влияния трудовой миграции на социально-экономическое благополучие принимающей территории», «Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной миграционной политики» и «Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России».

Авторы считают, что изучение такого сложного явления, как миграция, требует комплексного подхода и сочетания как количественных, так и качественных методов исследования. В связи с чем в исследовании использованы социологические, диагностические, наукометрические и эконометрические методы, а также проведен контент-анализ. Исследование опирается на данные официальной статистики, а также полученные от ведомств, занимающихся реализацией миграционной политики в регионах России, собранные в результате социологических опросов, проведения диагностики детей-инофонов, массива информационных источников из российской электронной научной библиотеки eLibrary, анализа средств массовой информации.

Архитектура исследования строится на принципах междисциплинарного подхода, в связи с чем к написанию монографии были привлечены специалисты различных областей знаний: экономики, социологии и педагогики.

Так как миграция в Россию носит трудовой характер, то первая глава монографии посвящена экономическим вопросам, а именно, влиянию миграции на экономический рост в российской экономике. Авторы обосновывают необходимость

инклюзивного экономического развития, направленного на повышение общественного благосостояния и нивелирование социального неравенства как в экономической, так и других сферах общественного развития.

Вторая глава посвящена вопросам коммуникации в поликультурной среде, возникающим в результате миграционных процессов. Особое внимание в ней уделено языку как основе вербального взаимодействия. Данная глава основывается на материале, полученном в результате диагностики выявления у детей мигрантов способностей к обучению на русском языке, проведенной в школах Свердловской области. Кроме того, в одном из разделов главы описан направленный на развитие коммуникативной толерантности эксперимент, проведенный в группе студентов Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Третья глава посвящена особенностям интеграции и адаптации трудовых мигрантов и членов их семей в России и поднимает такие важные темы, как процессы формирования «полуторного» поколения мигрантов на принимающей территории, создание общественного мнения по вопросам миграции и влияние миграции на криминогенную ситуацию в России.

Четвертая глава посвящена вопросам формирования миграционной политики. В нем приведена классификация реализуемых миграционных программ в России. Особое внимание уделено программе содействия добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию, проживающих за рубежом, играющей важную роль в формировании человеческого капитала в стране, а также «советской диаспоре» Казахстана, которую авторы считают основой миграционного потенциала на постсоветском пространстве.

Собранный в процессе работы материал, отражающий влияние миграционных процессов на различные стороны жизни принимающего общества и его анализ, позволил авторам сформулировать рекомендации по совершенствованию миграционной политики и принятию эффективных управленческих решений.

Данная монография является завершением второго года работы по исследовательскому проекту РФФИ ОГОН № 16–02–00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария социально-экономического благополучия регионов». Издание монографии подготовлено при финансовой поддержке РФФИ ОГОН.

ГЛАВА 1. РОЛЬ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ИНКЛЮЗИВНОМ РОСТЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

1.1. Эволюция оценки трудовой миграции в моделях экономического роста

Проблема экономического роста — одна из главных тем в современной научной дискуссии. Ключевой задачей является не столько задача возврата к высоким темпам экономического роста, сколько формирование новой модели экономического роста, включающей все имеющиеся ресурсы. Причем формирование данной модели способствовало бы как развитию государственных институтов, технологических структур, так и накоплению человеческого капитала.

Новая модель экономического роста основывается на идее о том, что благосостояние общества складывается не только из роста реального ВВП и материальных доходов населения, но включает также накопление физического и человеческого капитала. Важно учитывать и то, что модель должна базироваться не только на параметре «устойчивость экономического роста» — в современных реалиях этого уже недостаточно, — а должна быть инклюзивной, то есть оказывать положительное влияние на благосостоянии широких слоев населения.

Стагнация мировой экономики в условиях бюджетного ограничения, связанного с кризисными явлениями глобализации, создает риски для устойчивого роста и занятости населения. Все больше домохозяйств в развивающихся странах сталкиваются с риском бедности, проблемами доступа к образованию и медицине, что в конечном итоге усиливает неравенство между странами. Как известно, высокий уровень неравенства может приводить к падению совокупного спроса, потере социальной стабильности, и, в конечном итоге, неконтролируемым миграционным потокам¹.

¹ WEF (2016a). Global Risks Report 2016 / World Economic Forum [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/GRR/WEF_GRR16.pdf.

Усиление неравенства вызвано не только глобализацией, но и неравномерностью смены технологических укладов разных стран. К примеру, совокупное воздействие институциональных и технологических преобразований привело к усилению экономического и социального неравенства в европейских странах уже в 1980-х гг.¹

В связи с этим, становится все более очевидно, что сложившаяся модель развития на основе стимулирования потребительского спроса и расширения производства сегодня перестает быть основой для устойчивого экономического роста. Дальнейшее использование такого подхода будет приводить к многочисленным нежелательным социальным, экономическим и экологическим последствиям. Для преодоления современных вызовов необходимо переосмысление теоретико-методологических подходов в целях выработки нового решения текущих проблем. На наш взгляд, концепция устойчивого развития² нуждается в обновлении и более глубоком учете социального фактора в увязке качественных характеристик человеческого капитала и экономического роста.

Современная модель инклюзивного экономического роста, учитывающая качество и роль человеческих ресурсов, может предложить свои варианты пути выхода из сложившегося кризиса. Предлагаем ознакомиться с результатами нашего исследования и вариантами решений для перехода стран СНГ к инклюзивному росту.

Под инклюзивной экономической моделью авторы подразумевают подход, основанный на эффективном использовании всех имеющихся ресурсов, с учетом повышения роли человеческого капитала и его изобретательской деятельности.

Научным сообществом разработано три основные модели устойчивого экономического роста:

¹ Меркулова Т. В. Экономический рост и неравенство. Институциональный аспект и моделирование взаимосвязи // Мир России. 2010. №2. С. 59–73.

² В последнее время все большее распространение получает концепция устойчивости развития Всемирного банка, основанная на анализе активов нации (см., например, *The Changing Wealth of Nations. Measuring Sustainable Development in the New Millennium*. World Bank, 2011), одним из элементов которых является человеческий капитал.

1) модель инвестиционного роста, которая базируется на высоком уровне капитальных вложений в разработку и внедрение технологий, созданных в национальных экономиках¹;

2) модель инновационного роста, в которой рост, в отличие от предыдущей модели, основывается на «передовых инновациях», разработки новых технологий и их распространении вне национальных границ²;

3) модель инклюзивного роста, основанная на эффективном использовании человеческого капитала и изобретательской деятельности³.

Несмотря на то, что технологические факторы производства продолжают играть свою роль в производительности труда, все большее значение приобретают человеческие ресурсы и качество институтов в стране⁴. Так, по мнению зарубежных исследователей, рост страны можно относить к инклюзивному, если одновременно с увеличением ВВП страны происходит увеличение индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)⁵. В этом случае возрастает роль государства в достижении баланса между инвестиционной политикой и развитием национальной инновационной системой.

¹ Harrod R. F. An Essay in Dynamic Theory // *Economic Journal*. 1939. №49. P. 14–33.

² Etzkowitz. H., Leydesdorff L. The Dynamics of Innovation: from National System and Mode 2 to a Triple Helix of University-Industry-Government Relations // *Research Policy*. 2000. V. 29. №2.; Aghion P., Howitt P. Growth With Quality-Improving Innovations: An Integrated Framework // *Handbook of Economic Growth*. 2005. Chapter 2.

³ McKinley T. Inclusive Growth Criteria and Indicators: An Inclusive Growth Index for Diagnosis of Country Progress, ADB Sustainable Development Working Paper Series, №. 14. Man da lu yong City, Philippines, Asian Development Bank, 2010; Ramos, A. R., Ranieri, R. & Lammes, J. Mapping Inclusive Growth. Working Paper, International Policy Centre for Inclusive Growth. 2013. №. 105; Anand R., Mishra M. S., Peiris S. J. Inclusive growth: Measurement and determinants // *International Monetary Fund*, 2013. № 13. P. 135.

⁴ Сморгунов Л. В. Государство, сотрудничество и инклюзивный экономический рост // *Власть*. 2017. № 11.

⁵ Roy A. Inclusive Growth through MFIs' Outreach in Assam. // *Asia-Pacific Business Review*. 2011. Vol. 7. № 3. P. 47–62.

На наш взгляд, в настоящее время все эти модели сосуществуют, а развитие той или иной страны, связано с разницей их технологических укладов и базирующейся на одной из этих экономических моделей. Первые две модели экономического развития используют развивающиеся страны, причем инвестиционную модель выбирают государства догоняющего развития, тогда как богатые и ресурсобеспеченные экономики развивающихся стран базируются на инновационной модели. К первой группе стран относится большинство развивающихся стран, ко второй можно отнести государства: Саудовскую Аравию, ОАЭ, Кувейт, Китай и др., где наблюдался в последние десятилетия приток финансов, новых технологий из развитых стран и, как следствие, приток трудовых мигрантов.

Страны СНГ, на наш взгляд, также подчиняются этому распределению. К странам СНГ, использующим инвестиционную модель, следует отнести, например, Киргизию, Молдавию, Грузию, Армению, так как их развитие сильно зависит от внешних инвестиций, в том числе и от денежных переводов трудовых мигрантов. К странам, базирующимся на инновационном развитии, на наш взгляд, можно отнести Казахстан, Белоруссию и — с некоторой натяжкой — Россию.

Россия, являющаяся, по сути, страной, догоняющей технологическое развитие западных стран, с экономикой преимущественно 4-го технологического уклада (использование энергии углеводородов), по большей части зависит от притока внешних инвестиций, что является, по мнению большинства исследователей, ловушкой отсталости¹. Тем не менее, страна, обладая богатыми природными ресурсами, при сложившейся технологической отсталости является территорией притяжения огромного количества трудовых мигрантов².

Трудовая миграция, являющаяся составной частью рынка труда, может, как повысить инклюзивность экономического

¹ Узьяков М. Ловушка отсталости. Что тормозит экономический рост России // РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/28/02/2018/5a9578839a79477d673a8bef>.

² Чепель С. Бондаренко К. Является ли внешняя трудовая миграция фактором экономического роста. Эконометрический анализ и выводы для стран СНГ // Журнал новой экономической ассоциации. № 4. 2015. С. 142–166.

роста страны, так и способствовать снижению ее рейтинга по показателю его характеризующему.

Этот эффект зависит от уровня квалификации и навыков иммигрантов. Приток иностранных неквалифицированных рабочих может привести к росту кривой предложения на рабочую силу и увеличению инвестиций в физический капитал без совершенствования технологий. Трудовая миграция также может влиять не только на уровень физического капитала, но и на его отраслевое распределение.

Так, согласно исследованию Carillo et. all., прибытие высококвалифицированных иммигрантов в страну вызывает рост наукоемких отраслей и способствует устойчивому инклюзивному росту экономики¹. Тогда как приток низкоквалифицированных иммигрантов способствует привлечению капитала в трудоемкие средне- и низкотехнологичные сектора экономики, что может привести к стагнации экономики вследствие интенсивной эксплуатации инфраструктуры без ее модернизации. Иначе говоря, происходит замена капитала на труд, и развитие страны осуществляется за счет экстенсивных источников.

Неконтролируемая нелегальная и неупорядоченная миграция однозначно приводит к отрицательным последствиям. Так, Diaz P. и др. показали, что приток мексиканских нелегальных мигрантов в Аризону в течение четырех лет (2006–2009) привел к увеличению безработицы на фоне стагнации экономики в этом штате². Обратная связь между нелегальной миграцией и экономическим ростом объясняется ростом социального неравенства и снижением инклюзивного потенциала страны. Это связано с необходимостью направлять бюджетные потоки не на социоэкономическое развитие, например, здравоохранения или образования, а на обеспечение адаптации и интеграции трудовых мигрантов, наведение правопорядка и усиление силовых структур в стране.

¹ Carillo R. M., Quintieri B., Vinci P.C. Causes and Economic Effects of Migration Flows — an Overview // Labour. 1999. 3(3). P. 587–602.

² Diaz P., Saenz S.D., Kwan S.Y.V. Economic dynamics and changes in attitudes towards undocumented Mexican immigrants in Arizona // Analyses of Social Issues and Public Policy. 2011. № 300. P. 313.

Влияние трудовой миграции на бюджет проявляется не только в налоговых поступлениях от трудовой деятельности мигрантов, но и в необходимости их интеграции и социальных выплат. Более того, иммиграция влияет на трансфертные платежи, усиливая нагрузку на финансовую сферу из-за разницы процентных ставок в странах — участницах миграционного обмена, вследствие чего происходит неадекватное перераспределение финансовых ресурсов страны, и как следствие, снижение инклюзивности роста.

Как отмечают P. S. Kerr и R. W. Kerr, обычно государственный бюджет принимающих стран имеет незначительный положительный финансовый эффект от миграции¹. При этом большой приток неквалифицированной рабочей силы серьезно ограничивает качественное (инклюзивное) развитие страны. Это подтверждается и другими исследованиями. Например, автор Mayr K. обнаружила небольшой положительный финансовый эффект от миграционных процессов для государственного бюджета Австрии².

Если приток квалифицированных кадров оказывает положительное влияние на экономический рост в стране прибытия, то страна-донор оказывается в трудном положении. Так, многочисленные исследования, в которых изучаются последствия оттока человеческого капитала, свидетельствуют о негативном влиянии данного процесса на общий уровень образования населения страны-донора и на качественные показатели экономического роста. В частности, исследования M. Beine, F. Docquier, H. Rapoport показали, что масштабный отток квалифицированной рабочей силы уже в среднесрочном периоде начинает оказывать отрицательное влияние на развитие отдельных секторов в экономике в стране исхода мигрантов³.

¹ Kerr P. S., Kerr R. W. Economic Impact of Immigration: A Survey. // Harvard Business School Working Paper. 2011. № 9. P. 13.

² Mayr K. The Fiscal Impact of Immigrants in Austria — A Generational Accounting Analysis. // *Empirica*. 2005. № 32. P. 181–216.

³ Beine M., Docquier F., Rapoport H. Brain Drain and Economic Growth: Theory and Evidence // *Journal of Development Economics*. 2001. Vol. 64(1). P. 275–289.

Долгосрочные последствия оттока квалифицированных кадров находят свое отражение в изменении качественных и количественных показателей человеческого капитала в стране-доноре. А это запускает негативный мультипликационный эффект, снижающий научный и инклюзивный потенциал страны.

О неоднозначном эффекте влияния трудовой миграции на экономический рост свидетельствуют и другие исследования зарубежных авторов¹. К примеру, М. Билдиричи установил положительную связь между миграцией и экономическим ростом, которая может быть справедливой для стран — импортеров, тогда как для стран-доноров эта связь может быть обратной. Такой результат был получен для 77 стран за период с 1990 г. по 2001 г.

На наш взгляд, это может объясняться тем, что в ситуации избыточности человеческих ресурсов высвобождающиеся места на рынке труда снижают нагрузку на него. В то же время государственные институты могут более эффективно и равномерно распределять на рынке труда оставшиеся в стране человеческие ресурсы. Нагрузка на рынок труда развитых стран в результате миграции возрастает, что приводит к появлению дисбаланса между рынком труда и производительными силами.

Наличие в стране сильных государственных институтов, умеющих эффективно распоряжаться ресурсным потенциалом, создают предпосылки для инклюзивного роста. Тогда как в других странах государственные институты, не способные справиться с дисбалансом в стране, приводят к снижению качественных составляющих экономического роста, и даже к стагнации экономики. В странах с сильными институтами приток трудовых мигрантов имеет управляемый и даже выборочный характер. Развитые страны выделяют квоты на

¹ Di Maria C., Lazarova E. Migration, Human Capital Formation, and Growth: An Empirical Investigation // World Development. 2012. Vol. 40(5). P. 938–955; Bildirici M., Sunal S., Aykac Alp E., Orcan M. (Determinants of Human Capital Theory, Growth and Brain Drain: an Econometric Analysis for 77 Countries // Applied Econometrics and International Development. 2005. Vol. 5(2). P. 109–140; Chen H. J., Fang I. H. Migration, Social Security, and Economic Growth // Economic Modeling. 2013. Vol. 32. P. 386–399.

привлечение количества мигрантов, их государственные институты просчитывают количество необходимых специалистов по различным отраслям. Это обеспечивает равновесие на рынке труда и повышает качественный рост в этих отраслях.

Ряд других исследований также свидетельствует о важной роли действующих государственных институтов в стране, благодаря которым страны способны извлекать выгоду из миграционных процессов и оказывать положительный эффект на снижение уровня бедности и рост доходов в стране исхода. Так, в исследованиях, проведенных в разное время зарубежными авторами для отдельных стран, зафиксирована такая взаимосвязь через следующий упрощенный механизм государственного регулирования миграционных процессов: «трудовые мигранты → денежные переводы → рост потребления → рост производства → экономический рост»¹.

Следовательно, взаимосвязь между бедностью и миграцией является довольно сложным экономическим явлением, которым важно управлять при помощи сильных и качественных государственных институтов. В случае отсутствия таких институтов влияние миграции на экономический рост может быть отрицательным. Некоторые результаты исследований демонстрируют отрицательный эффект от получения денежных переводов для страны-донора. Например, отмечают, что денежные переводы могут повышать долгосрочный экономический рост только в тех странах, где присутствует доверие населения к управленческим решениям государственных институтов.² Тогда как в странах с невысоким качеством

¹ Díaz-Briquets S., Pérez-López J. Refugee Remittances: Conceptual Issues and the Cuban and Nicaraguan Experiences // *International Migration Review*. 1997. Vol. 31(2). P. 411–437; Woodruff C., Zenteno R. (2001). Remittances and Microenterprises in Mexico. UCSD, Graduate School of International Relations and Pacific Studies Working Paper; Sana M., Massey D. Household Composition, Family Migration, and Community Context: Migrant Remittances in Four Countries // *Social Science Quarterly*. 2005. Vol. 86(2). P. 509–528; Catrinescu N., Leon-Ledesma M., Piracha M., Quillin B. Remittances, Institutions, and Economic Growth // *World Development*. 2009. Vol. 37(1). P. 81–92.

² Goschin Z. Remittances as an Economic Development Factor: Empirical Evidence from the CEE Countries // *Procedia Economics and Finance*. 2014. Vol. 10. P. 54–60.

институтов и низким уровнем доходов населения, как правило, положительный эффект от получения трансграничных переводов наблюдается лишь в среднесрочном периоде.

Например, к такому выводу пришли Z. Goschin, T. Ziesemer при исследовании влияния миграции на экономический рост для стран со средним доходом (менее 1200 долл. США на душу населения).¹ Р. Guha объяснил данный эффект тем, что, несмотря на положительное влияние денежных переводов на экономический рост и снижение бедности в стране исхода мигрантов, они в случае кризисных явлений в мировой экономике являются источниками внешних шоков и, как следствие, приводят к неустойчивости экономического развития².

Другим проявлением обратной связи между денежными переводами мигрантов и экономическим ростом является негативный эффект, который может оказывать резкое повышение или снижение объема денежных переводов через ослабление торгового баланса страны и снижение ее конкурентоспособности на внешних рынках³.

Многочисленные современные исследования показывают, что значительная доля денежных переводов мигрантов, направляемых на родину, не инвестируется в производственный сектор страны. К примеру, в бедных странах денежные переводы зачастую используются для погашения кредитов и задолженностей домохозяйств, минуя механизм трансформации денег в инвестиции⁴.

¹ Ziesemer T. Worker Remittances, Migration, Accumulation and Growth in Poor Developing Countries: Survey and Analysis of Direct and Indirect Effects // *Economic Modeling*. 2012. Vol. 29(2). P. 103–118; Imai K. S., Gaiha R., Ali A., Kaicker N. Remittances, Growth and Poverty: New Evidence from Asian Countries // *Journal of Policy Modeling*. 2014. Vol. 36(3). P. 524–538.

² Guha P. Macroeconomic Effects of International Remittances: The Case of Developing Economies // *Economic Modelling*. 2013. Vol. 33. P. 292–305.

³ Nyamongo E., Misati R. N., Kipyegon L., Ndirangu L. Remittances, Financial Development and Economic Growth in Africa // *Journal of Economics and Business*. 2012. Vol. 64(3). P. 240–260.

⁴ Mosse D., Gupta S., Mehta M., Shah V., Rees J.F., Team K.P. Brokered Livelihoods: Debt, Labour Migration and Development in Western India // *Journal of Development Studies*. 2001. Vol. 38(5). P. 59–88.

⁴ Stark, Oded, Taylor, J. Edward, Yitzhaki, Shlomo, Remittances and inequality //

Об этом же свидетельствует и исследование А. Крюгера и К. Андерсона, проведенное на основе данных о показателях миграции из Киргизии.¹ В ходе исследования авторы зафиксировали положительное влияние эмиграции на экономический рост страны-донора лишь для периода с 2001 г. по 2008 г. Ученые отметили, что уже с 2009 г. по 2011 г. этот потенциал был исчерпан ввиду ухудшения человеческого капитала страны. Высокие темпы миграции квалифицированных кадров привели к истощению человеческого капитала Киргизии и ухудшили показатели экономического развития страны в последующие годы. Это объясняется тем, что большая часть переводов трудовых мигрантов направлялась на личное потребление домохозяйств, это предопределило снижение экономического потенциала страны. В данном случае страна попадает в «ловушку бедности».

Феномен «ловушки бедности» хорошо описал в своих исследованиях Роберт Лукас². На примере исследования различных стран Лукас показал, что значительный рывок в своем развитии может сделать лишь та страна, которая смогла эффективно направлять инвестиции не только на потребление, но и, прежде всего, на формирование человеческого капитала. Исследователь убедительно продемонстрировал на примере успешных стран, как инвестиции в человеческий капитал создают долговременную связь между технологиями и устойчивым экономическим ростом.

Таким образом, результаты эмпирических исследований свидетельствуют о важности миграционных процессов в объяснении динамики экономического роста. При этом наиболее

Economic Journal. 1986. №96 (383), P. 722–740; Catrinescu N., Leon-Ledesma M., Piracha M., Quillin B. (2009). Remittances, Institutions, and Economic Growth // World Development. Vol. 37(1). P. 81–92; Barguelli A., Zaiem M. H., Zmami M. (2013). Remittances, Education and Economic Growth: A Panel Data Analysis // Journal of Business Studies Quarterly. Vol. 4(3). P. 129–139.

¹ А. Крюгер, К. Андерсон. Денежные переводы и возможности детей. Новые свидетельства из Кыргызстана, 2005–2008 годы. Серия документов для обсуждения IZA. 2012. № 6293. Институт изучения труда [IZA]. Бонн. [Электронный ресурс]. URL: <http://EconPapers.repec.org/RePEc:iza:izadps:dp6293>.

² Лукас Р. Э. Лекции по экономическому росту / пер. англ. Д. Шестакова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 288 с.

важными ограничениями для инклюзивного роста являются слабые государственные институты, низкое качество человеческого капитала и дисбалансы между производственными силами и наличием рабочей силы в стране. Все это приводит к неустойчивому экономическому росту.

Неравенство в развитии стран в значительной степени объясняется доступом к образованию. Как показали многочисленные исследования, уровень образования является очень важной предпосылкой для формирования условий инклюзивного развития страны, так как он создает базу для развития технологий, что, в свою очередь, является основой для инклюзивного рывка в будущее¹.

По итогам 2016 г. Россия является третьей страной в мире принимающей большое количество мигрантов, после США и Германии. Если развитые страны мира в настоящее время осуществляют переход на шестой технологический уклад, основанный на цифровых технологиях, то у России при наличии высокого человеческого потенциала, отсутствуют важные предпосылки для инклюзивного рывка в будущее. Это обусловлено низким качеством институтов, сырьевой направленностью экономики, отсутствием взвешенной инвестиционной политики, направленной на создание новых высокооплачиваемых рабочих мест в новых секторах экономики. Для перехода на инклюзивные источники развития необходима разработка взвешенной и продуманной миграционной политики со странами партнерами миграционного обмена. В этих целях авторы предлагают исследовать влияние миграции на инклюзивное развитие на примере мирового опыта успешных стран.

1.2. Система показателей влияния трудовых мигрантов на экономический инклюзивный рост

Для изучения взаимосвязи качественных характеристик экономического роста и темпов миграции применительно к современному этапу экономического развития проведено

¹ Чепель С., Иброгимова Н. Экономический рост и доступность высшего образования: существенные гипотезы, каналы, взаимосвязи и их релевантность для развивающихся стран мира // Человеческий капитал и профессиональное образование». 2016. № 4. С. 4–16.

эконометрическое исследование на данных Всемирного банка по 76 развивающимся странам. Из категории развивающихся стран были исключены страны с нестабильным политическим режимом, низкими доходами на душу населения (по критерию ВВП на душу населения), а также страны с населением менее 5 млн чел.

Система показателей экономического развития и инклюзивности для двух этапов исследования строилась на основе блочной структуры. По итогам формирования системы показателей было получено шесть блоков. Каждый из этих шести блоков включал в себя несколько индикаторов, отражающих суть процессов в том или ином блоке. Так, для 1 блока «Уровень экономического развития и инклюзивность (качество) роста» были выбраны следующие индикаторы: ВВП на душу населения по ППС в постоянных ценах 2011 г., индекс инклюзивного развития, коэффициент Джини и индекс человеческого развития.

Необходимо добавить разъяснения относительно индекса инклюзивного развития. Индекс инклюзивного развития — это синтетический показатель, рассчитываемый экспертами Азиатского банка¹, включающий в себя три макрогруппы, в который интегрированы различные социально-экономические показатели:

1) индикаторы экономического роста и развития: ВВП на душу населения (долл. США в постоянных ценах 2011 г.), производительность труда на одного работника (долл. США), ожидаемая продолжительность здоровой жизни, занятость населения (%);

2) социальный блок — инклюзивность, или социальная справедливость: коэффициент расслоения общества по доходам (от 0 до 100), уровень бедности (в %), коэффициент расслоения общества по распределению богатства (от 0 до 100), медианный доход (долл. США);

3) индикатор преемственности поколений и устойчивого развития: скорректированные чистые сбережения (в %

¹ Inclusive Development Index. см. WEF. The Inclusive Growth and Development Report. 2017. P. 75.

от ВНД), парниковая интенсивности ВВП (кг/долл), государственный долг (% к ВВП), коэффициент демографической нагрузки (%).

Для расчета индикатора инклюзивности сначала рассчитывается интегральное значение по каждому блоку, а затем на основе среднеарифметического подсчета выводится индекс.

Для блока «Миграции» в качестве индикатора внешней трудовой миграции были использованы три показателя: доля чистой миграции в процентах к численности местного населения (данные Всемирного банка), чистая миграция в среднем по пятилетним периодам (данные ООН) и численность мигрантов в процентах к численности местного населения (данные ООН). Необходимость в анализе миграции трех индикаторов обусловлена разницей в подходах и оценке при получении индикатора трудовой миграции. Поэтому в исследовательских целях были рассмотрены все индикаторы, тогда как в дальнейших эконометрических уравнениях использовались только те, которые давали достоверные и несмещенные оценки. Все перечисленные показатели в нашей методике являются взаимозависимыми и дополняющими друг друга переменными.

Помимо этих показателей в дальнейший анализ были включены важнейшие объясняющие (независимые) факторы инклюзивного развития — показатели качества государственных институтов на основе оценок Всемирного банка (блок «Качество государственных институтов»), показатели диверсификации экономики и научно-технологического развития, инвестиционного климата и рынка труда.

В качестве индикаторов, отражающих качество государственных институтов, были использованы готовые данные Всемирного банка:

1) индекс соблюдения законодательства, где оценка ниже 0 — отсутствие соблюдения законодательства и гарантии прав, выше 0 соблюдение законодательства и гарантия прав;

2) контроль коррупции — показатель, рассчитываемый от 0 до 100, чем значение ближе к 100 %, тем выше контроль государственных органов и ниже коррупция, соответственно, чем ниже значение, тем выше уровень коррупции в стране;

3) эффективность правительства — показатель, рассчитываемый от 0 до 1, значение ниже 0 — низкая эффективность правительства, больше 1 эффективность правительства высокая.

Для оценки влияния научно-технического прогресса на инклюзивность экономики был введен блок диверсификации экономики и научно-технологического развития, который состоял из следующих показателей: доля обрабатывающей промышленности в ВВП, количество патентов на 1 млн чел., доля расходов в ВВП на НИОКР (R&D), число научных публикаций на 1 млн населения, доля населения с высшим образованием, количество лет обучения в университете.

Оценка инвестиционной составляющей (блок «Инвестиционная активность и ресурсная наделенность») по странам представлена следующими показателями: чистый приток инвестиций, доля валовых инвестиций в основной капитал в % к ВВП и ресурсная наделенность страны, где страны 1 — ресурсобогатые, 0 — прочие страны.

Рынок труда является основой различных макроэкономических моделей. В нашем случае эта составляющая играет особую роль и представлена показателями доли занятых в экономике в процентах к численности населения и доли занятых в промышленности в общей численности занятых.

Сформированная таким образом статистическая база данных позволила оценить связь между миграцией и инклюзивным развитием, а также выявить факторы, которые играют важнейшую роль для устойчивого экономического роста в развивающихся странах.

Для получения оценок взаимосвязи, как уже упоминалось выше, были использованы эконометрические методы анализа на основе пространственно-временных подходов. При этом учитывалась особенность структуры матриц по включенным в анализ индикаторам. Она состоит, прежде всего, в степени различий матриц (индикаторов) для некоторых стран, вошедших в выборку. Примером являются пропуски или отсутствие данных в динамике таких индикаторов, как расходы на образование, науку и технологии, коэффициент Джини, численность занятых с высшим образованием и ряд других.

Это существенно затрудняет использование классических методов панельного анализа (*RE*, *FE* и т. д.). Поэтому для устранения эффекта отсутствия точек наблюдения единственной альтернативой в этом случае остается применение метода *cross section* — усреднение оценок по всем факторам для исследуемого периода (2000–2015 гг.) для всех отобранных развивающихся стран мира.

Для понимания необходимых условий инклюзивного роста наряду с традиционными подходами в интерпретации коэффициентов, полученных в регрессионных моделях, в нашей работе приводятся некоторые ориентиры или пороговые значения, которых необходимо достичь в целях упорядочивания миграционных процессов для России.

В таблице 1.1. предложены факторы для анализа роли трудовых мигрантов на основе данных ООН, Всемирного Банка, рейтинговых агентств.

В целях исследования связи миграции и инклюзивного развития мы выдвинули 2 гипотезы, которые в дальнейшем были протестированы.

Гипотеза 1 предполагает, что дешевая рабочая сила, создаваемая неупорядоченной масштабной трудовой миграцией, для развивающихся стран, в том числе и для России, является сдерживающим фактором, препятствующим диверсификации экономики и росту научно-технологического потенциала (по аналогии с гипотезой о ресурсном проклятии).

В дополнение к первой гипотезе была выдвинута гипотеза 2: активная инвестиционная политика, рост качества государственных институтов и инклюзивность экономического роста являются основными факторами сокращения неупорядоченной масштабной трудовой миграции для развивающихся стран.

Необходимость выдвижения двух гипотез обусловлена тем, что обе они являются взаимодополняющими, их трудно разорвать и исследовать отдельно друг от друга. По этой причине дальнейшее исследование будет строиться на основе тестирования обеих гипотез.

Для того чтобы протестировать выдвинутые гипотезы, на первом этапе необходимо выбрать наиболее адекватный

Таблица 1.1

Условные обозначения (классификатор переменных)

Условное обозначение переменной	Расшифровка
<i>Уровень экономического развития и инклюзивность (качество) роста</i>	
<i>gdp_pc_ppp</i>	ВВП на душу населения по ППС в дол.
<i>idi</i>	индекс инклюзивного развития (в диапазоне от 1 до 10)
<i>gini</i>	коэффициент Джини
<i>hdi</i>	индекс человеческого развития
<i>Миграция</i>	
<i>nmigr</i>	чистая миграция (в % к насел. с использованием статистики ВБ — средние оценки за пятилетия)
<i>nm95–00 (nm00–05,...)</i>	чистая миграция по оценке ООН за 1995–2000 гг., 2001–2005 гг., 2006–2010 гг., 2011–2015 гг. (в тыс. чел.)
<i>nm00–15pop</i>	отношение чистой миграции (по индикатору nm00–15) к численности населения
<i>nmbmigr</i>	численность мигрантов (в % к населению, из отчета по международной миграции ООН 2015)
<i>Занятые на рынках труда</i>	
<i>empl</i>	уровень занятых в % к населению
<i>emp_ind</i>	занятые в промышленности (в % к общей занятости)
<i>Качество государственных институтов</i>	
<i>rol</i>	индекс соблюдения законодательства
<i>cpi</i>	контроль коррупции (от 0 до 100, средние за 2012–2015 гг.)
<i>gef</i>	эффективность правительства
<i>Диверсификация экономики и научно-технологическое развитие</i>	
<i>manuf</i>	обрабатывающая промышленность (в % к ВВП)
<i>htexport</i>	высокотехнологичный экспорт (% к экспорту обрабатывающей промышленности)
<i>intus</i>	пользователи интернета (на 100 чел. населения)
<i>patapp</i>	патенты (резиденты на 1 млн населения)
<i>re&dexp</i>	расходы на R&D (в % к ВВП)
<i>publ</i>	число публикаций в научных журналах на 1 млн населения
<i>labter</i>	численность работников с высшим образованием (%)
<i>yearter</i>	число лет обучения в университете

Окончание табл. 1.1

Инвестиционная активность и ресурсная наделенность	
<i>fdi</i>	чистый приток прямых иностранных инвестиций (в % к ВВП)
<i>inv</i>	валовые инвестиции в основной капитал (в % к ВВП)
<i>res</i>	ресурсная наделенность страны (1 — ресурсно богатые, 0 — прочие страны)

Примечание: конкретные значения переменных в файле *empl_update* приведены в среднегодовом исчислении за период 2000–2015 (16, 17) гг.

показатель миграционных потоков, который отражает реальную ситуацию в мире. Поставленная цель предопределила проведение статистического теста на их адекватность и достоверность. Так, тест на нормальное распределение по трем индикаторам миграционных потоков позволил получить следующие результаты:

1. Количество мигрантов (в % к населению, из отчета по международной миграции ООН 2015, *nmbmigr*), индикатор отражающий число зарегистрированных мигрантов, проживающих на территории данной страны. Данный показатель продемонстрировал, что у абсолютного большинства стран (у 50 из 73 стран по которому имеется соответствующая статистика; см. рис. 1.1 с гистограммой для *nmbmigr*) его значение составляет менее 5 %.

Преимуществом данного показателя перед двумя другими является то, что его величина лежит в области положительных значений, что облегчает интерпретацию полученных результатов и в последующем анализе регрессионных уравнений. Лидерами по этому индикатору являются такие страны, как ОАЕ (81 %), Кувейт (70 %), Оман (41 %), Иордания (36 %), Саудовская Аравия (29 %) и т. д.

Такое распределение стран в миграционных потоках свидетельствует о том, что в «лагере развивающихся стран» произошло разделение на два дополнительных полюса — ядро и периферию. При этом в страны ядра входят страны ресурсобеспеченные, которые в рамках развития инвестиционной модели до последнего времени могли формировать высокие доходы, а потому стали притягательными для трудовых мигрантов из других развивающихся стран (рис. 1.1).

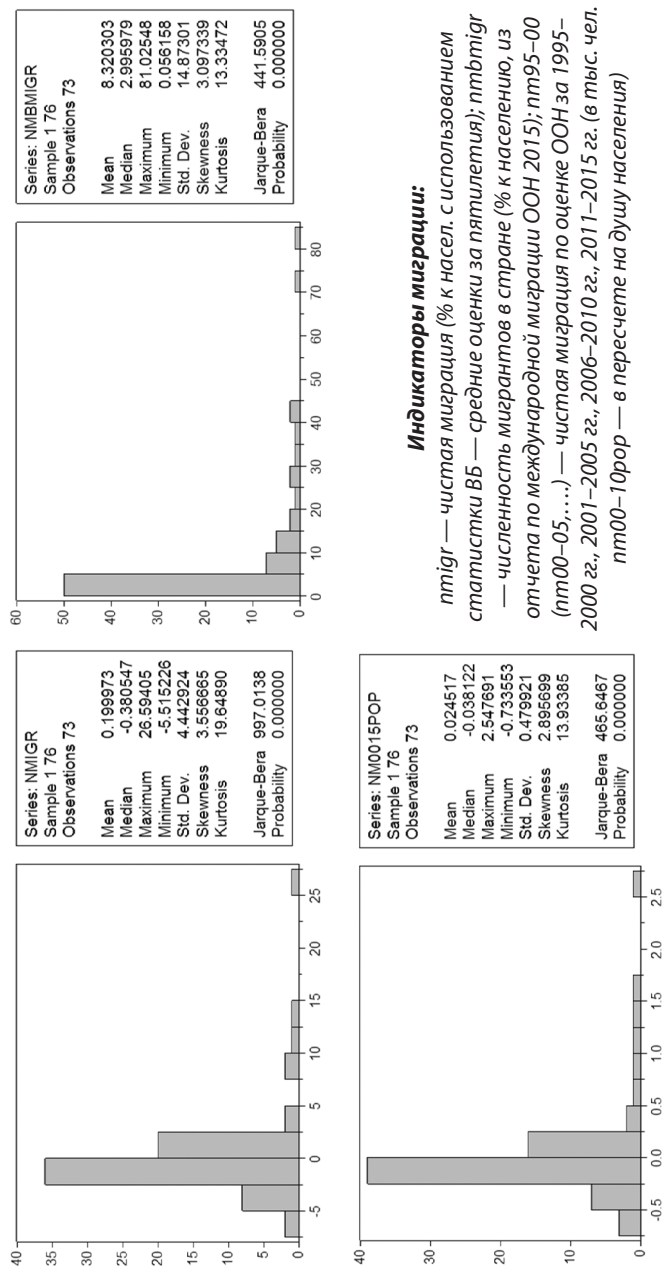

Рис. 1.1. Распределение исследуемых стран — поставщиков и доноров мигрантов

Как показал наш анализ, наиболее высокий уровень миграции в последние годы имели Казахстан (20 %), Беларусь (11 %) и Россия (8 %), то есть страны, с наиболее высоким уровнем экономического развития на постсоветском пространстве, с доходом от 17 до 24 тыс. долл. на душу населения.

Отметим интересную, на наш взгляд, особенность. Среди ресурсообеспеченных углеводородным сырьем стран, таких как Россия и Казахстан, в ядро СНГ по притоку трудовых мигрантов попала Беларусь, не обладающая данными ресурсами. Каким образом страна смогла войти в ядро притяжения трудовых мигрантов? На наш взгляд ответ прост: эта страна обладает одним из самых высоких показателей человеческого капитала. Так, в докладе ООН (Human Development Report) за 2015 г. Республика Беларусь оказалась в рейтинге стран с высоким уровнем человеческого капитала по индексу человеческого развития (ИЧР)¹, обойдя все страны СНГ, за исключением России. Иначе говоря, Республика Беларусь выстроила свою экономическую модель не за счет экстенсивных источников развития, а за счет одного из показателей инклюзивности — человеческого капитала. Это позволило стране существенным образом нарастить выпуск наукоемких технологий и повысить уровень доходов и качество жизни в стране, даже не обладая богатыми природными ресурсами.

С другой стороны, количество мигрантов в странах Центральной Азии составляло менее 5 % (Таджикистан — 3 %, Узбекистан — 4 %, Киргизия — 5 %). Это отражает их положение как стран — доноров (экспортеров) трудовых ресурсов, сформированное, кроме прочего, и как следствие низкого уровня развития их экономик (от 3 до 6 тыс. долл. на душу населения). Таким образом, теоретическая концепция «ядро — периферия» в нашем случае обрела реальные черты, и достаточно явно нашла свое практическое применение.

2. Индикатор чистой миграции (*nmigr*, в % к численности населения с использованием статистики ВБ) меняется в нашей выборке стран в диапазоне от -5,5 % до +26,6 %.

¹ Human Development Reports-2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/en/2016-report>.

Преимуществом данного показателя является то, что он позволяет отделить страны, где приток мигрантов превышает их отток ($nmigr > 0$, страны — потребители услуг иностранной рабочей силы) от стран, где отток мигрантов превышает их приток ($nmigr < 0$, страны — поставщики услуг иностранной рабочей силы).

Количество стран второй категории (48) существенно превышает число первой группы стран (25). Следует отметить, что лидеры стран по максимальному притоку мигрантов примерно те же, что и при использовании предыдущего индикатора ($nmbmigr$) — Кувейт +11,1 %, Малайзия +2,0 %, Оман +13,0 %, Саудовская Аравия +3,4 % и т. д.

Среди стран СНГ чистый приток труда в 2000–2015 гг. имел место в России +2,2 %, Казахстане и Беларуси +0,1 %. На другом полюсе, среди лидеров стран экспортеров труда — государства, входившие в бывший СССР (Молдова 5,5 %, Грузия 4,8 %, Армения 3,7 %, Литва 3,6 %, Латвия 2,8 %), а также Албания 5,5 %, Сальвадор 4,8 %, Никарагуа 3,1 %, Ямайка 3,1 % и т. д.

Для стран Центральной Азии значение этого индикатора составило: для Киргизии 3,4 %, Узбекистана 1,7 %, Таджикистана 1,2 %, Средняя медианная оценка данного показателя по развивающимся странам экспортерам труда составила 1,3 %.

3. Индикатор чистой миграции по оценке ООН $nm00-10por$ по своим значениям близок к аналогичному индикатору Всемирного банка $nmigr$ и отличается только процедурой получения усредненных оценок, а также более высоким средним уровнем чистой миграции (10,5 % против 1,3 % для $nmigr$), что делает его более предпочтительным по отношению к индикатору Всемирного Банка.

Полученные первичные результаты позволили сделать следующие выводы:

1. Все индикаторы основаны на существующей статистической отчетности — факта регистрации мигранта, а потому существенно занижают реальные абсолютные масштабы миграции, ввиду того, что законодательные рамки некоторыми мигрантами обходятся, а потому не учитываются в

такой статистике. Вместе с тем все эти показатели отражают объективную картину различий миграционных процессов для подавляющего большинства развивающихся стран мира.

2. Абсолютное большинство развивающихся стран мира являются нетто поставщиками мигрантов; лишь немногие развивающиеся страны имеют значительное количество зарегистрированных мигрантов (на первые 5 стран приходится половина всех мигрантов). Между этими тремя индикаторами существует сильная статистически значимая корреляция (коэффициенты парной корреляции составляют от +0,85 до 0,95). Все это свидетельствует о возможности использования этих индикаторов в последующем анализе.

3. Сложившиеся распределение трудовой миграции в группе развивающихся стран позволяет разделить их на две группы — ядро притяжения трудовых мигрантов и периферию — территории, отдающие мигрантов. При этом ресурсобогатые страны обладают более высоким уровнем доходов, в результате чего становятся привлекательными для притока трудовой миграции.

4. Наряду с такой тенденцией, интересен опыт Республики Беларусь: эта страна сумела войти в тройку лидеров по доходам населения среди стран СНГ и стать новым центром притяжения мигрантов за счет высокого человеческого капитала, что и обусловило на наш взгляд ее успех.

Поэтому последующее исследование в межстрановом анализе построено на основе корреляционно-регрессионного факторного анализа по выявлению причинно-следственных связей. При этом учитывалась особенность структуры матриц по включенным в анализ индикаторам. Особенность состоит, прежде всего, в различиях матриц (индикаторов) для некоторых стран, вошедших в выборку. Примером являются пропуски в динамике таких индикаторов, как расходы на образование, науку и технологии, коэффициент Джини, численность занятых с высшим образованием и ряд других.

Это существенно затрудняет использование классических методов панельного анализа (*RE*, *FE* и т. д.). Единственной альтернативой в этом случае остается применение метода

cross section для усредненных оценок индикаторов (табл. 1.1) по всему отчетному периоду (2000–2016 гг.) и для всех отобранных развивающихся стран мира.

Корреляционно-регрессионный анализ будет включать поиск причинно-следственных связей между показателями инклюзивного развития и трудовой миграции. Такой анализ представлен в следующем разделе нашего исследования.

При анализе использовались как традиционная форма многофакторных регрессионных уравнений, так и форма с пороговыми значениями, что позволило обосновать роль и значимость государственных институтов в решении проблемы упорядочения миграционных потоков и повышения качества экономического роста для стран, расположенных на постсоветском пространстве.

1.3. Результаты исследования и определение пороговых значений для стран СНГ

Информационные возможности предоставляемых ресурсами Всемирного Банка, ООН и другими международными организациями (см. классификатор переменных, табл. 1.1.) позволили в качестве зависимых переменных при тестировании данной гипотезы использовать индикатор уровня развития обрабатывающей промышленности, который в целом хорошо коррелирует с шириной спектра выпускаемой продукции (уровнем диверсификации) и индикатор доли высокотехнологичной продукции в экспорте страны. За контрольные переменные приняты индикаторы: инвестиционная активность, качество госинститутов, численность занятых и качество человеческого капитала.

Результат перебора большого числа комбинаций контрольных переменных в сочетании с факторами миграции (*nmigr*, *nmbmigr*, *nm00–15*) показал (см. табл. 1.2.), что индикатор диверсификации экономики *manuf* статистически значимо связан с фактором миграции *nmbmir* (количество мигрантов в % к численности населения). Во всех полученных регрессиях (№ 1, № 2, № 3) соответствующий коэффициент имеет устойчивое отрицательное значение при различных комбинациях контрольных переменных (доля занятых в обрабатывающей

Таблица 1.2

Результаты эконометрического анализа уровня диверсификации экономики и технологического развития с миграцией

Объясняющие переменные (факторы)	Зависимая переменная — <i>tapif</i> (обрабатывающая промышленность)			Зависимая переменная — <i>htexport</i>
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
Контрольные переменные				
Занятые в промышленности (<i>emp_ind</i>)	0,036***	0,27***	0,22**	
Эффективность правитель- ства (<i>goveff</i>)		2,46**		9,61***
Ресурсная обеспеченность страны (<i>res dummy</i>)		-2,15	-1,75	
Контроль за коррупцией в ресурсно богатых странах (<i>res*cpi</i>)				-0,39
Качество человеческого ка- питала (<i>hdi</i>)			0,13**	
Качество человеческого ка- питала в ресурсно богатых странах (<i>res*hdi</i>)				0.18
Занятые в экономике (<i>empl</i>)				0.34***
Численность мигрантов (<i>nmbmigr</i>)	-0.11***	-0.15***	-0.14***	-0,17*
Константа	8,78	11,4	4,50	-6.8
R^2	0,24	0,32	0,31	0,25
Количество стран	73	73	72	71

Примечание: *** — значимо на уровне 1 %, ** — 5 %, * — 10 %.

промышленности, качество государственных институтов, ресурсная наделенность и т. д.).

Это означает, что для стран с большой численностью трудовых мигрантов (импортеры труда) увеличение миграции снижает уровень диверсификации экономики, усиливая ее сырьевой характер, уязвимость к внешним шокам и нестабильности мировых рынков. При этом дополнительный рост чистой миграции на 10 п. п. ассоциируется со снижением доли обрабатывающей промышленности, а значит и уровнем диверсификации экономики, на величину от 1,1 п. п. до 1,5 п. п.

Схожее уравнение получено и для индикатора технологического развития (доли высокотехнологичной продукции в экспорте *htexport*, уравнение № 4).

Численность мигрантов *nmbmig* оказывает негативное влияние на этот индикатор, в то время как эффективность правительства и численность занятых в экономике (в % к населению) повышают уровень технологического развития. Эти результаты являются одним из аргументов в пользу рассматриваемой первой гипотезы.

Важно отметить и еще один результат эконометрического анализа. Почти во всех полученных регрессиях в число контрольных переменных вошли факторы, характеризующие качественную составляющую экономического развития — эффективность работы правительства *goveff*, и качество человеческого капитала *hdi*. В содержательном отношении это может означать, что эти факторы важны не только для развития отраслей по выпуску готовой продукции, но и то, что данные показатели способны оказывать влияние на качество миграционных потоков, их упорядоченность и, в конечном итоге, на сокращение их масштабов.

Сделанные выше выводы находят дополнительное подтверждение при переходе от традиционной формы многофакторных регрессионных уравнений к регрессиям с пороговыми значениями. Наиболее часто использование таких регрессий имеет целью определить пороговое значение качества государственных институтов, превышение которого создает условия для положительного и статистически значимого влияния одной из контрольных переменных на зависимую переменную, повышая при этом качество всего уравнения в целом. Форма регрессионного уравнения в этом случае имеет вид:

$$div = c + a_1 \times migr + a_2 \times CV_1 + a_3 \times CV_2 + \dots + b \times (th - QI) \times CV_3, \quad (1)$$

где *div* — показатель уровня диверсификации экономики (или ее технологического развития); *QI* — показатель качества государственных институтов (индекс контроля за коррупцией *cpi*, эффективности работы правительства *goveff* и т. д.); *CV*_{1,2,...} — контрольные переменные (инвестиции *inv*, условная переменная для стран богатых природными ресурсами *res*,

занятые в экономике *empl* и т. д.); c — константа, $a_{1,2,\dots}$, b , th — эконометрически оцениваемые коэффициенты регрессии, в том числе пороговое значение для качества государственных институтов (th).

Если результаты оценки параметров регрессии покажут отрицательность и значимость коэффициента b , а также положительную и значимую оценку параметра th , то рост фактора CV_3 будет приводить к росту диверсификации экономики *dif* только тогда, когда индикатор качества госинститута QI по конкретной стране превышает полученное по результатам оценки уравнения пороговое значение th .

По результатам тестирования такой формы взаимосвязей были получены два уравнения. Первое из них показывает условия роста диверсификации по индикатору доли обрабатывающей промышленности в структуре экономики, и имеет следующий вид:

$$\begin{aligned} \text{manuf} = & 10.37 - 0.13 \times \text{nmbmigr} + 0.32 \times \text{imp_ind} - \\ & P\text{-val} \quad (0.0017) \quad (0.0003) \quad (0.019) \\ & - 0.013 \times \text{fdi} \times (52.0 - \text{cpi}), \quad (2) \\ & (0.0001) \\ & R^2 = 0.30, \end{aligned}$$

где значения доверительной вероятности ($p\text{-val}$) приведены под каждым коэффициентом вошедших в модель факторов. Так как все они меньше 0,1, все эти коэффициенты, а, следовательно, и соответствующие взаимосвязи, являются статистически значимыми.

В этом уравнении новой контрольной переменной является показатель прямых иностранных инвестиций *fdi*, а показателем качества государственных институтов — индекс контроля за коррупцией *cpi*. Полученное пороговое значение (коэффициент $th = 52,0$ %) можно интерпретировать следующим образом: приток прямых иностранных инвестиций способствуют диверсификации экономики только в том случае, если значение этого индекса превышает 52 % (в этом случае выражение в скобке становится отрицательным, и будучи умноженным на отрицательное значение коэффициента $b = -0,013$, обуславливает положительный прирост *manuf* при росте *fdi*).

Примечательно, что страны СНГ не отвечают этому требованию, и имеют оценки данного индикатора существенно ниже требуемого порогового значения (например, для России — 28 %, Узбекистана — 18 %, Таджикистана — 23 %, Казахстана — 28 %, Киргизии — 26 %, Азербайджана — 28 %, Беларуси — 31 %). Отметим, что ресурсообеспеченные страны (Россия, Казахстан и Азербайджан) обладают одинаковым уровнем иностранных инвестиций. При этом Республика Беларусь, страна, не обладающая углеводородным сырьем, имеет уровень FDI на 3 п. п. выше, чем ресурсобогатые страны. Это может свидетельствовать о том, что государство обладает большим потенциалом для перехода к инклюзивному росту вследствие накопленного человеческого капитала, а также отсутствия масштабных миграционных процессов, что очень хорошо согласуется с ранее сделанным выводом.

Данный вывод, на наш взгляд, объясняет, почему, несмотря на значительный приток прямых иностранных инвестиций в последние 15 лет в страны СНГ, у них остается низкий уровень диверсификации экономики. Такая ситуация отражает выбранную начале 90-х гг. экономическую модель развития, основанную на экстенсивных источниках развития. Необходимо отметить негативное воздействие фактора миграции $nmigr$ на уровень диверсификации экономики. Таким образом, для перехода стран к инклюзивному экономическому росту необходимо изменить саму экономическую модель. Необходима такая модель, где главенствующая роль будет отводиться государственным институтам, способным качественно управлять миграционными процессами в условиях отказа от экстенсивного пути развития. Только в этом случае можно будет говорить о положительном влиянии иностранных инвестиций на экономику, о повышении их роли в экономическом развитии.

Второе полученное уравнение дает аналогичный результат для другого индикатора — доля высокотехнологической продукции в структуре экспорта $htexport$ (см. уравнение ниже). В нем фактор миграции $nmbmigr$ также находится в обратной зависимости с зависимой переменной. Это подтверждает рассматриваемую нами гипотезу о негативном влиянии масштабной и неупорядоченной трудовой миграции на

диверсификацию экономики и технологическое развитие применительно к нашей выборке развивающихся стран мира.

$$\begin{aligned}
 htexport = & -9.75 - 0.16 \times nmbmigr + 0.35 \times empl + \\
 P\text{-}val & \quad (0.1) \quad (0.008) \quad (0.14) \\
 & + 4.24 \times goveff - 0.033 \times fdi \times (30.1 - cpi), \\
 & \quad (0.04) \quad (0.04) \\
 R^2 = & 0.30.
 \end{aligned} \tag{3}$$

Для создания необходимых условий инклюзивного роста в развивающихся странах, включая государства на постсоветском пространстве, была выдвинута и протестирована еще одна гипотеза: основными факторами сокращения неупорядоченной масштабной трудовой миграции для развивающихся стран являются активная инвестиционная политика, рост качества государственных институтов и инклюзивность экономического роста.

Для проверки данной гипотезы из совокупности развивающихся государств мира (76 стран) была выделена подвыборка стран с отрицательной чистой миграцией (49 стран).

Зависимыми переменными здесь, в отличие от полученных и описанных выше уравнений, являются индикаторы миграции для стран экспортеров труда (*nmigr*, *nm0015por*), значения которых для удобства интерпретации результатов взяты по абсолютной величине, то есть со знаком плюс. В качестве факторов сокращения неупорядоченной миграции использовались индикаторы инвестиционной активности (*inv*, *fdi*), качества государственных институтов (*cpi*, *rol*, *goveff*), индикаторы, отражающие в той или иной степени инклюзивность экономического роста (*gini*, *idi*, *emp_ind*, *manuf*). В качестве контрольных переменных были использованы показатели уровня экономического развития (*gdp_pc_ppp*), научно-технологического развития (*r&dexp*, *patapp* и др.).

Перебор большого числа вариантов этих переменных показал, что наиболее высокие значения статистической значимости взаимосвязей достигаются в случае использования индикатора *nm0015por* (индикатор ООН) в качестве зависимой переменной. Другое условие, выявленное в ходе анализа, — использование регрессии с пороговым значением по

индикатору качества государственных институтов, который дает лучшие результаты, чем традиционные многофакторные регрессии.

Полученная регрессия с наилучшими статистическими характеристиками имеет вид:

$$\begin{aligned}
 nm0015pop = & -0.34 - 0.14 \times r\&dexp - 0.008 \times emp_ind - \\
 P\text{-}val & \quad (0.09) \quad (0.05) \quad (0.01) \\
 & - 0.001 \times fdi \times (25.2 - cpi), \quad (4) \\
 & (0.02) \\
 R^2 = & 0.31.
 \end{aligned}$$

Все вошедшие в регрессию факторы являются статистически значимыми (оценки $p\text{-}val < 0,1$), а отрицательные знаки значений коэффициентов указывают на снижение миграции при росте фактора.

Полученный результат позволяет сделать ряд важных выводов для мер по ограничению неупорядоченной миграции:

Во-первых, рост инвестиционной активности (по индикатору прямых иностранных инвестиций fdi) действительно ограничивает масштабы неупорядоченной миграции, но только в том случае, если один из важнейших индикаторов качества государственных институтов — контроль за коррупцией cpi , превышает пороговое значение, равное 25,2 (по 100 бальной шкале). Иначе говоря, при усилении роли государственных институтов и их контроле за коррупцией даже в условиях слабых государственных институтов страны постсоветского пространства способны совместными усилиями упорядочить масштабы миграционных процессов на своей территории.

Во-вторых, этот результат хорошо согласуется со сделанным ранее выводом в отношении индикаторов диверсификации и технологического развития ($manuf$, $htexport$), хотя полученные ранее пороговые значения были несколько выше для развивающихся стран (30 % и 52 % от ВВП). Более низкий уровень пороговых значений для индикатора иностранных инвестиций для стран СНГ, с одной стороны, свидетельствует о более низкой их роли в экономиках этих государств, а с другой стороны, о нежелании иностранных инвесторов вкладываться в страны, которые способны вырасти до их конкурентов.

По этой причине чувствительность экономик СНГ гораздо ниже к иностранным инвестициям. С одной стороны, это хорошо, так как в условиях нестабильности внешних рынков эти государства оказываются менее чувствительными к ним, с другой стороны, в условиях ограниченности финансовых ресурсов отсутствие иностранных инвестиций может сильно затормозить развитие страны.

Однако не все страны СНГ соответствуют этому критерию. Так, среднегодовые оценки индикатора ПИИ для анализируемых нами стран СНГ (экспортеров труда) лежат в диапазоне от 18 (Узбекистан) до 26 (Киргизстан), то есть на границе и даже ниже этого порогового значения. Следовательно, если правительства стран Центральной Азии не предпримут решительных мер по борьбе с коррупцией, то все усилия по стимулированию инвестиционной активности с целью создания новых рабочих мест и ограничению, тем самым, миграции в Россию и другие страны (Казахстан и Беларусь) не дадут ожидаемых результатов в целом для всего пространства СНГ поскольку привлекаемые инвестиционные ресурсы будут использоваться крайне неэффективно.

Гипотеза важности обеспечения инклюзивности экономического роста для ограничения оттока трудовых ресурсов полного подтверждения не нашла.

Использование в качестве фактора инклюзивности индикатора *idi* показывает его сильную статистическую незначимость ($p\text{-val} > 0,9$). Аналогичный результат характерен и для индекса Джини *gini*.

Несколько лучшие статистические оценки были получены при использовании сочетаний этих факторов с условной переменной *res* (наделенность ресурсами), то есть в форме *idi*res*. В этом случае $p\text{-val}$ снижается до 0,3, но не дотягивает до требуемого граничного значения (0,1). Данный результат может быть интерпретирован следующим образом: инклюзивное развитие для стран богатыми природными ресурсами является тормозящим фактором. Это можно объяснить тем, что ресурсообеспеченные страны не готовы переходить к более эффективной модели развития за счет развития технологий и инвестиций в человеческий капитал. Тогда как страны,

не обеспеченные природными ресурсами, способны аккумулировать все имеющиеся ограниченные ресурсы и повысить уровень образования в стране. Примером такой страны является Республика Беларусь.

Вместе с тем полученные результаты показали, что в случае включения в качестве фактора инклюзивности доли занятых в промышленности *emp_ind*, качественные характеристики существенно улучшаются. Не являясь в строгом смысле индикатором инклюзивности, данная переменная, тем не менее отражает процесс повышения качества экономического роста. Как показывает опыт Китая, Турции, Малайзии, в развивающихся странах вклад экономического роста в расширение устойчивой и достойно оплачиваемой занятости, связан, прежде всего, с созданием новых рабочих мест в недобывающих отраслях промышленности.

Анализ также показал, что наиболее устойчивым фактором во всех комбинациях, включаемых в регрессию, оказался фактор расходов на науку и технологии *r&dexp*. Это подчеркивает важность для ограничения неупорядоченной миграции организации совместных интеграционных проектов России и стран Средней Азии в сфере научных исследований и разработок, которые позволят создать значительное число новых рабочих мест в сфере трудоемких средне и высокотехнологичных производств, имеющих значительный мультипликационный эффект на всю экономику с точки зрения генерации новой занятости.

Таким образом, зафиксируем полученные выводы при тестировании обеих гипотез:

1. Неупорядоченная и плохо контролируемая миграция является одним из важнейших факторов снижения инклюзивного развития в развивающихся странах. Особенно это характерно для стран с богатыми природными ресурсами. Так, полученные результаты эконометрического уравнения наглядно продемонстрировали, что увеличение масштабов трудовой миграции приводит к снижению уровня диверсификации экономик по показателям: обрабатывающая промышленность и технологическое развитие, усиливая тем самым сырьевой характер экономики и уязвимость к внешним

шокам на фоне нестабильности мировых рынков. При этом чувствительность обрабатывающей отрасли к уровню миграции выглядит следующим образом: увеличение роста чистой миграции на 10 п. п. приводит к снижению доли обрабатывающей промышленности (уровня диверсификации экономики) на 2,7–3,7 п. п.

2. Повышают инклюзивность развития экономик такие факторы, как эффективность государственного управления и качество государственных институтов. Так, при повышении их роли в экономике происходит эффективное перераспределение инвестиционных и человеческих ресурсов.

3. Как показали результаты нашего исследования, пороговые значения по индикатору «доля прямых иностранных инвестиций от ВВП» для развивающихся стран, не обеспеченных природными ресурсами, должны варьироваться от 30 % до 50 %. В то же время, для ресурсно-богатых стран пороговые критерии прямых иностранных инвестиций должны находиться на уровне от 25 % до 30 % от ВВП. Отметим, что в первую категорию попадают страны, которые активно способствуют повышению уровня качества человеческих ресурсов и инвестируют в образование, поэтому их технологическое развитие выше, нежели в странах богатых ресурсами. К таким странам относятся Китай, Малайзия, Сингапур, Турция и Республика Беларусь. Ресурсообеспеченным странам модель экстенсивного развития не позволяет перейти на использование передовых технологий, поэтому использование дешевого труда и наличие природных ресурсов являются факторами, тормозящими инклюзивное развитие.

4. Показатели прямых иностранных инвестиций для стран СНГ и других развивающихся стран сильно различаются. Для таких развивающихся стран, как Китай, ОАЭ, Малайзия, где приток прямых иностранных инвестиций достаточно высок, он является чуть ли не основой технологического развития страны. Это способствует повышению уровня их диверсификации. В то же время для стран СНГ роль прямых иностранных инвестиций в экономическом развитии страны менее заметна. При этом основными источниками роста для стран СНГ являются сильные государственные институты и образование.

Протестированные логические взаимосвязи и гипотезы позволили сформировать ориентиры инклюзивности для постсоветского пространства. Как показал анализ, наиболее важным условием инклюзивного развития является качество государственных институтов. Государственным институтам в странах постсоветского пространства необходимо создать условия для эффективного управления миграционными процессами. На наш взгляд, в качестве первоочередных и среднесрочных мер по повышению степени инклюзивности экономического роста в странах — поставщиках трудовых ресурсов на российские рынки необходимо создание условий для ускорения развития обрабатывающей промышленности. Как показывает мировой опыт, развитие обрабатывающей отрасли сильно зависит от качества образования в стране. В этом случае важная роль отводится инвестициям в человеческий капитал. Разрыв в доходах между странами СНГ объясняется и разницей в качественных показателях человеческого потенциала. Поэтому для выравнивания доходов между странами необходимо создать единые образовательные стандарты и межгосударственные центры компетенций, направления которых будут соответствовать выбранным приоритетам технологического развития в странах постсоветского пространства.

Обмен технологическим опытом является одним из важнейших условий, повышающих уровень инклюзивности в мире. Поэтому необходим переход к единой технологической политике, ориентированной на совместное создание единых технологических платформ в критически важных для стран СНГ сферах хозяйственной деятельности (ресурсосбережение, транспорт, медицина, новые материалы, информационные технологии, банковские системы и т. д.). Реализация единой технологической политики позволит странам СНГ снизить издержки при переходе к производству новых поколений техники и потребительской продукции, а также уменьшить степень научно-технологической зависимости от стран Запада и Китая.

Для реализации единой технологической политики необходимо создание совместных интеграционных

межгосударственных проектов, которые помимо технологического рывка способны существенно смягчить остроту проблемы занятости в странах поставщиках трудовых мигрантов.

Торговля технологиями создает основу для унификации таможенных правил, налоговой политики, бухгалтерского учета, а также упрощение процедур рассмотрения хозяйственных споров и создание независимых (транснациональных) судебных органов для решения возникающих вопросов.

Для успешной реализации предложенных мер необходима эффективная и слаженная работа государственных институтов в странах СНГ. На наш взгляд, необходимо создание надгосударственной структуры, которая будет регулировать и направлять данный процесс на повышение инклюзивности всего постсоветского пространства, вовлекая в данный процесс государственные институты, бизнес и общество, что, в конечном итоге, позволит всем странам стать активными участниками развития мировой экономики.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

2.1. Языковая адаптация как основа коммуникации в поликультурной среде

Основой взаимодействия в поликультурном обществе, вне зависимости от того, создано оно в результате длительных исторических процессов или возникло как следствие внешней или внутренней миграции, является выбор средств коммуникации. Язык как средство всех вербальных коммуникаций становится цементирующим фундаментом построения поликультурного общества. В свою очередь, именно в поликультурном обществе происходит и наиболее активное развитие языка через его обогащение и видоизменение под воздействием новой культуры, однако это процесс достаточно длителен¹.

Выбор языка общения в поликультурной среде индивидуален и определяется исторически конкретными условиями: регулярностью коммуникаций, этническим составом населения, личностными характеристиками участников-коммуникантов, теснотой взаимодействия, особенностью занятости, наличием общих проблем и пр. Существуют различные комбинации выбора вербальных коммуникаций: только на родном языке, на двух языках — родном и языке принимающего сообщества (или языке международного общения) — одновременно, только на языке принимающего сообщества и только на языке международного общения.

Коммуникация на родном языке является естественной потребностью людей, наиболее удобным средством самовыражения и понимания других. Именно эта потребность лежит в основе появления этнических анклавов, создающих благоприятную внутреннюю коммуникационную основу для носителей языка. Подобные анклавы существуют в России, преимущественно в виде сел и деревень, на территории,

¹ Constantinescu G. C. Vocation of Language for International Communication — a Prediction Tool for Future Evolutions in Global Communication // Cross-Cultural Management Journal. 2015. Vol. XVII, Iss. 2 (8). P. 161–173.

где исторически проживали строго определенные этносы. Вариантом анклавов также могут быть цыганские поселки, расположенные в крупных городах и мегаполисах. Примером этнических анклавов в России могут являться татарские, марийские, чувашские или башкирские поселения, расположенные на юге Свердловской области в Красноуфимском, Артинском, Нижнесергинском районах. В большинстве таких поселений существуют национальные школы, играющие важную роль в сохранении родного языка и поддержании родной культуры, традиций, обычаев. Сохранение культурного многообразия формально является одной из приоритетных задач государства. Неслучайно при экспертном опросе, проведенном нами в ноябре-декабре 2014 г. и январе 2015 г. среди руководителей и специалистов государственных органов власти и НКО, занимающихся вопросами пребывания и размещения трудовых мигрантов в Свердловской области ($n = 36$), 7 % экспертов указали в качестве положительного последствия миграции привнесение этнического и культурного разнообразия¹.

К сожалению, вследствие процессов ассимиляции, многие языки малых народов России вымирают, молодое поколение пытается выехать из этнических деревень в крупные города и мегаполисы, считая, что знание родного языка там не будет востребовано. С исчезновением языков происходит исчезновение, или, правильнее сказать, растворение этносов.

В то же время рост миграционных процессов в условиях значительной имущественной дифференциации населения России и отсутствие продуманной градостроительной политики, направленной на выравнивание территорий, создает условия для формирования мест компактного поселения иностранных граждан различных национальностей, снижая их заинтересованность в интеграции через изучение языка принимающего сообщества. А формирование «этнических» предприятий (трудовых анклавов), то есть предприятий,

¹ Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной миграционной политики / Бедрина Е. Б., Вандышев М. Н., Илинбаев Е. А. и др. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2015. С. 33.

использующих труд мигрантов той или иной национальности (армяне в строительстве, китайцы в розничной торговле, вьетнамцы в швейном производстве и пр.), замыкает данную проблему, позволяя прибывшим обходиться, по крайней мере, в большинстве случаев, без формирования навыков общения на языке принимающего общества, несмотря на требование сдачи экзаменов на знание русского языка, истории и основ законодательства.

В данных условиях, с одной стороны, язык способствует установлению контактов по принципу «свой — свой», являясь инструментом самопрезентации и своеобразной адаптации к новой межкультурной среде. С другой стороны, язык становится барьером для коммуникации за пределами ограниченного пространства или даже средством манипулирования для продвижения своих целей и намерений.

Сформированная «комфортность» оказывает медвежью услугу, прежде всего, самим мигрантам. К примеру, в случае необходимости выхода за пределы анклава у них возникают сложности коммуникации. Так, при размещении детей, чьи родители проживают в местах компактного поселения и трудятся на этнических предприятиях, в дошкольные и школьные учебные заведения, у педагогов возникают проблемы взаимодействия с семьей по вопросам воспитания, коррекции поведения и образования детей. В соответствии с результатами нашего социологического исследования, проведенного в школах и дошкольных учреждениях Свердловской области летом 2017 г. (общий объем выборки составил 160 единиц), 50,9 % респондентов указали на то, что родители детей мигрантов не знают русский язык, а 45,2 % — на их нежелание (или невозможность из-за плохого знания русского языка) участвовать в образовательном процессе детей¹.

Проблема общения возникает и в случае обращения мигрантов, не знающих русского языка, в медицинские учреждения, особенно при необходимости оказания им неотложной

¹ Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России. Оценка факторов и эффектов / Рос. акад. наук, Урал отд.-е, Ин-т экономики; авт. колл.: Е. Б. Бедрина, М. Н. Вандышев, Т. В. Куприна и др. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 58–64.

и экстренной медицинской помощи. Отсутствие возможности вербальной коммуникации может привести к необратимым негативным последствиям.

Незнание языка принимающего общества, как правило, негативно характеризует мигрантов в глазах местного населения, возводя невидимую границу между прибывшим и автохтонным населением, провоцируя агрессию, нетерпимость и ксенофобию.

Коммуникация, основанная на билингвизме, то есть владении двумя языками (в данном случае родным и языком принимающего сообщества или языком международного общения), является наиболее предпочтительной как для принимающего общества, так и для самих мигрантов. Престиж русского языка не пострадает, если его освоение происходит не за счет забвения родного языка.¹ Если родители ребенка-инофона говорят более чем на одном языке, они могут поделиться этими знаниями и со своими детьми и создать более благоприятные условия для его развития, адаптации и интеграции.

Знание второго языка является благоприятным условием для развития индивида. Многочисленные эксперименты показывают, что люди, которые изучают второй язык, более креативны и лучше решают сложные задачи, превосходят моноязычных сверстников, как при вербальном, так и невербальном тестировании интеллекта, и имеют тенденцию к достижению высоких результатов при стандартном тестировании.² Особенно ярко эти преимущества выражены у детей и лиц пожилого возраста.

В Российской Федерации знание русского языка означает возможность получения среднего специального и высшего образования, продвижение по социальной лестнице, мобильность в масштабах страны. Свободное владение русским языком, наряду со знанием иностранных языков, рассматривается как критерий образованности. Как показало исследование,

¹ Kuprina T., Minasyan S. Geourisitics as New Branch of Geocultural Space // *XLinguae. European Scientific Language Journal*. 2014. Vol. 7. Iss. 4. P. 2–20.

² Avakyan N. On Some Peculiarities of Bilingual Children's Speech Development // *Armenian Folia Anglistika. International Journal of English Studies*. 2011. №. 1(8). P. 77–80.

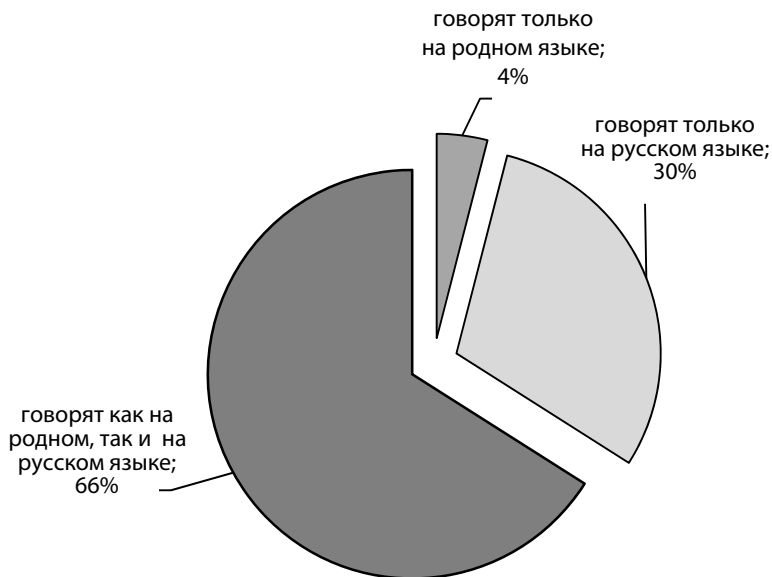

Рис 2.1. Использование языков в домашней среде, в % (источник: ВШЭ Санкт-Петербург. Лаборатория социологии образования и науки /Исследование школ Санкт-Петербурга и Москвы на протяжении 2007–2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://slon.hse.ru/news/59031559.html>)

проведенное Лабораторией социологии образования и науки ВШЭ Санкт-Петербурга в 2007–2011 г., большинство семей мигрантов (66 %), имеющих детей школьного возраста, при домашнем общении использовало как родной язык, так и язык принимающего сообщества (рис. 2.1).

Особую роль в процессе обучения детей мигрантов русскому языку играют школы, организующие факультативные занятия по русскому языку для детей мигрантов. Насколько востребованы эти факультативы, можно судить по результатам исследования, которое проводилось в 2012–2014 гг. в муниципальных образовательных учреждениях ХМАО-Югры лабораторией региональных исследований Сургутского государственного педагогического университета и кафедрой социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета. Исследование показало, что только чуть более трети родителей детей мигрантов (35,8 %)

хотели бы дать своим детям дополнительное образование по русскому языку и только 80 % из них готовы его оплачивать, несмотря на относительно высокие доходы населения данного региона.¹

Как показало наше исследование, создание специализированных классов в российских школах со специальной языковой подготовкой для обучения детей мигрантов, плохо владеющих русским языком, большинство педагогов считают неприемлемым. Во-первых, дети в образовательном коллективе, как правило, являются представителями различных национальностей, что, возможно, требует различных методик обучения русскому языку. Во-вторых, общение в кругу семьи и внутри определенного анклава мигрантов происходит, как правило, на национальном языке, а значит, возникает проблема «языкового погружения», решить которую может вариант обучения в смешенном классе с представителями коренного этноса. В-третьих, численный состав данных классов будет нестабильным из-за постоянного перемещения семей мигрантов: дети могут появляться и уходить в любое время учебного года. В-четвертых, уровень знаний детей мигрантов, как правило, не соответствует нормативным образовательным стандартам Российской Федерации.

При обучении детей мигрантов, следует учитывать и тот факт, что даже при успешном освоении устной речи, может остаться проблема обучения письменной речи, которая может негативно сказываться на успеваемости ребенка, в связи с чем обучение в смешенных классах должно сочетаться с индивидуальным подходом.

В современных условиях основным инструментом работы российских школ с детьми-инофонами являются адаптированные методики преподавания русского языка как иностранного с учетом индивидуальных особенностей обучаемых и внеклассная работа, направленная на повышение уровня осведомленности о культурных ценностях российского общества.

¹ Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А., Засыпкин В. П. Образовательные и адаптационные практики детей мигрантов в условиях межнациональной интолерантности // Известия Уральского федерального университета. 2015. Т. 135. № 1. С. 82.

Обучение русскому языку детей мигрантов является условием для их качественной подготовки в школьных образовательных учреждениях и одновременной мотивацией для поступления в российские вузы и пополнения человеческого капитала. С нашей точки зрения, основным принципом обучения русскому языку детей мигрантов должен стать принцип диалога культур, целью которого является воспитание языковой толерантности. Само же обучение должно проходить в рамках социокультурного подхода, который предполагает предварительное изучение социокультурного контекста, проведение дидактически ориентированного анализа в конкретной национальной среде. Необходим учет конкретных ситуации обучения языку (изучается ли язык в качестве второго языка или как иностранный), задач и уровней владения русским языком в конкретном учебном заведении, семейной среды (возможности помощи родителей в стимулировании детей в работе над языком), локальной и региональной среды проживания (регион, город, село) и экономической ситуации в обществе¹.

Российское государство в силу заинтересованности в продвижении русского языка должно оказывать помощь российским школам, обучающим детей-инофонов. Рост языкового влияния является важным политическим аспектом продвижения страны, ее культуры и национальных ценностей. Востребованность национального языка за рубежом способствует росту экономического взаимодействия, повышает конкурентоспособность отечественных товаров, услуг, идей и технологий, создает благоприятные условия для миграции трудовых ресурсов, привлечения высококвалифицированных специалистов из зарубежных стран. К примеру, в 2018 г. в рамках продвижения русского языка Российской Федерацией реализуется проект по открытию 5 русских школ на 1,2 тыс. мест каждая в пяти крупнейших городах Таджикистана: в Душанбе, Кулябе, Ходженте, Бохтаре и Курган-Тюбе.

¹ Мэн Ся. Обучение русскому языку в КНР как социокультурная проблема. // Мат-лы XII конгресса Междунар. ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Шанхай: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. С. 111–114.

Активно интегрирующиеся мигранты, особенно мигранты полуторного и второго поколения, проживая, обучаясь и работая в среде представителей местных этносов, постепенно утрачивают навыки разговорной и письменной речи на родном языке. Однако знание национального языка важно для сохранения самоидентификации как народа, так и конкретного индивида, способствует гармонизации отношений, созданию благоприятного психологического климата. Важную роль в поддержании самоидентификации и сохранении языка играют диаспоры, национально-культурные организации, межнациональные библиотеки. К примеру, в настоящее время Свердловской межнациональной библиотекой реализуется Арт-проект «Читай! 2018», представляющий социальную рекламу, выполненную в форме серии плакатов и направленную на продвижение семейного чтения на родных языках народов России. В 2018 г. в данном проекте приняли участие представители различных народов Среднего Урала: башкиры, езиды, казахи, марийцы, осетины, русские, табасараны, таджики, татары, удмурты, узбеки, чуваш¹.

В современном обществе среди многообразия инструментов осуществления межкультурной коммуникации наиболее частым становится использование языка международного общения. В 1992 г. ООН были выделены шесть официальных языков международного общения: английский, арабский, китайский, испанский, русский, французский. В настоящее время в силу различных исторических и общественных процессов основным языком коммуникаций стал английский. Однако в силу исторического развития русский язык до сих пор является языком межнационального общения на территории стран СНГ. Коммуникации на языке межнационального общения получили широкое распространение среди политиков, деловых людей, в научной и академической среде. Рост транснационализации бизнеса ведет к тому, что компании, имеющие свои филиалы и отделения в различных странах, активно используют язык международного общения для ведения своей внутренней документации.

¹ Свердловская межнациональная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.somb.ru>.

Таким образом, исследование показало, что язык, являясь основным средством коммуникации между народами, играет важную роль в социальном, экономическом и политическом плане. Выбор особенностей осуществления данной коммуникации определяется не только самими коммуникантами, но и в значительной степени зависит от политики государства. Продвижение официального национального языка является приоритетным направлением деятельности государства. Однако при этом государство должно создавать условия и для сохранения самоидентичности и языка «неосновных» этносов, населяющих территории Российской Федерации.

2.2. Оценка языковой и социокультурной адаптации детей мигрантов в условиях школьной образовательной среды: эмпирическое исследование

Плохое знание русского языка создает проблемы в социокультурной адаптации в условиях школьной образовательной среды. Данные проблемы возникают в связи с непониманием иной культуры, ее смысловых, ценностно-нормативных особенностей, а, следовательно, и содержания образования. Именно эту проблему как наиболее острую выделили учителя школ Свердловской области в 2017 г. в нашем исследовании. На плохое знание детьми мигрантами русского языка указали 82,6 % респондентов, а на низкий уровень подготовки, а также невысокие результаты в учебе — 70,1 %. Однако эти проблемы взаимосвязаны, так как незнание языка, на котором преподаются предметы, ведет к непониманию учебного материала.¹

Проблема определения готовности детей из семей международных мигрантов к обучению в российских школах неоднократно поднималась в научной литературе².

¹ Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России. Оценка факторов и эффектов / Рос. акад. наук, Урал отд-е, Ин-т экономики; авт. колл.: Е. Б. Бедрина, М. Н. Вандышев, Т. В. Куприна и др. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2017. С.58–64.

² Какорина Е. В., Смирнова Н. Л. Готовность детей мигрантов к обучению на русском языке. Анализ результатов урока-тестирования // Филологический класс. 2016. № 2(44). С. 40–46.

С целью определения готовности детей мигрантов к обучению на русском языке в 2017–2018 гг. нами было проведено комплексное тестирование. Для достижения цели были сформулированы следующие задачи:

- определить, являются ли школьники билингвами, монолингвами или у них сформировано полужычие;
- определить у школьников степень сбалансированности билингвизма;
- определить степень включенности школьников в родную или новую культуру (соотносят себя с культурой родителей, новой культурой или вообще не имеют культурных предпочтений).

Диагностический материал был разработан коллективом авторов международной сетевой лаборатории «Инновационные технологии в сфере поликультурного образования»¹.

В опросе приняли участие 181 учащийся из 4 школ с большим количеством детей мигрантов в г. Екатеринбурге. При тестировании учитывалось желание учащегося участвовать в тестировании. В выборку попали дети мигрантов в возрасте от 7 до 14 лет. Национальный состав тестируемых: киргизы — 75 чел., таджики — 59 чел.; азербайджанцы — 17 чел., армяне — 15 чел., узбеки — 11 чел.; кумыки, курды, памирцы и украинцы — по 1 человеку (национальная принадлежность фиксировалась по словам учащихся). Из числа опрошенных родились в России 46 чел. (25 %), проживают в России более 5 лет 64 чел. (35 %), 47 чел. проживают в России 3–4 года (26 %), 24 чел. (13 %) приехали в Россию менее 2 лет назад.

¹ Комплексные диагностические тесты для немецко-русских билингвов от 3 до 14 лет: практические рекомендации для проведения тестирования двуязычных детей и подростков / Сост. Е. Л. Кудрявцева; авт. Е. Л. Кудрявцева, А. А. Тимофеева, Ю. Ю. Данилова, Д. А. Салимова, Л. Б. Бубекова. Schöneiche bei Berlin: Elena Plaksina Verlag, 2015. 126 с.; Кудрявцева Е. Л. Анкетирование детей 6–7 лет на наличие и уровень сбалансированности естественного билингвизма (дошкольное учреждение и переход в начальную школу) // Проблемы онтолингвистики — 2013: Материалы международной научной конференции 26–28 июня 2013 г., Санкт-Петербург/ Кудрявцева Е. Л. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 491–497; Кудрявцева Е. Л., Корин И. В. Создание единой системы тестов для определения уровня межкультурной компетенции // РЯЗР. 2013. № 3. С. 14–25.

Оценка результатов тестирования и опроса производилась на основе растров оценки по каждому из субтестов (говoreние, аудирование, чтение, письмо). Растры включали лист экспертной оценки и контрольную матрицу. Оценка результатов тестирования производилась на основе растров следующим образом: тестируемым сначала присваивается максимальное количество баллов по каждому субтесту, из числа которых сначала вычитаются баллы за сделанные ошибки, затем прибавляются поощрительные баллы за развернутость ответов, богатство лексики, правильность словоупотребления и грамматических конструкций, знание этнокультурных норм и правил общения в конкретных ситуациях, готовности инициировать общение и реагировать на него. В заключение вычисляется процент выполнения ребенком каждого субтеста.

Десять школьников (18 %) сообщили, что дома говорят исключительно на родном языке (таджикском, киргизском или узбекском), абсолютное большинство использует в семье два языка общения (родной и русский) более или менее сбалансированно. Уровень сбалансированности и следование родителями правилу «1 человек — 1 этнолингвокультура» находится в прямой зависимости от образовательного анамнеза родителей и проистекающего отсюда их социального положения, круга общения и уровня владения каждым из языков. Были выявлены случаи, когда родители использовали родной язык только в общении между собой (говорят по-кумыкски или по-курдски, ребенок родителей не понимает), с дочерью говорят по-русски (не осознавая, что тем самым исключают ее из семейного контекста, что в будущем может сказаться на ее самоидентификации относительно культуры и традиций семьи и страны исхода родителей, на внутрисемейных и внутридиаспоральных связях). Один из опрошенных указал, что в семье говорят на 3 языках: таджикском, узбекском и русском. Судя по ответам ребенка, языки смешиваются (интерференция на всех уровнях системы; возможная причина — низкий социальный статус и минимальный образовательный анамнез членов семьи — родители работники рынка).

Кроме того, в ответах отразились взаимоотношения учащихся с миром — комфортные или напряженные («если я в школе,

то я русская», «если я в России, то я гость», «если я в России, то я чужой» и др.), равно как отразился вопрос самоидентификации относительно этнолингвокультуры родителей и носителей русского языка как родного в Российской Федерации. Половина работ свидетельствует о некоторых сложностях с самоидентификацией по национальному признаку:

- если одна, то киргиска, в остальных случаях русская (орфография сохранена);

- если один, то я нерусский, зачеркнуто НЕ, далее в ответах везде русский;

- если одна, то русская или азербайджанка; в остальных случаях русская;

- мальчик из семьи беженцев с Украины не определился: если я один, то украинец, в различных ситуациях официального общения называет себя украинцем и русским (проблемы с самоидентификацией, возможно, не понимает разницу между гражданской и этнической принадлежностью).

Часть заданий каждого субтеста направлена на актуализацию кодов культуры принимающего сообщества. Выполняя задание на объяснение значений фразеологизмов и пословиц, почти все обучающиеся воспринимают фразеологизмы как свободные словосочетания, не понимают метафорического значения пословиц: без труда не выловишь и рыбки из пруда («труд помогает ловить рыбу»), душа ушла в пятки, цыплят по осени считают (понимают буквально). Только 1 ученик, беженец с Украины, полностью справился с заданием и дополнительно перевел фразеологизмы на украинский язык. Наиболее прозрачной по смыслу оказалась пословица «сделал дело — гуляй смело» (16 верных объяснений), Предположительно, данная пословица используется педагогами в русских школах, в которых обучаются тестируемые.

Задание подписать конверт вызвало трудности у большинства опрошенных. Только 54 чел. верно указали город, улицу, номер дома и квартиры. 39 чел. указали в адресе частичную или избыточную информацию (этаж). 27 опрошенных дали ответы с огромным количеством орфографических, графических и грамматических ошибок. Один 10-летний ребенок долго думал, а потом отказался выполнять задание, объяснив

свой поступок так: «Не знаю, не хочу обманывать». Общие результаты свидетельствуют о незнании детьми правил фиксации домашнего адреса в Российской Федерации.

Можно предположить, что предложенная педагогами на занятиях общая информация страноведческого плана не была понята и усвоена детьми (вероятно, в связи с недостаточностью участия самих детей в создании данной информации, в ее поиске и присвоении через активные виды самостоятельной деятельности; а также в связи с недостаточностью визуального репрезентативного контента, необходимого в работе с инофонами).

Были сделаны следующие выводы:

1. Относительно сбалансированный билингвизм сформирован всего у 5 % опрошенных школьников из семей с более высоким социальным статусом и уровнем образования родителей. Приближается к сбалансированности билингвизм у 11 % опрошенных школьников. Эти учащиеся нуждаются в коррекции какого-либо одного вида речевой деятельности (как правило, письменной речи).

Большинство опрошенных школьников находятся в ситуации постепенной утраты родного языка: общение на родном языке ограничивается бытовыми темами, через семейный язык и в рамках семейной этнолингвокультуры школьники не развиваются.

У 11 % опрошенных отмечается так называемое полуязычие: не только предельно сужена сфера применения родного языка, но и знание русского языка находится на элементарном уровне, то есть учащиеся не могут полноценно обучаться ни на неродном русском языке, ни развиваться через новый язык.

Воспитываются как монолингвы 16 % опрошенных школьников. Родители говорят с этими детьми исключительно по-русски, сохраняя родной язык для общения взрослого социума (как «секретный» для ребенка, что является инверсией такого феномена как «детские тайные языки», см. более подробно о детских тайных языках и их соотношении со взрослыми)¹.

¹ Капица Ф. С., Колядич Т. М. Русский детский фольклор учеб. пособие для студентов вузов; 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2017. С. 254–258.

Ответы детей свидетельствуют о недостаточной сформированности этнокомпонента нового языка: опрошенные не знают значений фразеологизмов, пословиц и поговорок, героев российских и советских мультфильмов, не могут назвать любимого героя сказки и мультфильма, испытывают трудности в назывании домашнего адреса, написании текста письма и т. д. Несформированность у опрошенных этнокомпонента, оторванность языка, на котором ведется обучение, от культурной и этнокультурной реальности свидетельствуют о наличии проблем самоидентификации.

На основе данных результатов исследования педагогам были даны рекомендации актуализировать этнокультурные смыслы изучаемого материала (не только лингвистического), способствовать освоению учащимися ключевых кодов русской культуры как основы кросс-культурной коммуникации на территории Российской Федерации.

2. Готовность к обучению на русском языке распределяется следующим образом: готовы к обучению на русском языке — 23 % опрошенных, не готовы к обучению на русском языке — 34 % опрошенных (менее 60 % от общего числа баллов по 3–4 видам речевой деятельности), нуждаются в коррекции отдельных видов речевой деятельности — 43 % опрошенных (1–2 вида деятельности).

На основе данных результатов исследования педагогам были даны рекомендации в работе опираться на чтение и говорение самих учащихся (репродуктивную деятельность как основу продуктивной, направленной на осознание и присвоение информации как опыта), постепенно развивая аудирование и корректируя письмо.

Так как большинству опрошенных трудно воспринимать учебную информацию на слух, то педагогам рекомендовалось:

- говорить медленно, отчетливо артикулируя, используя короткие и продуманные фразы-инструкции, точные по содержанию, лежащие в зоне ближайшего развития ребенка по отбору речевых средств;

- дублировать формулировку заданий в письменном виде и сопровождать комментирующим визуальным рядом

(подбирая материалы с иллюстрациями или иллюстрации к предлагаемому материалу);

— использовать одновременное зрительное и слуховое предъявление информации (заданий и др.), то есть озвучивание письменного текста будет способствовать развитию в комплексе чтения и аудирования.

Несформированность чтения и аудирования приводит к потерям учебной информации. В этом случае учащиеся действуют не по заданию, а ориентируясь на тематическую область вопроса или текста и на усвоенные правила поведения и способы действий (в ответ на любой вопрос пишут «Этот текст о...»). 100 % ответов по телепрограмме (очередной вид задания) содержат ошибки, указывающие на невладение обучающимися различными видами чтения: просмотрового, выборочного, поискового, критического и на отсутствие опыта работы с учебным текстом.

В связи с чем педагогам рекомендовалось расширить спектр читаемых и обсуждаемых на занятии текстов материалами, представленными в реальной сфере коммуникации ребенка: детские журналы, программа ТВ для детей, детский контент в интернете, развивая тем самым и медиа-компетенцию и способствуя накоплению и освоению в деятельности важного для социализации контента.

Изучение навыков письменной речи, показало, что все опрошенные нуждаются в коррекции письма. Наблюдая за низкой скоростью письма учеников 8 лет, мы были вынуждены сократить количество заданий по субтесту «Письмо», ограничившись именем, фамилией и домашним адресом.

Было выявлено, что у опрошенных нет представления о языке как системе; есть некие разрозненные, выученные наизусть, но не освоенные элементы, которые приводят к ошибкам: например, в словообразовании в связи с лексическим значением слова («если я во дворе, то я дворянка; в Германии — германка»).

Длительность проживания в России и уровень владения государственным русским языком не всегда напрямую связаны. Не владеют русским языком на базовом уровне не только дети, недавно прибывшие в Россию, но и родившиеся здесь.

Педагогам также было рекомендовано более внимательно относиться к собственной речи: активно артикулировать окончания прилагательных и причастий, интонационно обозначать границы предложений и структурных частей предложения, говорить в оптимальном темпе, тщательно артикулируя, используя короткие, прозрачные по структуре фразы-инструкции, которые помогают детям понимать речь учителя и развивать свои рецептивные навыки.

3. Дети живут, в большинстве случаев, не в системном диалоге этнолингвокультур, а в этнолингвокультурном хаосе, который родители не способны систематизировать в силу недостаточности своего образования и отсутствия временного ресурса, равно как понимания необходимости подобной систематизации. Педагоги же не систематизируют, поскольку не владеют информацией о методике и необходимости подобной систематизации и об этнолингвокультурах воспитанников.

В заключение исследования были сделаны выводы о различиях классов, участвующих в диагностике:

- имеет место неоднородность возрастного, социального и этнокультурного состава, которая является причиной различий в уровне общего развития учащихся и их мотивации к реализации образовательного процесса;

- среди школьников имеет место различный уровень владения русским языком, в частности, существует неравномерность владения учениками различными видами речевой деятельности на русском языке;

- в классах существуют особенности языковой личности детей (обучаются монолингвы, билингвы и дети с полужазычием);

- у школьников существуют различия в степени адаптированности к социокультурным реалиям России;

- у школьников различается степень владения этнокультурным компонентом обоих (нескольких) языков.

Все это существенно осложняет работу учителя. В отдельных случаях можно говорить о практически 100-процентной неготовности класса к обучению в российской школе.

В связи с изложенным, следует отметить, что ключевая педагогическая задача состоит сегодня в создании условий для

овладения школьниками не только языком обучения (русским языком как неродным, другим родным), но и представленной в нем этнолингвокультуры как основы процесса успешной кросс-культурной коммуникации и интеграции в российское сообщество. А стало быть, необходимо привлекать в образовательный процесс все ресурсы, доступные современному русскоязычному ребенку, родившемуся и живущему в среднестатистической семье в Российской Федерации, и выстраивать данный процесс как основанный на деятельности и потребностях самого ребенка-инофона (что предполагает самообразование педагога, освоение им методик и технологий преподавания РКИ, РКН, смешанного обучения и формирование им собственной педагогической копилки для работы с разновозрастными поликультурными классами, включающими инофонов).

Внутри образовательной организации педагог является маркером для других детей в том, как взаимодействовать с инофонами, а также для родителей русскоязычных учащихся в отношении к семьям с миграционной историей. Необходима систематическая работа в трех направлениях:

- на реальную интеграцию инофонов в русскоязычное общество;

- интеграцию «с обратным билетом» (возможностью для ребенка-инофона вернуться на историческую родину родителей);

- интеграцию с перспективой развития: самореализации ученика в иных сферах деятельности и ином социальном статусе, чем у родителей.

Важно отношение к инофонам как к потенциально успешным ученикам, с иным спектром возможностей, чем у детей-автохтонов, а не как к неуспевающим и отягощающим своим образовательным анамнезом аттестационные показатели школы. Для этого оптимально подходит так называемая «шведская иммерсионная модель» образования: инофоны-мигранты посещают вместе с другими детьми регулярные занятия в школе, а затем в рамках занятий продленного дня получают индивидуальные консультации и помощь в освоении нового материала, выполнении домашней

работы и т. д. от педагогов-носителей своего другого (родного) языка, на данном языке с учетом данной этнолингвокультуры.

Не менее важна позиция школы в отношении родителей учеников-инофонов: поддерживающая, консультационная, сопровождающая их интеграцию с учетом особенностей их социального положения и этнолингвокультуры страны их исхода, с пониманием и уважением существующих у них традиций и норм. Педагогам необходимы курсы по языкознанию (сравнительному языкознанию русского языка и основных языков учащихся-инофонов) и по культуроведению (сравнительному и отдельно русской национальной и представленной в регионе нахождения организации коренной культуры) для реализации в образовательной деятельности этнолингвокультурного инпута в диалоге этнолингвокультур.

Таким образом, в сложившейся демографической ситуации детей мигрантов можно рассматривать как часть образовательной миграции и в дальнейшем потенциальных абитуриентов российских вузов, а в будущем — высококвалифицированных специалистов на российских предприятиях. Для успешной языковой и социокультурной адаптации детей мигрантов и мотивации будущих абитуриентов из числа мигрантов необходимо поведение ряд мер на стадии школьного обучения и, возможно, дошкольного воспитания.

По данным проведенного социологического опроса учителей и работников дошкольных учреждений было подтверждено, что наибольшую проблему при работе с детьми мигрантами и их родителями представляет незнание ими русского языка как языка межнационального общения.

В данной ситуации необходима определенная просветительская работа, направленная на разъяснение возможностей, которые можно получить на территории России при хорошем владении русским языком.

При изучении иностранных языков, в том числе и русского как иностранного, возникают серьезные социокультурные проблемы. Поэтому анализ социокультурной составляющей языкового образования заслуживает особого внимания, и обучение с социокультурных позиций представляется наиболее

эффективной моделью формирования иноязычной личности как субъекта диалога культур.

Для построения адекватной модели обучения детей мигрантов рекомендуется использовать социокультурный подход с учетом национального контекста конкретной страны, с одной стороны, и уровня обучения, целей и задач конкретного образовательного учреждения, с другой стороны. Можно использовать и семейную среду, то есть помощь родителей для стимулирования изучения русского языка или семейное обучение родителей и детей.

Следовательно, необходим комплексный подход к решению проблем языковой и социокультурной адаптации детей мигрантов на основе обучения русскому языку и межкультурной коммуникации (включая воспитательную работу), введение дополнительных занятий (курсы адаптации, русского языка как неродного, психологической поддержки и т. п.) не только для обучаемых и их родителей, но и для обучающихся.

Кроме того, необходима подготовка и переподготовка учителей, способных к работе в межкультурной среде и владеющих новыми технологиями обучения. Решению данных проблем будет способствовать педагогический кластер, созданный в Свердловской области в августе 2018 г. В него вошли учебные заведения Свердловской области, имеющее лицензию на повышение квалификации, подготовку и переподготовку педагогических кадров: Уральский федеральный университет, Уральский государственный педагогический университет, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Гуманитарный университет, Институт развития образования и областной педагогический колледж.

В рамках кластера будет проводиться работа не только с педагогами. В числе других задач — профориентация школьников, которые могут в будущем получить профессиональное педагогическое образование, а также информационная и методическая поддержка студентов педагогических вузов.¹

¹ В Свердловской области создан педагогический кластер для непрерывной подготовки кадров. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/society/34552964/?frommail=1>.

На IV Общероссийском семинаре по интеграции и обучению детей с миграционным опытом, состоявшимся 29–30 октября 2018 г. в Москве, отмечалось, что Екатеринбург скоро будет одним из лидеров в системной подготовке учителей для преподавания детям, не говорящим по-русски.¹

2.3. Развитие навыков толерантного поведения в системе транскультурного образования в России²

Академическая мобильность как составная часть единого международного образовательного пространства становится важным процессом, обеспечивающим конкурентоспособность высшим учебным заведениям. В глобальной экономике индикаторы академической мобильности стали рассматриваться как показатели результативности деятельности учебных заведений как в отчетах самих учебных заведений, так и в документах международных организаций.

В соответствии с Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., в российской образовательной среде взят курс на повышение доступности образовательных услуг для иностранных граждан³. Министерство образования и науки РФ прилагает усилия для развития академической мобильности.

Данное направление является актуальным, так как академическая мобильность играет важную роль в современной экономике, способствуя развитию человеческого капитала, в том числе, и на принимающей территории. Дело в том, что большинство выпускников учебных заведений из зарубежных

¹ Ana Ter-Saakova [Электронный ресурс]: URL: <https://www.facebook.com/annatersaakova/posts/2143933469193530>.

² Раздел написан на основе результатов диссертационного исследования А.П. Бекетовой (научный руководитель доц., канд. пед. наук Т.В. Куприна) «Формирование межкультурной коммуникативной толерантности студентов телекоммуникационных специальностей в образовательном процессе вуза» (Екатеринбург, 2018).

³ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. Указ от 31 окт. 2018 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru>.

стран в той или иной степени сохраняют связи со страной, где они получали образование.

В настоящих условиях в Российской Федерации в связи с ростом востребованности высшего образования среди иностранных граждан можно говорить о формировании в высших учебных заведениях системы транскультурного образования. Транскультурное образование направленно на трансграничное объединение образовательных учреждений с целью создания благоприятных условий сотрудничества и адаптации к постоянно меняющимся экономическим и социальным условиям. Целью транскультурного образования является создание особой субъективности, в рамках которой разрешается проблема «свой — чужой», то есть иные культура, традиция, цивилизация, индивид и образование рассматриваются не как препятствие, которое нужно преодолеть в процессе получения знаний, а как самостоятельное явление, участвующее в диалоге и культурном взаимодействии на равных. Новая транскультурная субъективность выходит за рамки национального. Она лучше адаптирована к новым глобальным потокам информации, перемещению людей и капиталов. В рамках транскультурного образования воспитание и обучение индивида основано не на сообщении ему суммы мультикультурных фактов, а на культивировании критического мышления, повышенной этической и политической ответственности. Кроме того, транскультурное образование предполагает не просто понимание «иного» человека, а стремлении восстановить его права, услышать его¹.

Как правило, модель транскультурного образования при подготовке будущих специалистов требует междисциплинарного подхода. Кроме того, в данной модели особое внимание должно уделяться развитию культурологических знаний, способствующих интеграции представителей различных культур².

¹ Миграционные процессы и российский научно-технический потенциал. Социально-экономические последствия миграции научных кадров. Науч. доклад. М., 2012. С. 24.

² Куприна Т. В., Невраева Н. Ю. Проблемы и возможности транскультурного образования. Раздел 8.4. Россия в ВТО. Год после вступления / Под ред.

Одной из наиболее сложных проблем транскультурного образования является экономическая, социальная и культурная адаптация иностранных студентов к новым условиям, возникающим в процессе миграции, так как в результате меняется не только учебное заведение, но и кросс-культурные, бытовые и даже климатические условия.

Данный вид адаптации можно считать добровольным. Добровольная адаптация имеет место тогда, когда согласованные в процессе соотнесения личности со средой или не подлежащие такому согласованию новые ценности и способы действия, которые предполагает социальная среда, не противоречат скорректированной или прежней системе ценностных ориентаций, открывающимся возможностям. Она происходит, если декларируемые принципы и нормы вписываются в систему самых значимых интересов и потребностей человека или даже создают более благоприятные условия для реализации таковых, сам человек поверил или убедился в достоинствах нового по сравнению со старым¹.

Способность к адаптации определяется индивидуальными способностями человека, его адаптационным потенциалом. Адаптационный потенциал рассматривается как важная основа для успешной адаптации в новой социально-экономической среде. Адаптационный потенциал — это возможности субъекта в отношении адаптации, совокупность свойств, ресурсов, которые существуют у адаптанта в скрытом виде и проявляются в ходе адаптации. Механизм экономической, социальной и культурной адаптации включает способы и средства воздействия на процесс и результаты адаптации, используемые как взаимодействующими сторонами этого процесса, субъектами адаптации, так и социальными институтами общества с управляющими функциями².

В. А. Черешнева, А. И. Татаркина, М. В. Федорова. М. : Экономика. 2014. Т. II. Ч. 1. С. 309–320.

¹ Основы формирования региональной политики развития человеческого потенциала отв. ред. д-р экон. наук А. Г. Шеломенцев; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. 214 с. С. 50.

² Миграционные процессы и российский научно-технический потенциал. Социально-экономические последствия миграции научных кадров: Науч.

Как показывают наблюдения, студенты не всегда готовы к кардинальным переменам, часто неожиданными для них. В связи с чем результатом переезда в другую страну становится сильное проявление кросс-культурного шока и невозможность справиться с ним самостоятельно. Для преодоления негативных последствий и успешного продолжения учебы в ряде стран, включая Россию, вводятся программы адаптации как студентов-иностранцев, так и российских студентов к меняющейся кросс-культурной среде университетов.

Существенное внимание при этом, с нашей точки зрения, должно уделяться развитию такого социально и профессионально значимого качества, как межкультурная коммуникативная толерантность в качестве одного из показателей межкультурной коммуникативной компетентности, в целом, и уровня адаптивности, в частности. Под межкультурной коммуникативной толерантностью мы понимаем интегративное качество личности, формирующееся в процессе социализации, в основе которого лежит выраженная готовность к осуществлению межличностных и межкультурных коммуникаций на основе уважения, понимания, принятия и признания различий между собой и личностью собеседника, когда, при сохранении собственной идентичности, относительно существующих различий не возникает негативных переживаний.

Развитие социально значимых качеств может осуществляться на междисциплинарном уровне в рамках предметов гуманитарного цикла, в частности, на занятиях по иностранному языку. Стоит также отметить, что владение иностранным языком позволяет не только получать сведения из иноязычных источников информации, удовлетворяя познавательные интересы в различных областях общественной, культурной, экономической и политической жизни, но и предоставляет возможности гармоничного существования представителей разных культур и предоставляет возможность общения как в образовательном пространстве вуза, так и в обществе, в целом.

В связи с чем целью нашего исследования было изучение развития навыков толерантного поведения в системе

транскультурного образования. Базой для исследования был выбран Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), являющаяся одним из крупнейших университетов России. Развитие академической мобильности является важным направлением деятельности университета и соответствует Программе его развития на 2010–2020 гг.

Кроме того, Устав и Кодекс поведения УрФУ в качестве основных задач деятельности образовательного учреждения выделяют «формирование у обучающихся гражданской позиции, способности к жизни в условиях современного общества, сохранение и приумножение нравственных, культурных и научных ценностей общества, повышение образовательного и культурного уровня обучающихся». В Кодексе поведения также подчеркивается необходимость формирования здорового психологического и культурно-поведенческого климата в университете.¹

Актуальность встраивания вопросов толерантности в систему транскультурного образования в УрФУ связана с ростом численности обучающихся иностранных граждан. В 2017/2018 учебном году в нем обучалось 2428 иностранных студентов из 75 стран мира, или 6,5 % от общей численности студентов, и 119 аспирантов из 27 стран. Большинство из них — это приезжие из Средней Азии, Китая, Монголии, Кореи, Вьетнама, Гвинеи, Мексики. Кроме того, для иностранных студентов университет проводит ежегодные летние и осенние школы, посвященные русскому языку и культуре, экономике и менеджменту.²

¹ Кодекс поведения УрФУ [Электронный ресурс]. URL: https://urfu.ru/fileadmin/user_upload/common_files/employee/other/Kodeks_ehtiki.pdf.

² <http://www.docme.ru/doc/740737/soc.urfu.ru>; Устав ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». Новая редакция. Приказ Министерства образования и науки РФ от 15 апр. 2016 г. № 416 // Уральский федеральный университет. Официальные документы. [Электронный ресурс]. URL: <http://urfu.ru/ru/about/documents>.

² Достижения университета за 2017 год [Электронный ресурс]. URL: https://urfu.ru/fileadmin/user_upload/common_files/about/about-2017-rus.pdf.

Основными методами исследования были выбраны метод интервьюирования и наблюдений за студентами, вовлеченными в процессы академической миграции. Наша экспериментальная работа проводилась на протяжении двух семестров со студентами в рамках курса дисциплины «иностранный язык» (английский язык). В опытно-экспериментальной работе приняли участие студенты первого курса Института радиоэлектроники и информационных технологий — РТФ УрФУ в количестве 132 чел., сформировавшие 2 группы: экспериментальную (76 студентов), обучающуюся по специально разработанной технологии (ЭГ) и контрольную (56 студентов), которая обучалась по традиционной методике (КГ).

Для проведения экспериментальной работы исследования по формированию межкультурной коммуникативной толерантности был определен ее исходный уровень, далее была внедрена специально разработанная технология ее формирования и коррекции при определенных педагогических условиях, определен итоговый уровень сформированности.

Для определения уровня сформированности межкультурной коммуникативной толерантности на диагностирующем этапе экспериментальной работы применялись разработанные критерии оценки (когнитивный, оценочный, мотивационно-ценностный, рефлексивный, деятельностьный) и также выделенные нами уровни (высокий, средний, низкий). Методы оценки включали групповые обсуждения и обмен мнениями по вопросам толерантности, наблюдение за студентами.

Были выбраны следующие содержательные составляющие критериев оценки:

- когнитивная, подразумевающая степень информированности о сущностных и содержательных характеристиках толерантности, знание собственных прав и прав других людей, а также знание особенностей ведения равноправного диалога;

- оценочная, характеризующая отношение к правам других людей, к понятию «толерантность», а также к различиям особенностей своей личности и личности собеседника;

— мотивационно-ценностная, отражающая отношение к развитию толерантности как ценной характеристики личности;

— рефлексивная, предполагающая однозначность и уверенность в признании себя толерантной личностью;

— деятельностьная, означающая выраженность стремления к равноправному диалогу, активность использования способов толерантного межличностного и межкультурного взаимодействия, а также проявление реакций на различия особенностей своей личности и личности собеседника.

Методы оценки включали групповые обсуждения и обмен мнениями по вопросам толерантности, наблюдение за студентами.

Кроме того, в исследовании использовалась психологическая диагностика на основе многофакторного опросника В.В. Бойко для диагностики общей коммуникативной толерантности, позволяющий диагностировать толерантные и интолерантные установки личности, проявляющиеся в процессе общения. Опросник состоит из 9 шкал по 5 утверждений в каждой. По каждой шкале подсчитывается общая сумма баллов. Максимальное число баллов по каждой шкале — 15, общее по всем шкалам — 135. Причем чем выше число набранных баллов, тем выше степень нетерпимости к окружающим.¹

Результаты качественной и количественной оценки на диагностирующем (предшествующем) этапе экспериментальной работы позволили сделать следующие выводы:

1. На основании полученных данных можно говорить о недостаточном уровне сформированности когнитивного компонента межкультурной коммуникативной толерантности, обусловленного тем, что большинство студентов в экспериментальной и контрольной группах демонстрируют низкую степень информированности о сущностных и содержательных характеристиках толерантности, не обладают достаточным объемом знаний относительно собственных прав и прав

¹ Подробнее о диагностике общей коммуникативной толерантности В.В. Бойко см.: Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. М. : Смысл, 2008. 172 с. С. 60–65.

других людей, а также особенностей ведения равноправного диалога.

2. Показатели сформированности оценочного компонента в обеих группах соответствуют низкому и среднему уровням, проявляющимся в неоднозначном отношении к правам других людей и несформированности собственного отношения к понятию «толерантность», а также проявлении отрицательного отношения к различиям особенностей своей личности и личности собеседника. Это свидетельствует о недостаточной сформированности межкультурной коммуникативной толерантности по данному критерию на диагностирующем этапе.

3. Полученные данные констатируют высокий уровень сформированности мотивационно-ценностного компонента межкультурной коммуникативной толерантности как в экспериментальной, так и в контрольной группах, обусловленного наличием положительного отношения и осознания студентами необходимости развития толерантности как одной из ценных характеристик личности.

4. Большинство студентов в обеих группах выражают неоднозначность и неуверенность в признании себя толерантной личностью, что отмечает неготовность студентов отнести себя к числу толерантных людей. Это указывает на недостаточную степень сформированности рефлексивного компонента межкультурной коммуникативной толерантности студентов.

5. Отсутствие выраженного стремления к равноправному диалогу, а также низкая степень владения студентами в экспериментальной и контрольной группах способами толерантного межличностного и межкультурного взаимодействия, выражающиеся в недоброжелательном, неуважительном и даже агрессивном поведении, демонстрируют низкий уровень сформированности практических умений. Это свидетельствует о наличии дефицитов в области развития деятельностного компонента межкультурной коммуникативной толерантности.

С целью выявления наличия или отсутствия статистически значимых различий в показателях на диагностирующем этапе был проведен анализ достоверности различий с помощью редактора электронных таблиц MS Excel согласно формуле расчета по t -критерию Стьюдента.

Вначале было подсчитано стандартное отклонение Sd по формуле

$$Sd = \sqrt{\frac{СКО(ЭГ) + СКО(КГ)}{n_1 + n_2 - 2} \times \frac{n_1 + n_2}{n_1 \times n_2}},$$

где СКО (ЭГ) — среднеквадратичное отклонение в экспериментальной группе, СКО (КГ) — среднеквадратичное отклонение в контрольной группе; n_1 — число студентов в экспериментальной группе; n_2 — число студентов в контрольной группе.

Затем было подсчитано t -эмпирическое делением разницы между средними баллами на стандартное отклонение. Значение t -эмпирического составило 1,07 и оказалось меньше t -критического, равного 1,978 при уровне значимости $p \leq 0,05$. Следовательно, можно сделать вывод об отсутствии статистически значимых различий между экспериментальной и контрольной группами.

Далее путем обобщения теоретического и практического опыта исследования было установлено, что для эффективного формирования межкультурной коммуникативной толерантности на занятиях по иностранному языку в вузе необходимо создать следующие педагогические условия:

- реализация субъект-субъектных отношений преподавателя и обучающихся через совместную коммуникативную деятельность;

- сочетание коммуникативных технологий, нацеленных на автоматизацию навыков межличностного и межкультурного взаимодействия (групповые обсуждения, обмен мнениями, ролевые игры, проблемные ситуации, круглые столы, кейсы, мозговой штурм и др.), и информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих гибкость и оперативность получения учебного материала в полном объеме независимо от места нахождения студентов (подкасты);

- создание и поддержание благоприятного психологического пространства продуктивной совместной деятельности и предупреждение деструктивных конфликтных ситуаций;

- наглядное проявление преподавателем на личном примере уважительного, доброжелательного и толерантного отношения к субъектам образовательного процесса.

Таблица 2.1

Уровни сформированности компонентов межкультурной коммуникативной толерантности по результатам групповых обсуждений, обмена мнениями и данных наблюдения в экспериментальной и контрольной группах на диагностирующем и итоговом этапах

Критерий	Показатели сформированности компонентов межкультурной коммуникативной толерантности по группам, средний % (от кол-ва чел. в группе)					
	экспериментальная группа			контрольная группа		
	высокий	средний	низкий	высокий	средний	низкий
<i>Диагностирующий этап</i>						
Когнитивный	7,9	62,3	29,8	7,7	63,1	29,2
Оценочный	6,1	62,8	31,1	6	60,1	33,9
Мотивационно-ценностный	97,4	2,6	0	91,1	8,9	0
Рефлексивный	22,4	65,8	11,8	17,9	64,3	17,8
Деятельностный	4,4	41,7	53,9	4,8	43,5	51,7
<i>Итоговый этап</i>						
Когнитивный	89,8	10,2	0	7,4	63,3	29,3
Оценочный	94,7	5,3	0	6,7	59,3	34
Мотивационно-ценностный	100	0	0	86	14	0
Рефлексивный	24,6	49,3	26,1	16	70	14
Деятельностный	84,1	13	2,9	5,4	43,3	51,3

Результаты экспериментальной работы показали, что при выполнении указанных условий и внедрении разработанной технологии происходят значительные изменения в уровнях владения межкультурной коммуникативной толерантности (табл. 2.1).

Как показывают данные таблицы 2.1, в контрольной группе на итоговом этапе не наблюдается существенных изменений в уровнях сформированности отдельных компонентов межкультурной коммуникативной толерантности студентов по сравнению с диагностирующим, тогда как в экспериментальной группе на итоговом этапе отмечаются значительные изменения.

Результаты психологического тестирования по опроснику В.В. Бойко представлены в таблице 2.2, а уровни сформированности — на рисунке 2.2.

Таблица 2.2

Уровни сформированности межкультурной коммуникативной толерантности у студентов экспериментальной и контрольной групп по результатам опросника В. В. Бойко на диагностирующем и итоговом этапах

Группа	Диагностирующий этап			Итоговый этап		
	высо- кий	сред- ний	низ- кий	высо- кий	сред- ний	низ- кий
	уровни (в % от кол-ва чел. в группе)					
Экспериментальная	35,5	63,2	1,3	56,5	43,5	0
Контрольная	33,9	62,5	3,6	20	80	0

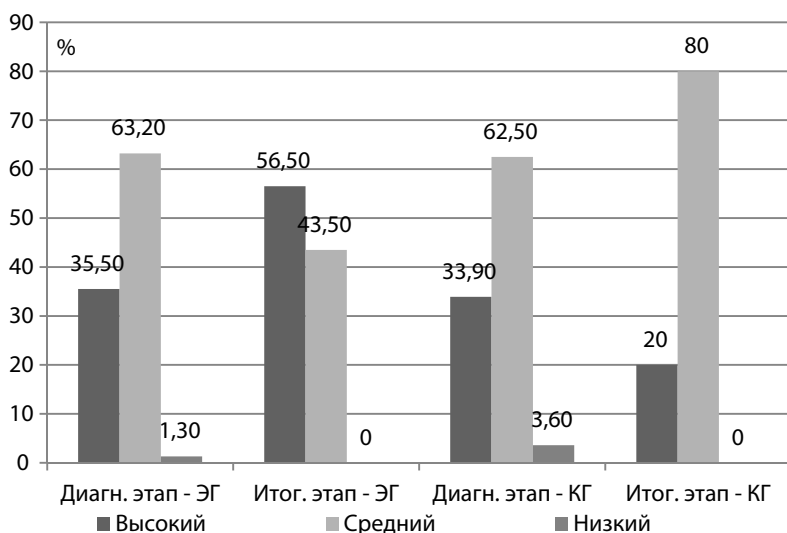

Рис. 2.2. Уровни сформированности межкультурной коммуникативной толерантности в экспериментальной и контрольной группах на диагностирующем и итоговом этапах

Абсолютный прирост уровня сформированности межкультурной коммуникативной толерантности выражается в процентах, поскольку показывает увеличение или уменьшение доли студентов с высоким, средним и низким уровнями сформированности исследуемой толерантности в экспериментальной и контрольной группах. Абсолютный прирост представлен в таблице 2.3.

С целью выявления причины и доказательства динамики в экспериментальной группе было осуществлено

Таблица 2.3

Абсолютный прирост уровня сформированности межкультурной коммуникативной толерантности в экспериментальной и контрольной группах

Группа	Абсолютный прирост уровня сформированности межкультурной коммуникативной толерантности		
	высокий	средний	низкий
Экспериментальная	+21	–19,7	–1,3
Контрольная	–13,9	+17,5	–3,6

моделирование с помощью метода наименьших квадратов *OLS (Ordinary Least Squares)* и методики *Difference-in-Differences*. Моделирование проводилось в статистической программе *Stata*. Переменная воздействия разработанной технологии на студентов экспериментальной группы *Index* вычислялась по формуле:

$$Index = \beta_0 + \beta_1 \times Dummy_Course + \beta_2 \times Dummy_After + \beta_3 \times Dummy_Course \times Dummy_After,$$

где β_0 — коэффициент, характеризующий ошибку модели за счет воздействия внешних неучтенных факторов; β_1 — коэффициент значимости переменной *Dummy_Course*, характеризующей наличие (отсутствие) технологии формирования межкультурной коммуникативной толерантности; β_2 — коэффициент значимости переменной *Dummy_After*, характеризующей участие (неучастие) студента в формировании межкультурной коммуникативной толерантности; β_3 — коэффициент значимости переменной *Dummy_Course* \times *Dummy_After*, характеризующей воздействие (отсутствие воздействия) разработанной технологии на уровень сформированности межкультурной коммуникативной толерантности.

По результатам статистической обработки данных был сделан вывод, что переменная воздействия *Index*, характеризующая внедрение в экспериментальной группе технологии формирования межкультурной коммуникативной толерантности студентов, является значимой: значение составляет –1,96 при уровне значимости $p \leq 0,05$, причем отрицательный знак означает положительное воздействие технологии (чем ниже

число набранных баллов, тем выше степень толерантности к окружающим). Следовательно, результаты применения метода *OLS* и методики *Difference-in-Differences* доказывают, что причиной положительной динамики в экспериментальной группе стало внедрение технологии формирования межкультурной коммуникативной толерантности. Это позволяет нам сделать вывод об эффективности применения разработанной технологии обучения и о подтверждении гипотезы исследования.

Таким образом, экспериментально доказано, что у студентов происходит развитие всех компонентов межкультурной коммуникативной толерантности:

- формируются и закрепляются глубинные знания о сущностных и содержательных характеристиках толерантности, знания о собственных правах и правах других людей, а также об особенностях ведения равноправного диалога (когнитивный компонент) и развивается стремление к осуществлению такого диалога (деятельностный компонент);

- формируется собственное отношение к понятию «толерантность» и к правам других людей, желание признавать право любого человека быть другим и иметь отличное мнение, а также положительное или нейтральное отношение к различиям между особенностями своей личности и личности собеседника (оценочный компонент);

- развивается стремление совершенствовать свои знания, умения, навыки, а также формируется положительное отношение к развитию толерантности как ценной характеристики личности (мотивационно-ценностный компонент);

- развивается эмоционально-волевая готовность студентов отнести себя к числу толерантных личностей (рефлексивный компонент);

- происходит овладение студентами способами толерантного межличностного и межкультурного взаимодействия на основе уважения, понимания, признания и принятия различий, в поведении проявляются доброжелательные реакции на различия между особенностями своей личности и личности собеседника или по поводу различий не возникает негативных переживаний (деятельностный компонент).

Перспективными направлениями последующих исследований могут стать использование разработанного учебного практикума «Five Lessons for Developing Tolerance» («Пять уроков развития толерантности») в качестве дополнительного блока заданий и упражнений с целью дальнейшего развития межкультурной коммуникативной толерантности студентов всех специальностей, разработка и реализация программы переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров, ориентированной на формирование их межкультурной коммуникативной толерантности и умения работать с межкультурной аудиторией.

Кроме того, с учетом результатов предыдущего исследования среди учителей школ и воспитателей дошкольных учреждений¹ практические результаты данного исследования могут быть использованы и на уровне школьного обучения с целью развития межкультурных коммуникативных навыков на занятиях по английскому языку с использованием практикума «Five Lessons for Developing Tolerance»² и в системе дополнительного образования.

¹ Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России. Оценка факторов и эффектов / Рос. акад. наук, Урал отд-е, Ин-т экономики; авт. колл.: Е. Б. Бедрина, М. Н. Вандышев, Т. В. Куприна, М. Л. Лифшиц, А. С. Мельникова, Н. П. Неклюдова, Д. А. Панышина, Н. Л. Смирнова, Н. Л. Струин, Е. А. Трушкова, Е. Х. Тухтарова, К. В. Чернова. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 58–64.

² Бекетова А. П., Куприна Т. В. Five Lessons for Developing Tolerance (Пять уроков развития толерантности) / Под общ. ред. Т. В. Куприной. Екатеринбург: УрФУ, 2016. 168 с.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ В РОССИИ

3.1. Феномен «полуторного поколения» мигрантов и его отражение в индексируемых российских изданиях: библиометрический анализ

В условиях роста миграционных процессов приобретает актуальность тема «полуторного поколения» мигрантов. «Полуторным поколением» мигрантов исследователи называют детей, которых родители привезли чужую страну в относительно сознательном возрасте¹. У этих детей сохраняются навыки поведения, полученные в стране происхождения, но формируются и новые, приобретаемые в стране прибытия. С точки зрения социализации эти дети занимают промежуточное — неустойчивое — положение между представителями первого поколения мигрантов, формирование личности которых проходило в родной стране, в устоявшихся обычаях и традициях, и представителями второго поколения, чье формирование, напротив, проходит в новых непривычных для их этноса условиях.² В связи с тем, что реализация себя у этой категории мигрантов происходит в новых условиях с непонятными для них нормами, обычаями и традициями, «полуторное поколение» называют маргинальным, «неустойчивым». Столкновение двух культур в сознании детей мигрантов «полуторного поколения» создает феномен, который в научной литературе принято называть культурным шоком³, или культурным раздвоением. Культурное раздвоение часто

¹ Мукомель В. И. Особенности адаптации и интеграции детей мигрантов — представителей «полуторного поколения» // Известия Иркутского государственного университета. 2013. №2–2. С. 192. (Политология. Религиоведение).

² Рочева А. Л. «Полуторное» поколение мигрантов: множественная маргинальность. Обзор литературы // ИС РАН. 2011. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.isras.ru/publ.html?id=2355>.

³ Куликова О. А. Культурный шок: социально-психологическая адаптация к новой культурной среде // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2017. № 5. С. 190.

отрицательно влияет на особенности формирования, адаптации и интеграции детей, вызывает у них чувство растерянности и неопределенности, ведет к социальной эксклюзии и девиантному поведению. Для преодоления культурного шока требуется не только время, но и определенная работа, в том числе и со стороны принимающего сообщества, а значит, тема «полуторного поколения» должна активно изучаться и учитываться в формировании национальной политики принимающего сообщества, отражаться в программах адаптации и интеграции мигрантов.

Тема, связанная с адаптацией детей мигрантов, в том числе и «полуторного поколения», начала активно подниматься в научной литературе в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в., прежде всего, на Западе. Это был посткризисный период, когда во многих странах — реципиентах трудовых ресурсов власти пересматривали свое отношение к мигрантам, ужесточали миграционное законодательство, ограничивая потоки неквалифицированной рабочей силы из развивающихся стран.

Важность обращения к теме полуторного поколения в российских условиях продиктована формированием относительно новой миграционной системы, где центром притяжения миграционных потоков, преимущественно из стран Средней Азии, выступает Россия. Трудовая миграция имеет временный характер, тем не менее, на окраинах крупных мегаполисов, а также в ряде населенных пунктов возникают этнические анклав, этнические дошкольные учреждения, этнические школы и пр. При этом на местном уровне, как правило, отсутствуют интеграционные программы для детей мигрантов, этнические школы «мигрантского типа» не имеют особого статуса, а дополнительная нагрузка, связанная с присутствием либо с преобладанием детей-инофонов, выполняется, главным образом, за счет энтузиазма трудового коллектива образовательного учреждения. Сложившиеся условия делают данную тему архиважной в вопросах реформирования миграционной политики в России.

Для того чтобы составить представление об особенностях исследования темы «полуторного поколения» в евразийской миграционной системе нами было принято решение

использовать библиометрический метод анализа научных публикаций, посвященных данной проблематике.

Библиометрический метод позволяет интегрировать сведения о предметной области в едином информационном ресурсе, получить необходимый объем данных по определенной предметно ориентированной тематике, обеспечить адекватное отображение состояния предметной области исследования и провести это исследование с использованием современных информационных технологий¹. Библиометрический метод способствует получению новой семантической информации, дает возможность использовать широкий массив материалов, повысив качество исследования².

В рамках библиометрического метода был использован метод количественной оценки документального информационного потока на основе выбора ключевых слов. Площадкой для исследования была выбрана библиотека eLIBRARY, являющаяся крупнейшей в России электронной библиотекой научных публикаций и ведущей электронной библиотекой научной периодики на русском языке в мире, обладающая богатыми возможностями поиска и анализа научной информации, содержащая на момент поиска, 2 марта 2018 г., рефераты и полные тексты более 26 млн научных статей и публикаций, в том числе электронные версии более 5 600 российских научно-технических журналов (из которых более 4 800 журналов, находятся в открытом доступе)³.

В качестве дефиниции, введенной в поисковую строку, было выбрано словосочетание «полуторное поколение мигрантов». Всего было получено 115 ссылок на различные источники, в том числе одну диссертацию на соискание ученой степени

¹ Даринская Л. А., Гуслина А. С. Библиометрический анализ как способ вхождения в проблему исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. № 3. С. 171.

² Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России. Оценка факторов и эффектов / Е. Б. Бедрина, М. Н. Вандышев, Т. В. Куприна, М. Л. Лифшиц, А. С. Мельникова, Н. П. Неклюдова, Д. А. Паньшина, Н. Л. Смирнова, Н. Л. Струин, Е. А. Трушкова, Е. Х. Тухтарова, К. В. Чернова. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 109.

³ eLIBRARY [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp?>.

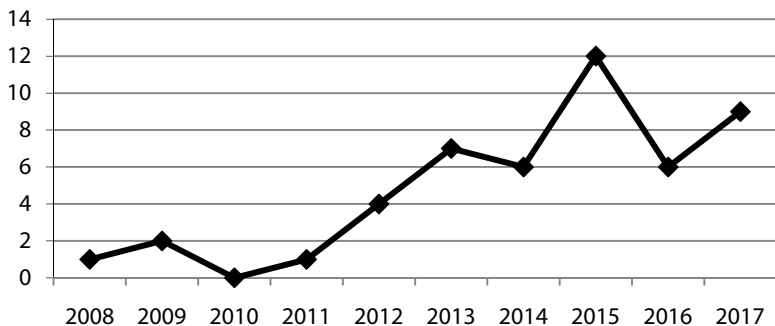

Рис. 3.1. *Распределение количества публикаций по тематике исследования по годам*

доктора педагогических наук, монографии, статьи в журналах и сборниках, научные доклады и пр. Изучение аннотаций, ключевых слов, указываемых в публикациях, и самих источников позволило сузить информационную базу до 48 ссылок. Для сравнения, на запрос по ключевым словам «дети мигрантов», было получено 29 222 ссылки, а по ключевым словам «второе поколение мигрантов» — 16 464 ссылки. На основании чего был сделан вывод, что проблема адаптации и интеграции детей мигрантов является востребованной на данной информационной площадке, однако тема «полуторного поколения» является относительно новой в российской научной литературе и, как следствие, недостаточно изученной.

Анализ временного распределения показал, что первая публикация, в которой упоминается дефиниция «полуторное поколение», датируется 2008 г., первая публикация, непосредственно посвященная данной теме, появляется в 2012 г. Это работа В.И. Мукомеля «Особенности адаптации и интеграции представителей „полуторного поколения” мигрантов». Количественный анализ публикаций показал, что на временном участке с 2008 г. по 2017 г. наблюдался рост интереса к данному вопросу (рис. 3.1).

Четверть публикаций по данной тематике приходится на 2015 г., когда, с одной стороны, в связи с падением цен на нефть и введенными против России экономическими санкциями в стране произошло ухудшение экономической ситуации и, как следствие, рост антимигрантских настроений. С другой

стороны, было реформировано миграционное законодательство и введено требование об обязательной сдаче мигрантами экзаменов по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации для получения патента для трудоустройства. В связи с чем именно в этот период особо актуальной становится тема интеграции и адаптации мигрантов. В соответствии с Указом Президента РФ от 31.03.2015 № 168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей» создается орган, призванный осуществлять меры, направленные на укрепление единства многонационального народа Российской Федерации, разрабатывать и реализовывать государственные и федеральные целевые программы в сфере межнациональных отношений¹.

Авторами публикаций на тему полуторное поколение мигрантов из выбранного перечня являются 49 исследователей, специализирующихся в различных областях знаний, из них 8 имеют по 2 и более публикации из исследуемого списка. Также анализ показал, что самым активным исследователем, который одним из первых вывел эту тему на российскую площадку, является В.И. Мукомель, им за период с 2012 г. по 2015 г. опубликовано 7 работ в той или иной степени затрагивающих вопросы полуторного поколения мигрантов и размещенных на площадке eLIBRARY. Среди авторов кроме россиян были представители Киргизии и Израиля. Анализ публикаций по выбранной тематике по авторам представлен в таблице 3.1.

Авторы отобранных публикаций представляют 35 научно-исследовательских и учебных учреждений. Более половины публикаций, а именно 51 %, выполнено сотрудниками Российской академии наук. Самая высокая публикационная активность по исследуемой тематике зафиксирована в Институте социологии РАН — 10 работ из выбранного перечня публикаций, и в НИУ «Высшая школа экономики» — 6 работ.

Аффилированность авторов публикаций в зарубежных учреждениях представлена Международным

¹ О Федеральном агентстве по делам национальностей. Указ Президента РФ от 31.03.2015 № 168 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/42043.html>.

Таблица 3.1

Анализ распределения публикаций о «полуторном поколении» по авторам

Автор	Организация	Количество публикаций		Частотность упоминаний
		всего	по теме	
1. Мукомель В. И.	Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва)	180	7	0,039
2. Замотин М. П.	Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург)	14	3	0,214
3. Воропаева А. В.	Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва)	9	2	0,222
4. Громыко А. А.	Институт Европы РАН (Москва)	224	2	0,009
5. Казарцева Е. В.	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)	7	2	0,286
6. Кузнецов И. М.	Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва)	75	2	0,027
7. Степанова Е. А.	Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (Москва)	150	2	0,013
8. Ханин (Зеэв) В.	Министерство абсорбции Израиля, Университет Бар-Илан (Израиль)	—	2	—

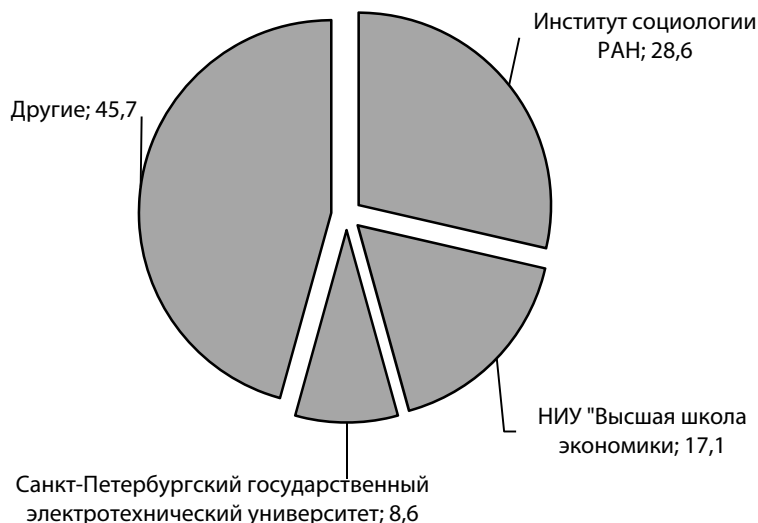

Рис. 3.2. Распределение публикаций о «полупрогнозном поколении» по аффилированным организациям

университетом Кыргызстана, Министерством абсорбции Израиля, Израильским институтом технологии и тремя университетами Израиля: Открытым университетом Израиля, Университетом Бар-Илан, Хайфским университетом. Высокая публикационная активность исследователей из Израиля подтверждает важность данной темы в условиях страны-реципиента.

Структура распределения публикаций по выбранной тематике по аффилированности авторов представлена на рисунке 3.2.

Анализ распределения публикаций по журналам показал, что широкий разброс публикационной активности вне зависимости от индексов цитируемости и принадлежности к ВАК (табл. 3.2)

Анализ распределения публикаций по тематическим рубрикам подтвердил междисциплинарность выбранной темы. Однако лидерами оказались рубрики «Социология» — 39 % и «История» — 26 % (рис. 3.3).

Публикации были отнесены к 8 подрубрикам: «Общие проблемы народонаселения (Демография)», «Этнография и

Таблица 3.2

Распределение публикаций о «полуторном поколении» по журналам

Название журнала	Кол-во публикаций	ИФ	РИНЦ	ВАК	SCOPUS
Диаспоры	3				
Дискурс	3		+	+	
Антропологический форум	2	0,470	+	+	
Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены	2	0,873	+	+	+
Россия реформирующаяся	2		+		
Пути к миру и безопасности	2	0,407	+		
Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология	1	0,309	+	+	
Вестник Томского государственного университета. История	1	0,348	+	+	
Россия реформирующаяся	1		+		
Laboratorium. Журнал социальных исследований РИНЦ	1	0,204	+		
Аспирант	1				
Вестник Российской нации	1		+	+	
Вопросы образования	1	1,568	+	+	+
Журнал исследований социальной политики	1	0,647	+	+	+
Журнал социологии и социальной антропологии	1		+	+	
Известия Иркутского государственного университета	1	0,1	+	+	
Самарский научный вестник	1	0,678	+	+	
Социологические исследования	1	1,561	+	+	+
Социология образования	1	0,514	+	+	
Философские науки	1	0,218	+		
Фундаментальные аспекты психического здоровья	1		+	+	
Экономическая социология	1	0,760	+		+
Этнографическое обозрение	1	0,425	+	+	+
Этнодиалоги РИНЦ	1		+		

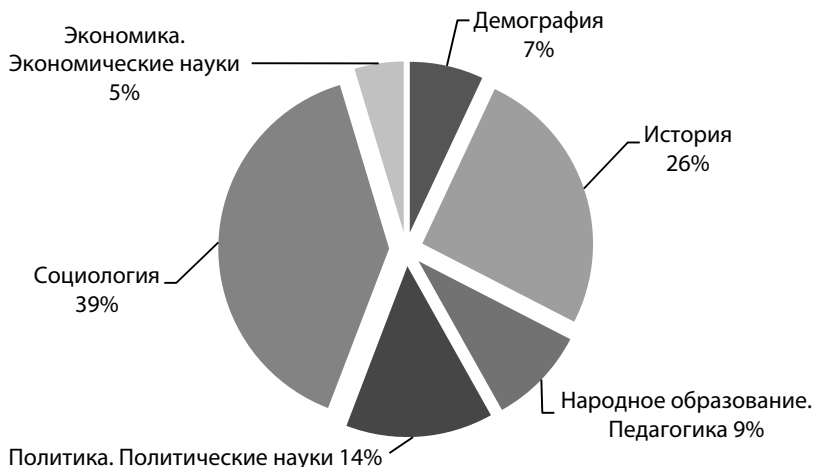

Рис. 3.3. Распределение публикаций по рубрикам ГРНТИ

историческая антропология (История. Исторические науки)», «Теория международных отношений. Внешняя политика и дипломатия (Политика. Политические науки)», «Теория политических систем», «Внутренняя политика (Политика. Политические науки)», «Социальные отношения и процессы (Социология)», «Социальные классы, общности и группы (Социология)», «Социология сфер социальной жизни, социальных явлений и институтов (Социология)», «Мировое хозяйство. Международные экономические отношения (Экономика. Экономические науки)».

Распределение публикаций по уровню цитируемости в целом подтвердило предыдущее распределение, при котором лидерами оказались также публикации, размещенные в рубриках «Социология» — 48 % и «История» — 38 % (рис. 3.4).

Из 48 ссылок дефиниция «полуторное поколение мигрантов» встречается в диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук, 6 монографиях, в докладе Российского совета по международным делам, 8 статьях, опубликованных в сборниках конференций, и 32 статьях, опубликованных в 23 журналах различной направленности.

Анализ распределения статей, опубликованных в журналах, показал, что 31 статья размещена в журналах на платформе РИНЦ, 50 % из них — в журналах, входящих в ядро РИНЦ,

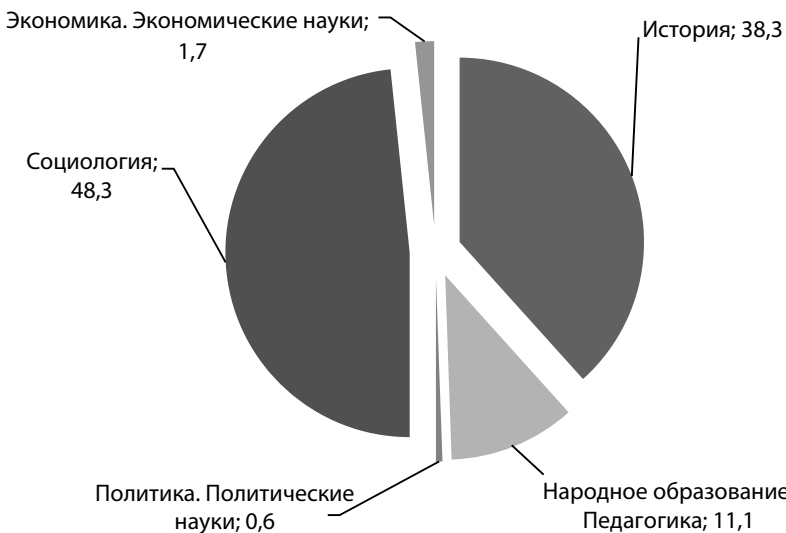

Рис. 3.4. *Распределение публикаций по ссылкам*

21 % с импакт-фактором свыше 0,5, 25 % в журналах ВАК, 9 % в журналах Scopus.

Предложенная группировка ключевых слов, выделяемых в выбранном перечне публикаций, отражает современное состояние исследования проблемы «полуторного поколения» мигрантов. Она состоит из 8 групп: общая тема, ключевые дефиниции, 6 наиболее популярных тем исследования.

В роли основных дефиниций выступают дефиниции «дети мигрантов», «второе поколение», «полуторное поколение». При этом в тексте работ чаще всего используется широко употребляемое понятие «дети мигрантов». Понятия «полуторное поколение» и «второе поколение» используются как взаимозаменяемые, так и как взаимодополняемые.

Ключевые слова, выделенные в публикациях, были разделены на три группы:

- ключевые дефиниции (такие как «полуторное поколение», «дети мигрантов», «второе поколение»);
- относящиеся к общей теме миграции (такие как «миграция», «мигранты», «миграционные процессы», «миграционный статус» и пр.);

— относящиеся к темам, характеризующим направления исследований «второго поколения мигрантов».

Среди данных тем чаще всего поднимается проблема выбора миграционной стратегии, причем наиболее популярными являются дефиниции, отражающие официально зафиксированные в российском миграционном законодательстве направления миграционной политики в отношении мигрантов и их семей, а именно, «адаптация» и «интеграция» по 10 упоминаний. Судя по количеству используемых ключевых слов, проблема национальной идентичности занимает второе место — 17 упоминаний. Третье место принадлежит проблеме угроз и рисков — 14 упоминаний (табл. 3.3).

Таблица 3.3

Анализ распределения публикаций по ключевым словам

Тема	Ключевые слова
1. Миграционная стратегия	адаптация (социальная адаптация), интеграция (интеграционные процессы, интеграция иммигрантов, индивидуальные и групповые стратегии интеграции), мультикультурализм, социализация, транснационализм (транснациональные социальные пространства)
2. Национальная идентичность и культура	идентичность (диаспорные общины, идентичности, вторичная идентичность, нациестроительство), этническая культура (этнизация, этнические границы, этнический состав, этничность, этносоциология, культурно отличимые мигранты, культурные ориентации, культурология, атрибуты этнической культуры, маркеры культурной границы)
3. Угрозы и риски	конфликты (конфликтогенность, этнические конфликты, вооруженный конфликт), экстремизм (радикализация, противодействие насильственному экстремизму), терроризм (Талибан, ИГИЛ, антитеррористическое сотрудничество, противодействие терроризму)
4. Школа и образование	школа и образование (школьная культура, школьная реформа, школьники, русская школа, образовательные ценности школы, образовательная политика, образовательные достижения, законодательство в сфере образования)
5. Знание языка	родной язык, лингвистическая биография, русский язык, языковая социализация
6. Семья, родители	брачно-семейное поведение, семейная структура, родительская забота

Судя по ключевым словам, авторы публикаций основные угрозы видят в росте этнических конфликтов и терроризма. А вот дефиниции «школа», «образование» и их условные синонимы занимают лишь четвертое место среди частоты выбора ключевых слов — 9 упоминаний. С нашей точки зрения, слишком мало внимания, судя по набору ключевых слов, уделено вопросам знания языка и воспитания в семье. А именно на плохое знание русского языка детей-мигрантов обычно жалуются школьные учителя.

Таким образом, судя по информационному массиву, размещенному на платформе библиотеки elibrary, в России тема «полуторного поколения» мигрантов только начинает привлекать к себе внимание. Пионерами в исследовании данной темы выступают социологи, а вот со стороны правоведов, психологов и лингвистов она практически не представлена на исследуемой площадке. Также недостаточное внимание уделяется ей и со стороны педагогов, хотя, с нашей точки зрения, эта проблема в настоящее время достаточно остро стоит в российских образовательных учреждениях.

3.2. Оценка рисков применения адаптационных практик мигрантов для местного сообщества

Адаптационные практики мигрантов сталкиваются с большим количеством проблем, часто реальная ситуация отличается от планируемой. Участие в жизни принимаемого сообщества обычно вызывается не потребностью в социальной адаптации, а необходимостью решения личных экономических проблем. К этим проблемам относят, главным образом, трудоустройство и поиск жилья. Как показывают исследования, решением вопросов получения разрешения на работу, поиска работы, получения медицинских свидетельств и заявления о миграционном счете занимаются члены местной диаспоры, а не государственные структуры, несмотря на большую работу государства по легализации миграции и снижению коррупции в этом вопросе. Можно утверждать, что в настоящее время большее значение для решения жизненно важных вопросов мигрантов имеют

теневые структуры¹. Так, в соответствии с нашими наблюдениями, оплата посредников, помогающих с решением проблем занятости и оформлением документов, составляет ежемесячно 10–15 % дохода мигрантов. Создавшаяся ситуация подвергает сомнению эффективность существующих адаптационных практик мигрантов, что определило актуальность исследования проблем прикладных вопросов адаптационных практик и возникающих при этом рисков.

Самое общее определение адаптации связано с процессом обслуживания и функционирования системы включения в определенную среду, а также в изменении внешней и внутренней окружающей среды². Первоначально понятие «адаптация» появилось в XIX в. в биологии, но в течение времени получило распространение и в других сферах науки. Для понимания адаптации применительно к миграции важно, что с точки зрения социологии адаптация связана с возможностью человека выстроить модель своего поведения исходя из поведения в условиях окружающей среды принимающей территории. При этом необходимо учитывать и потребности местного сообщества, которое также оказывает влияние на мигрантов и практику их адаптации. Мы предлагаем определить процесс адаптации мигрантов как практику адаптации мигрантов к условиям, не являющимся обычной окружающей средой, которая предполагает необходимость изменения личных моделей поведения и изменения ценностных ориентиров.

Таким образом, адаптационные практики мигрантов могут существенно отличаться от формализованных институциональных процедур, которые должны способствовать социальной адаптации мигрантов. В существующей практике происходит сложное взаимодействие двух сторон — сообщества мигрантов и общества принятия.

На поведенческие модели, сформированные в среде мигрантов, оказывают влияние не только сформированные

¹ Корель Л. В. Социология адаптаций. Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск : Наука, 2005. 423 с.

² Юдин Б. Г., Симонов А. Н. Подготовка электронной публикации и общая редакция // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7172>.

модели поведения, но и социальные и культурные отношения с местным сообществом, а также отношения с государственными институтами, которые призваны способствовать процессу адаптации. С этой точки зрения необходимо рассмотреть в теоретические и методические взаимосвязи процесса самоидентификации и адаптации личности мигрантов в окружающей среде, изменения ценных ориентиров.¹

Существуют классические подходы к адаптационным практикам в социологии. К ним относят нормативный и интерпретативный подходы.

Нормативный подход к процессу адаптации соединяет внутренние ценности мигрантов с объективными нормами поведения в среде принимающей территории. При таком подходе мигранты выступают в роли пассивного субъекта без существенного адаптирующего воздействия принимающей среды. Мигранты и принимающее общество не изменяют своих ценностей, а приспосабливаются к друг другу. Исследования² показывают несостоятельность такого подхода, поскольку в это случае не наблюдается растворения или интеграции мигрантов в принимающем обществе.

М. Вебер и В. Дилти предложили иной подход к адаптационным практикам — интерпретативный, рассматривающий роль индивидуальности в ходе адаптации через понимание цели включения в новую среду и желания приспособления в этой среде адаптироваться.

Следует отметить, что внутренние ценностные ориентиры формируются до или на первоначальной стадии включения в принимающее сообщество. Мигранты в период адаптации к принимающей территории приезжий формируют отношение к окружающей среде через изменение собственных ценностных установок.

Интерпретативный подход предполагает возможность взаимного влияния личности мигранта и отношения в нему

¹ Корель Л. В. Социология адаптаций. Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск : Наука, 2005. 423 с.

² Чернова К. В., Бедрина Е. Б. Миграция человеческого капитала из развивающихся государств Европы в условиях европейской интеграции. Причины и следствия // Вестник УрФУ. 2017. Т. 16. № 1. С. 46–65. (Экономика и управление).

принимающего сообщества. Для соответствующего понимания путей и способов адаптации мигрантов к местному сообществу необходим анализ качества этого процесса. При этом нужно учитывать два разновекторных процесса. Часть мигрантов, изначально настроенных на интеграцию в принимающем сообществе, принимает ее социально-культурные ценности. А другая часть мигрантов использует принимающую территорию в качестве экономического ресурса для улучшения своего уровня жизни. В этом случае формируется среда для формирования национальных анклавов как территории идентичности среды ухода. В связи с чем можно рассматривать две стороны процесса адаптации мигрантов — интеграции и анклавизации. В этой связи необходима приоритетность государственной политики, направленной на создание условий для социально-культурной адаптации мигрантов, а не только экономической адаптации.

Отказ части мигрантов от принятия ценностей среды принимающего сообщества может привести к формированию негативного отношения местного сообщества и связанных с этим риском конфликтных ситуаций. В продолжение исследования количественного контент-анализа угроз влияния мигрантов на местное сообщество был составлен рейтинг рисков, распространенных в общественном сознании. Объектом был выбран массив веб-страниц в поисковой системе Яндекс за период с ноября 2015 г. по апрель 2018 г. в целом по России. Итоги анализа представлены в таблице 3.4.

Данные исследования подтверждают список угроз принимающего сообщества, отраженных в общественном сознании. Наибольшие опасения местного сообщества связаны с неприятием их ценностей и жизнью «по своим законам» (70 %). Следующее по значимости опасение связано с преступностью со стороны мигрантов («изнасилования» 11 %; «преступность» 7,6 %). Менее значимы негативные мнения, связанные с эмоциональной составляющей («мигранты не нужны» 2,6 % и «мигранты уезжайте» 1,8 %). По сравнению с 2017 г. наблюдается увеличение упоминаний, связанных с угрозой объединения мигрантов в анклавы («район мигрантов» 0,9 % против 0,8 % в 2017 г.). При этом смысловая

Таблица 3.4
Динамика упоминаний и их соотношение в общей выборке на веб-страницах поисковой системы Yandex семан-
тических единиц, отражающих угрозы от мигрантов, смысл. ед.

Угрозы	Период					Общее количество	
	11/2015-04/2016	05/2016-10/2016	11/2016-04/2017	05/2017-10/2017	11/2017-04/2018	смысл. ед.	%
Угрозы, включительно	40 109	24 857	52 665	35 082	32 947	185 660	100
«мигранты + свои законы»	24 196	15 758	39 224	27 336	23 406	129 920	70,0
«мигранты + изнасилования»	6 872	2 288	6 607	2 033	2 685	20 485	11,0
«мигранты + преступление»	4 091	2 484	3 051	2 001	2 568	14 195	7,6
«мигранты + не нужны»	1 633	1 771	1 612	1 616	1 929	8 561	4,6
«мигранты + уезжайте»	1 391	872	847	748	987	4 845	2,6
«мигранты + нелегалы»	977	843	532	559	500	3 411	1,8
«район мигрантов»	198	320	338	362	425	1 643	0,9
«мигранты + болезни»	552	326	229	221	222	1 550	0,8
«мигранты + не платят налоги»	199	195	225	206	225	1 050	0,6

единица «национальный анклав» не упоминается после июля 2017 г.

Следует отметить, что при анализе образа мигранта, сформированного в масс-медиа, акценты делаются на экономические угрозы, угрозы жизни и здоровью принимающего населения¹. Авторский контент-анализ электронных СМИ не подтвердил эту гипотезу. При этом смысловые единицы, отражающие незаконную занятость, формирование национальной теневой экономики, распространение наркотиков, замещение рабочих мест практически не находят отражения в общественном мнении в электронных средствах массовой информации. Угрозы, связанные с возможным ростом болезней и экономическими рисками отказа заплатить налоги, занимают последние места в сделанном рейтинге угроз и соответствуют 0,8 и 0,5 %.

Как показало исследование мнений местного населения, существует две основных вида угроз: экономические и связанные с влиянием на привычный образ жизни. Анализ показал, что принимающее сообщество отводит больше внимания угрозам, связанным с влиянием на образ жизни, что может быть связано с навязыванием чуждых культурных и религиозных ценностей, потерей национальной идентичности. Обеспокоенность территориальной автономией и экономическими угрозами повышается, но не связывается с формированием национальных анклавов.

Снижение рисков возникновения конфликтных ситуаций между мигрантами и населением принимающей стороны в социокультурном аспекте связано с формированием сценариев адаптационного поведения. Такое формирование для его эффективности должно проходить по двум направлениям через государственную политику и через СМИ. В основе

¹ Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России: оценка факторов и эффектов / Бедрина Е. Б., Вандышев М. Н., Куприна Т. В., Лифшиц М. Л., Мельникова А. С., Неклюдова Н. П., Паньшина Д. А., Смирнова Н. Л., Струин Н. Л., Трушкова Е. А., Тухтарова Е. Х., Чернова К. В.; Российская академия наук, Уральское отделение, Институт экономики. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2017.

адаптационного поведения лежит выбор одного из основных подходов к адаптационной политике.

Первый подход — прагматический, или приспособительный. Этот подход не предполагает существенных изменений в образе жизни, культурных и ценностных ориентирах мигрантов, поскольку поведение мигрантов не предполагает необходимости глубокого освоения культурных и этнических ценностей принимающей стороны. Этот подход имеет потребительский характер, мотивы приезда в чужую страну связаны с получением экономических благ: получение работы, заработка, пособий. Часто прагматическое отношение к принимающей стране характеризует временную трудовую миграцию. Для мигрантов, планирующих постоянное проживание в принимающей стране, такие установки дают благодатную почву для формирования национальных анклавов.

Второй подход — адаптационный. Подразумевает трансформацию ценностно-культурных установок отдельных мигрантов и их групп через формирование новых ценностей, связанных с желанием интеграции в новое сообщество. Основным критерий такого подхода — самоидентификация мигранта с местным сообществом, в первую очередь, языковая. Адаптационный подход предполагает взаимное обогащение культур принимающей страны и страны исхода.

Адаптационный процесс не может быть односторонним. Принимающее сообщество адаптируется к мигрантам и, одновременно, мигранты адаптируются к принимающему сообществу.¹ Такие установки формируются на двух уровнях — бытовом внутреннем и внешнем через средства массовой информации. В приведенных ранее исследованиях автора показана деформация значимости угроз со стороны мигрантов в общественном сознании местного населения и средствах массовой информации.² В средствах массовой информации как

¹ Тухтарова Е. Х., Бедрина Е. Б. Методические подходы к оценке влияния потоков внешней трудовой миграции на рынок труда и экономический рост принимающей территории // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 10–3. С. 658–662.

² Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России: оценка факторов и эффектов / Бедрина Е. Б., Вандышев М. Н., Купри-

основные угрозы показаны экономические угрозы, угрозы жизни и здоровью населения. Анализ общественного мнения путем контент-анализа электронным СМИ показал значимость угрозы «мигранты + свои законы».

Дальнейшее исследование данной темы основывается на использовании базы данных опросов «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. Массив данных охватывает период 1994–2017 гг., глубокое исследование отношения местного населения к мигрантам в основном было проведено в 2008 г. Несмотря на длительный временной разрыв, данные обследований на сегодняшний день не потеряли актуальности, поскольку за этот период не произошло существенных изменений в миграционных процессах.

В анализе были комплексно использованы методы социологических исследований: социологический опрос, экспертный опрос, статистический анализ.

Целью исследования стала оценка субъективных мнений населения принимающей территории угроз со стороны мигрантов. Основная гипотеза исследования: негативный образ мигранта формируется через средства массовой информации или внешние источники, на внутреннем, бытовом уровне местное население относится к мигрантам более лояльно.

На первом этапе исследования была решена задача анализа проблем, касающихся принятия или непринятия мигрантов на своей территории, а также отношение к группировкам, агрессивно нападающим на мигрантов. В опросе, проведенном по все России, приняли участие 11862 респондента (табл. 3.5).

Одобрение запрета на временное проживание в своем городе выразили 39,8 % опрошенных. Среди них 40,7 % мужчин и 39,4 % женщин. Это высокий процент. Если исключить

на Т. В., Лифшиц М. Л., Мельникова А. С., Неклюдова Н. П., Панышина Д. А., Смирнова Н. Л., Струин Н. Л., Трушкова Е. А., Тухтарова Е. Х., Чернова К. В. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. 180 с.

Таблица 3.5

**Распределение ответов, касающихся запрета принимать мигрантов
на своей территории, %**

Вариант от- веты	Вопросы и распределение вариантов ответа					
	Вы одобрили бы запрет при- нимать мигрантов на вре- менное проживание в Вашем городе (поселке / деревне)			Вы одобрили бы запрет при- нимать мигрантов на посто- янное проживание в Вашем городе (поселке / деревне)		
	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего
Да	40,7	39,4	39,8	46,3	45,4	45,6
Нет	43,5	42,3	42,9	38,6	37,1	37,7
Затрудняюсь ответить	15,8	18,3	17,3	15,1	17,5	16,7

нейтральный ответ, то доля ответивших положительно будет лишь на 3 % меньше доли ответивших отрицательно (42,9 %). Следующий вопрос был о запрете принимать мигрантов на постоянное проживание. Здесь уже первое место занял положительный ответ — 45,6 % респондентов против 37,7 % ответивших отрицательно. Не готовы принять мигрантов на постоянное место жительства 46,3 % мужчин и 45,4 % женщин. Следует отметить, что при несущественной разнице в ответах мужчин и женщин, в целом женщины более терпимы к мигрантам. В целом опрос показал высокий процент людей, которые не хотели бы жить совместно с мигрантами ни постоянно ни временно. Это подтверждает вывод, полученные методом контент-анализа: наибольшую угрозу люди видят в навязывании своего образа жизни со стороны приезжих.

На следующем этапе была выделена проблема одобрения или неодобрения действий группировок, нападающих и угрожающих мигрантам. Результаты представлены в таблице 3.6.

Полученные ответы в основном носят отрицательный характер. Ответивших «совсем не одобряю» и «скорее не одобряю» 80,5 %. Из них больше женщин — 81,5 % (мужчин 79 %). Положительно ответили на вопрос 2,2 % респондентов («скорее одобряю» и «полностью одобряю»). Среди них 3,4 % мужчин и всего 1,2 % женщин. В настоящей работе не стоит цель изучения этического вопроса поддержки подобных группировок, при этом можно отметить высокий процент людей,

Таблица 3.6

Распределение вариантов ответов об отношении местного населения к группировкам, угрожающим мигрантам, %

Вариант ответа	Распределение варианта ответа на вопрос «Как Вы относитесь к действиям группировок (скинхедам и им подобным), которые нападают на мигрантов»		
	мужчины	женщины	всего
Совсем не одобряю	67,5	73,5	71,0
Скорее не одобряю	11,5	8,0	9,5
Ничего об этом не слышал	7,5	11,1	9,5
Мне это безразлично	7,3	3,7	5,3
Скорее одобряю	2,3	1,1	1,7
Полностью одобряю	1,1	0,1	0,5
Затрудняюсь ответить	2,7	2,5	2,6

равнодушных к проблеме. Респондентов, ответивших «ничего об этом не слышал», «мне это безразлично» и затруднились ответить 17,4 %. В целом ответы на вопрос показали отрицание большинством незаконных методов воздействия на мигрантов. Если сравнить результаты, приведенные в предыдущей таблице, то можно сказать, что поддерживает запрет на проживание мигрантов около 40 % населения, но принимать либо одобрять силовые физические действия готова лишь малая часть принимающего населения (2,2 %).

Далее был проведен анализ вопросов, связанных с отношением к мигрантам лиц, принявших на работу мигрантов. Результаты представлены в таблице 3.7.

В результате исследования можно сделать вывод, что мнения о мигрантах со стороны их работодателей в основном в пользу мигрантов.

Не отметили негативных моментов угрозы или неудобствах взаимодействия с мигрантами на бытовом и рабочем уровнях от 65 % («незнание языка») до 94 % («пропажа вещей»). К основным проблемам взаимоотношения с трудовыми мигрантами ответившие отметили «недостаточное знание языка» — 28,2 %, среди них большинство женщины (23,6 %). Следующей по значимости проблемой респонденты отметили «нечистоплотность в быту» — 14,5 %. С этой проблемой

Таблица 3.7

**Распределение ответов на вопрос об угрозах со стороны мигрантов в
мнениях лиц, принявших их на работу, %**

Вопрос	Распределение вариантов ответов								
	Да			Нет			Затрудняюсь ответить		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
Вам приходилось сталкиваться с тем, что мигранты плохо знают язык и им сложно объяснить, что нужно сделать?	33,7	23,6	28,2	65,1	75,3	70,6	1,2	1,2	1,2
Вам приходилось сталкиваться с тем, что мигранты ведут себя непредсказуемо?	8,8	9,7	9,3	88,6	89,2	89,0	2,5	1,1	1,7
Вам приходилось сталкиваться с тем, что мигранты оказались виновными в исчезновении вещей, денег, инструментов?	3,2	4,3	3,8	94,9	94,1	94,5	1,9	1,6	1,7
Вам приходилось сталкиваться с тем, что мигранты ленивы, уваливают от работы?	9,6	16,0	13,1	89,2	81,3	84,9	1,3	2,7	2,0
Вам приходилось сталкиваться с тем, что мигранты нечистоплотны в быту?	15,3	13,9	14,5	79,0	80,2	79,7	5,7	5,9	5,8
Вам приходилось сталкиваться с тем, что мигранты пьянствуют, хулиганят?	7,6	4,3	5,8	88,5	93,6	91,3	3,8	2,1	2,9

столкнулись 15,3 % женщин и 13,9 % мужчин. Еще одной проблемой — ленью, нежеланием работать — столкнулись 13,1 % респондентов, среди них большинство мужчины (16 %). Можно отметить, что наиболее весомо обозначенные вопросы взаимоотношений с мигрантами никак нельзя отнести к угрозам, рискам. Отметили наличие проблем, которые можно условно отнести к рискам, 3,8–9,3 % респондентов. Так, столкнулись с непредсказуемым поведением мигрантов 9,3 %, отметили пьянство и хулиганство мигрантов 5,8 %, пострадали от хищения 3,8 % респондентов. В целом можно сказать, что мнение, транслируемое через средства массовой информации о массовых преступлениях, воровстве и деструктивном поведении мигрантов в ответах респондентов не подтвердилось. Основные проблемы, связанные с взаимоотношениями мигрантов и лиц, нанявших их для работы, относятся к личностным, бытовым и социальным.

В результате проведенного исследования выяснилось, что в целом не одобряют как временное, так и постоянное проживание в своем городе мигрантов около 40 % населения. На уровне личностных взаимоотношений отметили риски со стороны мигрантов 4–9 % опрошенных. На основе ранее проведенных исследований можно предположить, что общее отрицательное мнение о приезжих сформировано извне, в частности средствами массовой информации, и не содержит понимания и оценки конкретных угроз со стороны мигрантов местному населению. При оценке конкретных проблем взаимоотношений мигрантов и их работодателей на первое место выходят проблемы коммуникации.

Это подтверждает ранее сформулированную гипотезу о более лояльном отношении местного населения к мигрантам на бытовом, социальном уровне. В своем работнике или соседе они скорее не видят угрозу. При этом большая часть населения в принципе против совместного проживания с мигрантами, но не поддерживает активных незаконных действий по их выдворению в страну проживания.

Таким образом, в результате исследования были выявлены следующие риски для принимающего сообщества от мигрантов:

— финансово-экономические потери, связанные с использованием ресурсов принимающей стороны без соответствующего вклада в экономику;

— потеря социально-культурной идентичности через навязывание национально-культурных ценностей мигрантов принимающему сообществу.

Снизить влияние этих рисков возможно путем изменения государственной миграционной политики, которая должна активно решать не только экономические вопросы пребывания мигрантов в стране, но проблемы социально-культурной адаптации.

3.3. «Мигрантская» преступность: учет и институциональная настройка

Увеличение миграционных потоков в принимающем сообществе вызывает разнообразные последствия. Это может быть уместное и одобряемое заполнение незанятых мест на рынке труда, рост потребления, расширение возможностей по развитию социальных сервисов и услуг (в том числе, за счет роста востребованности образования, медицины, арендного жилья и пр.). В то же время, с притоком мигрантов часто связывается усиление криминогенности принимающего сообщества.

Преступность, связанная так или иначе с мигрантами и миграцией, — традиционная тема не только для исследований, но и для политических спекуляций. Мигранты, в том числе трудовые, как правило, не обладают достаточными ресурсами, чтобы защитить свои права на принимающей территории. Такая ситуация характерна не только для Российской Федерации, но и для других стран, включенных в миграционные процессы. Например, в Германии ведутся ожесточенные споры о том, связывать ли рост преступности с ростом вынужденных переселенцев¹. В Соединенных Штатах, где миграционная тематика резко актуализирована после прихода к власти Президента Д. Трампа, в американских научных журналах регулярно появляются различные работы на эту тематику. Только в 2018 г.

¹ Проверка фактов: правда ли, что преступность в Германии растет за счет мигрантов? // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45515756>.

вышло несколько статей в так называемых индексируемых изданиях. Например, статья, посвященная приписыванию «хороших» и «плохих» качеств иммигрантам полицейскими и адвокатским сообществом¹ или практикам адаптации мигрантов к условиям отсутствия безопасных условий на новом месте жительства².

МВД России длительное время ведет учет преступлений и правонарушений, получивших статус «мигрантских». К их числу относят те, что соответствуют следующим критериям:

- совершены мигрантами;
- совершены не по месту постоянного жительства (не в стране гражданства);
- совершены в процессе миграции и/или организации миграции.

На официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации ведется регулярный статистический учет состояния преступности. Так, за период с января по сентябрь 2018 г. в стране было зафиксировано 30,4 тыс. преступлений, совершенных иностранными гражданами или лицами без гражданства, что на 3,9 % меньше, чем за аналогичный период 2017 г.³ Подавляющее число таких преступлений совершено гражданами стран СНГ (27,1 тыс.).

Мигранты и сами становятся жертвами преступлений и правонарушений. В том же документе указывается, что в стране за указанный период совершено 11,8 тыс. преступлений в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства.

Приведем некоторые примеры таких преступлений: «В Заречном 22-летний гастарбайтер из среднеазиатской республики признан виновным в убийстве. Согласно приговору

¹ Andrews A. L. Moralizing regulation: the implications of policing “good” versus “bad” immigrants // *Ethnic and Racial Studies*. 2018. Vol. 41. Iss.14. No 14 (November). P. 2485–2503.

² Vigh H. Lives opposed: perceptivity and tacticality in conflict and crime // *Social Anthropology*. 2018. Vol. 26. Iss.4. November 2018. P. 487–501.

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2018 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/14696015>.

суда, он отправится на 9 лет в колонию строгого режима. В ноябре 2016-го он работал на стройке в коттеджном поселке в Белоярском районе вместе со своим знакомым. У рабочих случился конфликт из-за денег, и гастарбайтер убил своего коллегу, как сказано в сообщении пресс-службы СУ СКР по Свердловской области, “причинив ему черепно-мозговую травму”. Тело он утопил в выгребной яме, после чего уехал в Екатеринбург, а потом и вовсе решил скрыться на родине. Но спустя несколько месяцев гастарбайтер решил вернуться на заработки в Россию — и здесь его уже ждали сотрудники СКР» (РИА «Новый день», 30.11.2018, <https://newdaynews.ru/ekb/627486.html>). 5 сентября 2018 г. на портале газеты «Комсомольская правда — Урал» было опубликовано сообщение об убийстве трех человек, в том числе двух среднеазиатских гастарбайтеров (В Екатеринбурге безногий инвалид убил мать и двух гастарбайтеров. // Комсомольская правда — Урал, 05.09.2018, <https://www.ural.kp.ru/online/news/136421>). Указанные преступления носят бытовой характер и их «мигрантскость» определяется тем обстоятельством, что их совершили или стали жертвами иностранные граждане. Однако интерес представляют те преступления и правонарушения, которых возможно избежать путем институциональной надстройки, изменения политики в области легализации мигрантов и их включения в принимающее сообщество.

В аналитической сводке Главного информационно-аналитического центра МВД РФ о состоянии преступности за январь — декабрь 2017 г. размещена таблица¹, в которой сгруппированы годовые показатели (табл. 3.8).

Как показывают данные представленной таблицы, иностранцы значительно реже становятся жертвами преступлений, чем инициируют и совершают их. Но это данные официальной статистики. По свидетельствам представителей некоммерческих организаций, занимающихся поддержкой мигрантов, экспертного сообщества, мигранты не

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987/> (дата доступа 25.11.2018).

Таблица 3.8

Преступления, связанные с иностранными гражданами и лицами без гражданства

Вид преступления	Всего	+/-, %	Удельный вес от общего числа преступлений, %
Совершенные иностранными гражданами или лицами без гражданства	41047	-6,6	3,7*
в том числе, гражданами стран СНГ	36233	-5,9	3,2*
Совершенные в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства	14679	-6,3	0,7**

* от числа расследованных преступлений.

** от числа зарегистрированных преступлений.

всегда обращаются в правоохранительные органы для фиксации преступлений, а зачастую это связывается с тем обстоятельством, что они не имеют необходимых и достаточных правовых оснований для легального нахождения на территории Российской Федерации. Так, по оценке П.Н. Кобеца, число неучтенных преступлений мигрантов превышает число учтенных в 2,5–3 раза¹.

В приведенной ниже таблице (табл. 3.9) представлены официальные данные о преступлениях, связанных с иностранными гражданами и лицами без гражданства в период с 2008 г. по 2017 г., то есть за 10 лет наблюдений².

Представленные данные позволяют увидеть заметную тенденцию сокращения общего числа преступлений, совершенных иностранными гражданами, в том числе стран СНГ или лицами без гражданства.

Можно разделить объяснения этого факта на два вида. Во-первых, объяснения институционального характера,

¹ Кобец П. Н. Миграционное законодательство России: практика применения и проблемы совершенствования // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 10.

² Министерства внутренних дел Российской Федерации. Раздел «Статистика и аналитика. Состояние преступности. Архивные данные» [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762>, (дата доступа 25.11.2018).

Таблица 3.9

Число преступлений, связанных с иностранными гражданами и лицами без гражданства с период с 2008 г. по 2017 г.

Вид преступления	Кол-во преступлений по годам					
	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Совершенные иностранными гражданами или лицами без гражданства	53 876	57 955	48 992	44 956	42 650	46 984
в том числе, гражданами стран СНГ	48 801	53 076	44 596	40 499	37 319	40 295
Совершенные в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства	15 210	14 919	12 425	11 440	12 444	13 214
	2014	2015	2016	2017	Всего	
Совершенные иностранными гражданами или лицами без гражданства	45 538	48 210	43 933	41 047	474 141	
в том числе, гражданами стран СНГ	39 438	42 070	38 501	36 233	420 828	
Совершенные в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства	17 309	17 289	15 660	14 679	144 589	

связанные с изменением законодательства в Российской Федерации. Во-вторых, объяснения практического характера, оперирующие выработкой устойчивых моделей взаимодействия принимающего сообщества и мигрантских сообществ, а также созданием правил мультикультурного общежития, своеобразного «опривычивания» миграции и мигрантов в принимающем сообществе, о чем свидетельствуют данные исследований. Инструментами создания таких правил можно назвать коррекцию публичных медиадискурсов миграции, целенаправленную политику снижения ксенофобских настроений в системообразующих СМИ (например, запрет на разглашение этнической принадлежности подозреваемых и пр.)¹.

¹ Примером такого анализа медиадискурса, но в странах Европейского Союза, можно рассматривать статью Александра Кавидеса (Caviedes A. The migration-crime nexus and the press in France, Germany, and the United Kingdom // Migration Letters. Vol. 15. Iss. 2. April 2018. P. 167–181

Мы рассмотрим более детально проблематику легализации мигрантов на территории принимающего сообщества. Поделимся некоторыми соображениями по этому поводу. Как пишет Пол Коллиер, любые ограничения неизбежно влекут за собой их нарушение, следовательно, те, кто не попал по каким-то причинам под учет государственного контроля, оказываются на нелегальном положении и имеют возрастающие шансы включиться в теневой экономический сектор или даже в организованную преступность¹. Получение легального статуса для нахождения и работы в стране требует от человека определенных усилий, в том числе финансовых затрат (приобретение патента, расходы на приобретение медицинского полиса и пр.).

Политические и государственные власти в этой ситуации сталкиваются с двумя противоположными дискурсивными потоками. С одной стороны, постоянные рассуждения о недостаточности внутренних демографических ресурсов для заполнения рынка труда. С другой стороны, недовольство местного населения и радикализация протестных и ксенофобских настроений в принимающем сообществе, вызванные притоком иностранных граждан. В этой ситуации анализ существующего порядка легализации мигрантов приобретает особое значение и политическое звучание. В стране отсутствует публичная развернутая дискуссия о мигрантах, политике их привлечения (или выдавливания), адаптации и интеграции. 31 октября 2018 г. Президент РФ подписал Указ об утверждении новой миграционной политики², в котором фиксируется необходимость создания комфортных условий для переселения, но в то же время, за последнее время введено в действие уголовное преследование за фиктивную постановку иностранных граждан на учет, за пересечение иностранными гражданами границы (в случае, если им запрещен въезд в страну). Одновременно введена ответственность принимающей стороны за неисполнение обязанностей по матери-

¹ Коллиер П. Исход. Как миграция изменяет наш мир. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 364.

² «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», Указ. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986>.

альному, медицинскому и жилищному обеспечению приглашенных иностранных граждан, за предоставление заведомо ложных сведений о цели их въезда в Российскую Федерацию при оформлении документов на въезд. Кроме того, в стране разрастается практика депортаций иностранных граждан. Все это направлено на то, чтобы сделать трансграничные перемещения более прозрачными и подконтрольными.

Но сложности с получением и поддержанием легального статуса зачастую оказываются более «весомыми», чем нахождение на нелегальном положении. Тут мы имеем дело с политическим выбором¹. Либо укреплять границы, усиливать контроль над перемещениями иностранных граждан и, таким образом, выводить некоторую их часть за пределы легального поля. Либо ослабить контроль и отказываться от уголовного преследования иностранных граждан за правонарушения, связанные с легализацией на принимающей территории, но это чревато радикализацией настроений местного сообщества.

На примере Свердловской области мы подробнее рассмотрим общую логику криминализации статуса иностранных граждан (мигрантов) и лиц без гражданства. Эта логика включает три ключевых элемента. Во-первых, деятельность по выявлению (институциональный контроль со стороны уполномоченных государственных органов). Во-вторых, выявленные в ходе реализации контроля правонарушения (результаты деятельности уполномоченных органов). В-третьих, выдворение иностранных граждан за пределы Российской Федерации.

Согласно данным, предоставленным ГУ МВД России по Свердловской области, за исследуемый период было

¹ Страны Западной и Центральной Европы столкнулись несколько лет назад с ростом потока мигрантов. Этот процесс вызвал активизацию политических сил правого спектра. Анализ этих процессов можно найти, например, в статье Мишель Фалкенбах и Скота Гриа (см. Falkenbach M., Greer S.L. Political parties matter: The impact of the populist radical right on health // *European Journal of Public Health*. 2018. Vol. 28. 1 Novem. P. 15–18) или Марии Тирберг и Карла Дарстрёма (Tyrberg M., Dahlström C. Policy Effects of Anti-Immigrant Party Representation on Aid to Vulnerable European Union/European Economic Area Citizens // *Political Studies*. 2018. Vol. 66. Iss. 1 (1 Februar). P. 3–22.

Таблица 3.10

Число оперативно-профилактических мероприятий по выявлению фактов нарушения миграционного законодательства в Свердловской области, 2008–2017 гг.

Показатель	Число оперативно-профилактических мероприятий по годам					
	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Число мероприятий	3640	6053	8668	9008	5497	4172
	2014	2015	2016	2017	Всего	
Число мероприятий	3048	2964	2484	1902	47 436	

проведено в общей сложности 47 436 оперативно-профилактических мероприятий, в период с 2008 г. по 2011 г. наблюдался устойчивый рост, а после — такое же устойчивое снижение (табл. 3.10, рис. 3.5). Стабильность этого тренда позволяет говорить об изменении общей политики правоохранительных органов, и, в более общем контексте, государства по отношению к криминализации миграционной тематики.

В 2011 г. наблюдаются пиковые значения количества проведенных оперативно-профилактических мероприятий, после заметно достаточно резкое падение. Такая динамика объясняется изменением институциональных настроек

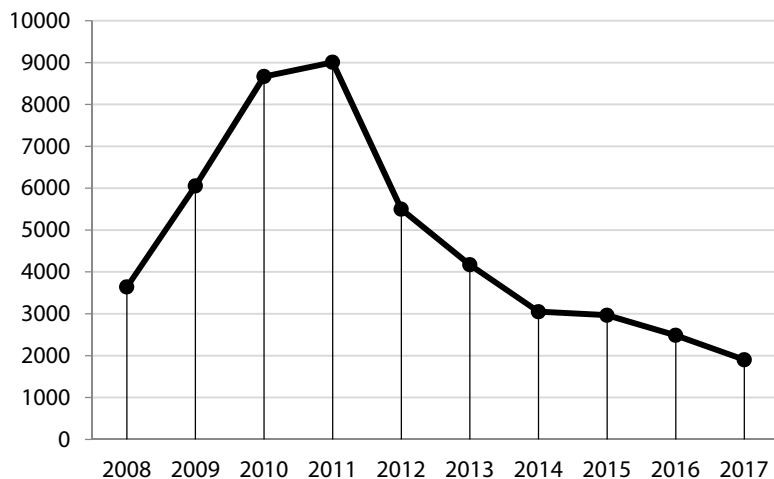

Рис. 3.5. Число оперативно-профилактических мероприятий по выявлению фактов нарушения миграционного законодательства в Свердловской области в 2008–2017 гг.

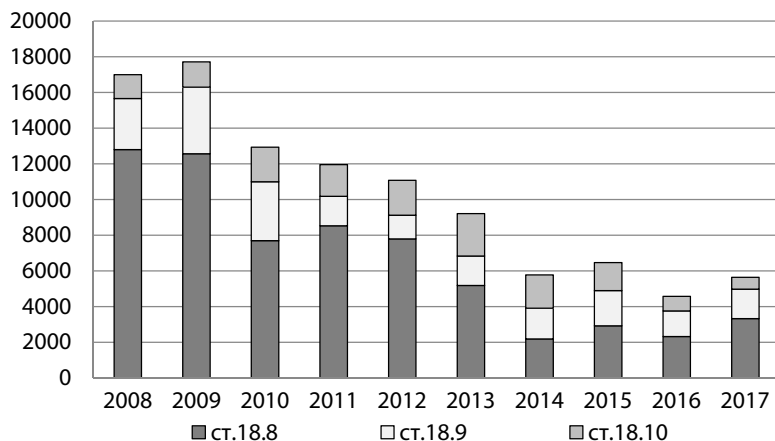

Рис. 3.6. Выявленные правонарушения по ст. 18.8, 18.9 и 18.10 в период 2008–2017 гг.

системы миграционного учета (изменение статьи 23 ФЗ от 18 июля 2008 № 109 «О миграционном учете иностранных граждан»).

В 2016 г. к Договору о Евразийском экономическом союзе присоединились Республика Армения и Республика Киргизия. В результате снизилось число оформленных протоколов за допущенные правонарушения. Таким образом, изменение политики в области миграционного контроля, соответственно, институциональной настройки системы регулирования миграции ведет к снижению правонарушений.

В ходе указанных мероприятий в Свердловской области было выявлено в общей сложности 102 335 правонарушений по трем статьям Кодекса об административных правонарушениях (КоАП РФ):

- статья 18.8. Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации;

- статья 18.9. Нарушение правил пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства;

- статья 18.10. Незаконное осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации.

Самый большой вклад в данную статистику вносит статья 18.8, в общей сложности более половины всех правонарушений описываются ее составом (рис. 3.6).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что общая численность правонарушений снижалась на протяжении 2009–2014 гг., а затем стабилизировалась и держится приблизительно на одном уровне (2015–2017 гг.).

Сопоставление данных о реализованных оперативных мероприятиях и выявленных правонарушениях позволяет говорить о совпадении тенденций снижения и того и другого. То есть тенденция снижения проведенных мероприятий сопровождается тенденцией снижения выявляемых правонарушений.

Существенным риском нарушения миграционного порядка для иностранных граждан является выдворение за пределы Российской Федерации. Статистические данные ГУ МВД России по Свердловской области. В период с 2008 по 2017 гг. по решениям судов было выдворено 4746 иностранных граждан (табл. 3.11, рис. 3.7).

Кривая показателей выдворения за пределы Российской Федерации выглядит самой спорадичной, подверженной случайным колебаниям, тем более, если учесть факт неравенства числа принятых судебных решений и фактических случаев выдворения. Существует множество причин для депортации, в том числе связанных с потерей легального статуса (окончание

Таблица 3.11

Число выдворенных с территории Российской Федерации иностранных граждан (данные по Свердловской области) в 2008–2017 гг., чел.

Показатель	Число выдворенных с территории Российской Федерации по годам					
	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Число выдворенных	268	615	559	367	304	762
	2014	2015	2016	2017	Всего	
Число выдворенных	536	646*	340**	349***	4746	

* судами РФ были приняты 938 решений об административном выдворении, но исполнено только 646;

** судами РФ было принято 375 решений об административном выдворении, но исполнено только 340;

*** судами РФ было принято 382 решения об административном выдворении, но исполнено 406.

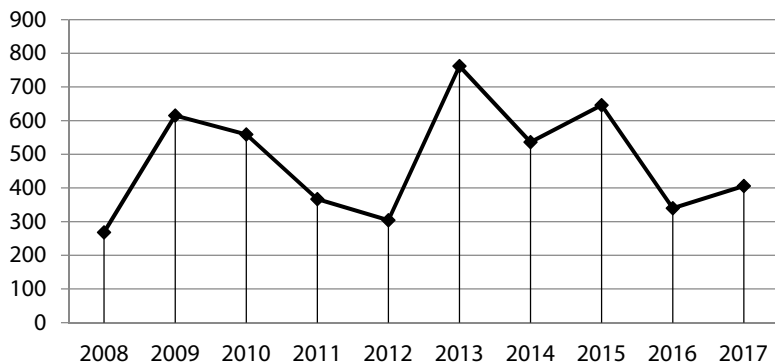

Рис. 3.7. Число выдворенных с территории Российской Федерации иностранных граждан (данные по Свердловской области), чел.

срока легального пребывания и т. п.). Сама по себе процедура депортации может осуществляться за счет иностранного гражданина, за счет общественных организаций и др. После депортации (административного выдворения), как правило, налагается запрет на въезд в Российскую Федерацию. На официальном сайте Министерства внутренних дел существует даже справочный сервис, с помощью которого можно определить, существует ли какое-либо ограничение на въезд.

В современном российском обществе существует множество самых разнообразных проблем. Одна из них — дискуссия о необходимости усиления или ослабления институционального контроля над трансграничными мигрантами. Предметом этой дискуссии является учет их правонарушений и преступлений. Существующая система учета данных, по мнению экспертов, не в полной мере отражает указанную ситуацию. Это, в свою очередь, становится материалом для спекуляций при конструировании медиадискурса миграции, который в дальнейшем задает тон общественным настроениям, в том числе и по отношению к мигрантам.

Институциональная настройка миграционной политики, характерная для России 2010-х годов, находит свое отражение в изменении ключевых показателей преступности и правонарушений, в том числе и на территории Свердловской области.

ГЛАВА 4. ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИИ

4.1. Государственные программы развития и реализации миграционной политики в Российской Федерации

В условиях роста и углубления глобализации миграционная политика является важным элементом деятельности как государств-реципиентов, так и государств — доноров трудовых ресурсов. Россия, занимающая одновременно позиции и донора, и реципиента трудовой миграции, заинтересована в формировании миграционной политики, предотвращающей неэквивалентный обмен трудовыми ресурсами с зарубежными странами. В связи с чем на повестке дня стоит вопрос повышения привлекательности страны в условиях роста международной конкуренции за человеческий капитал.

В соответствии с Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, миграционная политика в Российской Федерации направлена на создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода¹.

Среди большого количества инструментов проведения миграционной политики следует выделить государственные программы — документы стратегического планирования,

¹ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы Консультант плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=310139&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.5692780540931557#0623953102773431>.

содержащие комплекс планируемых мероприятий, взаимосвязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, обеспечивающие в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.¹ С принятием в 2014 г. Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»² они становятся ключевым инструментом стратегического планирования в Российской Федерации, в том числе в сфере миграции.

Под программным подходом следует понимать «совокупность связанных с разработкой, реализацией контролем исполнения государственных программ концепций и практических рекомендаций»³. Программный подход позволяет сформировать не только долгосрочные приоритетные цели миграционной политики, но и выбор методов их достижения в рамках национального правового поля и институциональных ограничений. Достоинствами данного подхода являются измеримость целей, то есть возможность оценить степень достижения конечных результатов принимаемых решений, возможность определить, способствовали ли затраченные на государственную программу средства достижению долгосрочных целей развития государства⁴, измеримость мультипликативного эффекта, распространяющегося эффекта из одного

¹ Государственные программы // Портал госпрограмм РФ. [Электронный ресурс]. URL : <http://programs.gov.ru/Portal/programs/whatIs>.

² О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон № 172-ФЗ от 28.06.2014. Ред. от 31.12.2017. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы Консультант плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=8702067140009557418567869624&cacheid=DEC5E443A9F7DEAAC0D0CC621DCDE7C3&mode=spl&us&base=LAW&n=287039&rnd=0.5692780540931557#06886531268277614>.

³ Воронков А. А. Методы анализа и оценки государственных программ в США. М.: Наука, 1986. С. 26.

⁴ Шаш Н. Н., Бородин А. И. Повышение эффективности управления государственными программами: федеральный и региональный аспекты // Вестник Удмуртского университета. 2014. № 4. С. 96–106. С. 98. (Экономика и право).

сектора экономики на остальные сектора¹, создание основы для принятия управленческих решений всеми субъектами и балансировка интересов участников системы², сконцентрированность на достижении стратегических целей всех имеющихся ресурсов, организация эффективного контроля и мотивация всех участников процесса³.

Можно отметить, что в общепринятом смысле государственные программы в сфере миграции рассматриваются как механизмы реализации государственной миграционной политики на основе принципов результативного и эффективного управления, поскольку позволяют интегрировать деятельность различных органов государственной власти, занимающихся вопросами регулирования миграционных процессов на национальном и глобальном уровне.

Среди направлений программно-целевого управления, зафиксированных на официальном сайте Государственных программ⁴ лишь два включают разделы, посвященные миграционным процессам: «Новое качество жизни» и «Инновационное развитие и модернизация экономики». Под направлением «Новое качество жизни» подразумевается политика, направленная на интеграцию мигрантов. Под направлением «Инновационное развитие и модернизация экономики» — политика укрепления позиций страны в интеграционных процессах (табл. 4.1, 4.2).

¹ Лапин А.Е., Ломовцева Н. Н., Илехменев В.А. Оценка эффективности реализации государственных программ. Американская и российская практика // Информатика. 2013. № 7 (150). Вып. 26(1). С. 80–86. (История. Политология. Экономика).

² Митерев М. А. Программно-целевые методы планирования как инструмент государственного управления развитием социально-экономических систем // Труды МЭЛИ. Электронный журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-magazine.meli.ru>.

³ Шичих Р. А., Медведева А. В. Теоретико-методологические основы программно-целевого управления региональными социально-экономическими системами // Научный журнал КубГАУ, 2013, № 93(09) [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/09/pdf/90.pdf>.

⁴ Государственные программы // Портал госпрограмм РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://programs.gov.ru/Portal/programs/what/ls>.

Таблица 4.1

Направления госпрограмм «Новое качество жизни»

Цель	Задачи	Мероприятия	Ожидаемые результаты	Индикаторы
1. Государственная программа «Реализация государственной национальной политики Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 № 1532				
1.1. Подпрограмма «Государственно-общественное партнерство в сфере государственной национальной политики Российской Федерации», Федеральное агентство по делам национальностей				
Гармонизация национальных и межэтнических (межэтнических) отношений.	Повышение эффективности взаимодействия органов государственной власти с национально-культурными автономиями и иными институтами гражданского общества	Обеспечение эффективности взаимодействия органов власти с институтами гражданского общества	Создание эффективной системы взаимодействия органов власти с национально-культурными автономиями и иными институтами гражданского общества	Доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общей численности граждан Российской Федерации.
1.2. Подпрограмма «Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в Российской Федерации», Федеральное агентство по делам национальностей				
Успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов	Обеспечение бесконфликтной и эффективной социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество	1. Содействие развитию и реализации адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество.	Созданы условия для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество	1. Доля граждан, не испытывающих негативного отношения к мигрантам, в общей численности граждан Российской Федерации.

Цель	Задачи	Мероприятия	Ожидаемые результаты	Индикаторы
		<p>2. Проведение мероприятий, направленных на выявление во-просов и выработку эффективных решений и направлений деятельности по со-циальной и культур-ной адаптации и ин-теграции мигрантов.</p> <p>3. Привлечение средств массовой ин-формации к форми-рованию положитель-ного образа мигранта, популяризация ле-гального труда ми-грантов и улучшение восприятия образа мигранта в россий-ском обществе.</p>		<p>2. Доля иностран-ных граждан, успеш-но сдавших экзамен по русскому язы-ку, истории России и основам законода-тельства Российской Федерации, в общем количестве иностран-ных граждан, сдавав-ших экзамен.</p> <p>3. Количество участ-ников мероприятий, направленных на со-циальную и культур-ную адаптацию и ин-теграцию мигрантов, в отчетном году.</p>

Продолжение табл. на след. стр.

Продолжение табл. 4.1

Цель	Задачи	Мероприятия	Ожидаемые результаты	Индикаторы
		4. Создание интернет-ресурса, посвященного вопросам социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов		
<i>1.3. Подпрограмма «Профилактика экстремизма на национальной и религиозной почве»</i>				
Гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений	Снижение конфликтных ситуаций в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений	1. Мониторинг состояния межнациональных и этноконфессиональных отношений. 2. Реализация мер по профилактике и предупреждению попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды	1. Совершенствование системы мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций. 2. Реализация профилактических мер по предотвращению распространения ксенофобии	1. Доля конфликтных ситуаций в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений, вышедших на уровень Российской Федерации, в общем числе конфликтных ситуаций, выявленных системой мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций.

Цель	Задачи	Мероприятия	Ожидаемые результаты	Индикаторы
				<p>2. Доля граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам национальности, языка, религии, в общем количестве опрошенных граждан.</p> <p>3. Доля конфликтов, выявленных системой мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений, в общем числе конфликтов в сфере межнациональных и этноконфессиональных</p>

Продолжение табл. на след. стр.

Продолжение табл. 4.1

Цель	Задачи	Мероприятия	Ожидаемые результаты	Индикаторы
				отношений, выявленных в Российской Федерации.
2. Государственная программа «Содействие занятости населения», Постановление Правительства Российской Федерации от 30.03.2018 № 363				
2.1. Подпрограмма «Активная политика занятости населения и социальная поддержка безработных граждан», Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации				
Создание правовых, экономических и институциональных условий, способствующих эффективному развитию рынка труда	Повышение эффективности регулирования процессов использования трудовых ресурсов и обеспечение защиты трудовых прав граждан	Защита национального рынка труда от избыточного привлечения иностранной рабочей силы	Обеспечение приоритетного права на трудоустройство граждан Российской Федерации	Доля привлекаемых иностранных работников в численности рабочей силы (экономически активного населения)
3. Государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», Постановление Правительства Российской Федерации от 30.03.2018 № 366-13				
3.1. Подпрограмма «Реализация полномочий в сфере внутренних дел», Министерство внутренних дел Российской Федерации				
Создание условий, способствующих эффективному развитию миграционных процессов	Повышение эффективности реализации полномочий, законодательно возложенных на органы	Оперативность служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации	Повышение эффективности федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции	Отношение количества выявленных фактов незаконного привлечения к трудовой деятельности

Цель	Задачи	Мероприятия	Ожидаемые результаты	Индикаторы
	внутренних дел Российской Федерации			иностранных работников к количеству выявленных фактов незаконного осуществления трудовой деятельности иностран-ными гражданами и лицами без гражданства
3.2. Подпрограмма «Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»				
Создание условий, способствующих эффективному развитию миграционных процессов	Повышение эффективности реализации полномочий, законодательно возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации.	Реализация государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом	1. Увеличение численности соотечественников, переехавших в Российскую Федерацию на постоянное место жительства. 2. Выполнение обязательств Российской Федерации в отношении соотечественников,	1. Уровень вовлеченности субъектов Российской Федерации в реализацию государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом

Окончание табл. на след. стр.

Окончание табл. 4.1

Цель	Задачи	Мероприятия	Ожидаемые результаты	Индикаторы
			переселяющихся на постоянное место жительства в Российскую Федерацию на условиях, предусмотренных государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членов их семей, прибывших в российскую федерацию и соотечественников, проживающих за рубежом	2. Численность участников государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членов их семей, прибывших в российскую федерацию и соотечественников, проживающих за рубежом в территориальных органах МВД России (нарастающим итогом)

Таблица 4.2

Направление «Инновационное развитие и модернизация экономики» в Государственной программе Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 (Подпрограмма 1.1 «Совершенствование системы государственного стратегического управления»)

Цель	Задачи	Мероприятия	Ожидаемые результаты	Индикаторы
Разработка, построение и функционирование комплексной системы государственного стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации	Формирование и совершенствование государственной политики, методов и инструментов государственного управления в социальной сфере и секторах экономики Российской Федерации	Разработка предложений по совершенствованию и участие в реализации государственной политики в социальной сфере	1. Экспертиза нормативных правовых актов и подготовка предложений по вопросам формирования и реализации государственной политики в сфере демографии и миграции, рынка труда. 2. Организация и проведение комплексного наблюдения условий жизни населения, а также выборочных наблюдений: содействия занятости населения, использования труда мигрантов	Количество индикаторов хода реализации приоритетных национальных проектов, формируемых по итогам выборочных наблюдений домашних хозяйств (населения) по социально-демографическим проблемам, по отношению к 2012 г.

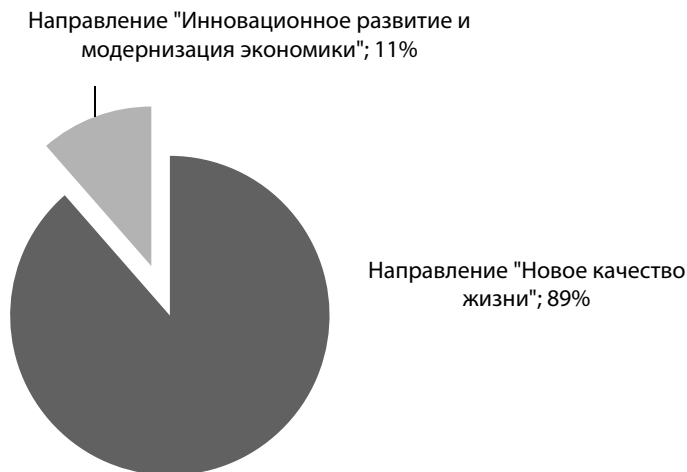

Рис. 4.1. *Выполнение целей, задач, мероприятий и индикаторов развития миграционной политики в рамках двух основных направлений госпрограмм, %*

В ходе исследования были выявлены особенности программного подхода, реализуемого в области миграционной политики в Российской Федерации.

Большинство программ (подпрограмм), анализируемых в части реализации миграционной политики, во-первых, составляют программы (подпрограммы) направления «Новое качество жизни» (рис. 4.1), во-вторых, направлены на решение задач по содействию адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом

Объективная оценка реализации программ в настоящих условиях является затруднительной, так как для нее предложены новые мало апробированные показатели, причем большинство из них субъективны, так как могут быть получены только в результате проведения социологических опросов.

Попробуем оценить результативность некоторых рассматриваемых программ (подпрограмм) в области миграционной политики в России в 2017 г.

Показателем оценки Подпрограммы «Государственно-общественное партнерство в сфере государственной национальной политики Российской Федерации» (Государственная

программа «Реализация государственной национальной политики») является «доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общей численности граждан Российской Федерации». Данный показатель, судя по социологическим опросам, оказался невыполненным — 78,9 %, при запланированном 79,5 %. Однако следует заметить, что в подавляющем большинстве регионов фактическое значение последнего показателя превышает 80 %. Значительное отставание фактического показателя от планового выявлено в наиболее крупных и многочисленных регионах России: Москва и Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская, Ростовская и Свердловская области и т. п. Эксперты объясняют это тем, что мегаполисы и прилегающие территории испытывают определенное миграционное давление, в них сохраняется террористическая угроза, что отражается на настроениях местных жителей.¹

Показатели реализации мероприятий в рамках подпрограммы «Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в Российской Федерации» (Государственная программа «Реализация государственной национальной политики») можно признать достигнутыми. Так, доля граждан, не испытывающих негативного отношения к мигрантам, в общей численности граждан Российской Федерации составила 62 %, что в точности соответствует плану; доля граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам национальности, языка, религии, в общем количестве опрошенных граждан — 93 % (план — 85 %).

В соответствии с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов», а также в связи с упразднением Федеральной миграционной службы и передачей ее функций МВД России, с 2017 г. подпрограммы «Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» и «Внешняя трудовая миграция» перенесены в

¹ Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/info/33538>.

госпрограмму «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»¹.

Одновременно произошло и сокращение числа показателей, используемых для оценки результативности реализуемых программных мероприятий. Так, если в подпрограмме «Внешняя трудовая миграция» было заявлено 11 показателей, то в государственной программе «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» представлен только один показатель — «отношение количества выявленных фактов незаконного привлечения к трудовой деятельности иностранных работников к количеству выявленных фактов незаконного осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами и лицами без гражданства».

Особое внимание в последнее время уделяется выполнению программы «Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников». Из Указа «О концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 годы» следует, что свыше миллиона человек приняли гражданство России в 2012–2017 гг., из них 525 тысяч — по программе «Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников». Однако оценить результативность реализации мероприятий подпрограммы «Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» также довольно проблематично ввиду сокращения контрольных показателей. Ранее в рамках данной подпрограммы оценивалось четыре показателя:

- 1) количество субъектов Российской Федерации, вовлеченных в реализацию государственной программы;
- 2) количество заявлений, принятых от соотечественников, желающих участвовать в государственной программе;

¹ О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов. Федеральный закон от 05.12.2017 № 362-ФЗ. Ред. от 29.11.2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы Консультант плюс URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=8702067140009557418567869624&cacheid=4E4120C5D2C3CFF187F0B7706DEA4E03&mode=splus&base=LAW&n=312690&rnd=0.5692780540931557#05539784393182543>.

3) количество первично выданных свидетельств участника государственной программы;

4) численность участников государственной программы и членов их семей, прибывших в Российскую Федерацию и поставленных на учет в территориальных органах ФМС России.

Теперь оценке подлежат лишь два показателя:

1) уровень вовлеченности субъектов Российской Федерации в реализацию государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом;

2) численность участников государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членов их семей, прибывших в Российскую Федерацию и поставленных на учет в территориальных органах МВД России (нарастающим итогом).

Таким образом, анализ государственных программ как основного инструментария развития и реализации миграционной политики в Российской Федерации показал, что большинство мероприятий государственных программ сконцентрированы на реализации основных направлений миграционной политики в области создания условий для интеграции и адаптации иностранных граждан. Важность данного направления связана с необходимостью принятия мер, препятствующих возникновению пространственной сегрегации, формированию этнических анклавов и маргинализации находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан¹.

Оценка реализации программного подхода показала, что, во-первых, среди показателей оценки результативности программных мероприятий преобладают субъективные показатели, получение которых требует проведение социологических опросов, во-вторых, количество оценочных показателей после передачи функций по проведению миграционной политики в

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986>.

России от Федеральной миграционной службы МВД России резко сократилось.

Адекватная оценка реализации миграционной политики требует разработку индикаторов, позволяющих комплексно оценить различные стороны миграции с использованием показателей не только социологических исследований, но и, в значительной степени, данных официальной статистики.

4.2. Роль миграционной политики России в формировании человеческого капитала

В 2017 г. Россия вступила в новую фазу депопуляции населения, которая не компенсируется миграционным приростом, в связи с чем происходит убыль населения. Во время предыдущей фазы (1992–2013 гг.) депопуляция населения, называемая в научной литературе «русский крест», сопровождалась ростом численности лиц экономически активных возрастов, что в целом сглаживало в экономике негативный демографический эффект. С 2011 г. вследствие выхода на российский рынок труда малочисленного поколения 1990-х гг., началось стремительное сокращение трудового потенциала. При этом резерв привлечения на рынок труда лиц пенсионного возраста, несмотря на проводимую в стране пенсионную реформу, направленную на увеличение возраста выхода на пенсию, практически исчерпан. Еще до объявления пенсионной реформы значительная часть лиц старших возрастов (женщин после 55 лет и мужчин после 60 лет) была активно задействована на рынке труда, ввиду низкого размера пенсии.

В связи с чем, важную роль играет конкуренция на мировом рынке труда за миграционные ресурсы. При этом важным аспектом миграционной политики России являются качественные характеристики привлекаемого в Россию человеческого капитала. Однако Россия в этой конкуренции проигрывает США, Канаде, Австралии, странам Западной Европы и другим государствам, имеющим более высокий уровень жизни населения, а значит, и лучшие условия занятости. К примеру, в большинстве стран Европы образовательный уровень иммигрантов до наступления миграционного кризиса был значительно выше, чем у автохтонного населения. Страны Запада

смогли создать механизмы привлечения наиболее высококвалифицированных специалистов, ученых исследователей. Ряд европейских государств особо поддерживает иностранных студентов, получающих образование по техническим дисциплинам, проводя политику их привлечения и трудоустройства на национальные компании и компании, представляющие интересы их стран.

В России наблюдается иная ситуация. Уровень образования мигрантов, массово прибывающих из стран — бывших республик Советского Союза в Россию, только первой «этнической» волны, имеющей место до 2004 г., был идентичен уровню образования автохтонного населения Российской Федерации. В период «этнической волны миграции» крупные города бывших Советских Республик порой покидали целые научно-исследовательские институты. Позже уровень образования и квалификации миграционных потоков в Россию значительно ухудшилось. В период межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве и гражданской войны в Таджикистане 1992–1997 гг. в Россию въехала значительная группа мигрантов, не успевших получить профессиональное образование, а порой и окончить среднюю школу. Следует также учитывать и тот факт, что современная миграция из стран Средней Азии несет на себе след «индустриализации», то есть значительный поток мигрантов прибывает из сельской местности и небольших населенных пунктов, где также нет возможности получить качественное профессиональное образование. Низкий уровень экономического развития регионов стран — доноров рабочей силы в Россию ведет к активному использованию детского труда, что также негативно сказывается на уровне образования населения в этих странах.

Таким образом, уровень образования основной части мигрантов из зарубежных стран в Россию не соответствует заявленному курсу на инновационное развитие, создание цифровой экономики, строительство «умных городов» и ориентацию на производство товаров с высокой добавленной стоимостью. Несмотря на рост академической миграции, которая призвана в какой-то мере сгладить проблему качества миграционных ресурсов в России, в настоящее время в силу массовой

миграции в ряде так называемых мигрантских отраслей экономики произошел процесс замещения высококвалифицированных кадров на низкоквалифицированные.

В этих условиях актуальность приобретают вопросы изучения миграционного потенциала основных стран — доноров трудовых ресурсов в Российскую Федерацию. Под миграционным потенциалом подразумевается часть населения страны, или стран, которая при определенных сложившихся условиях способна и имеет желание переехать в другую страну с целью временного трудоустройства, получения образования или на постоянное место жительства. Численность данной части населения определяется демографическими показателями и зависит от конкретных социально-экономических условий, формирующих миграционные установки.

Реализация миграционного потенциала может оказать положительное влияние на развитие принимающей территории, привести к качественным изменениям в демографии и социальном устройстве через формирование новой этнической структуры (или подструктуры) общества.

Термин «миграционный потенциал» начал активно использоваться применительно к внешней миграции в 90-е гг. XX в. в работах исследователей, изучающих миграционные процессы на постсоветском пространстве. Применительно к России, как к стране-реципиенту в период, пока миграция носила преимущественно этнический характер (первая волна), его толковали очень узко, подразумевая только русское население¹ или совокупность населения, в основе формирования которой лежит либо этнический признак в чистом виде, либо в комбинации с языковым, либо геополитический в сочетании с этническим (Л.Л. Рыбаковский²). Позже стали отходить от этнического наполнения, заменив его установкой к миграции («тяготеющий к России» — В.И. Мукомель³). Еще более широ-

¹ Tigui A. De. *Refugies en Russi, Reflet d'un monde en desarroi* // *Hommes et migrations*, 1996.

² Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал. Понятие и критерии оценки // *Социологические исследования*. 2009. № 2. С. 29–36.

³ Мукомель В. И. Миграционный потенциал и перспективы иммиграции соотечественников из государств СНГ и Балтии // *Этнопанорама*. 2001.

кое толкование данного понятия предложили О.Д. Воробьева и А.В. Топилина, определив миграционный потенциал через совокупность населения, которое имеет возможность выехать из страны проживания под воздействием факторов выталкивания и притяжения.¹ С точки зрения А.Г. Гришановой и Н.И. Кожевниковой, теоретически термин «миграционный потенциал» можно применить ко всему населению стран нового зарубежья.²

Привязка «миграционного потенциала» к принимающей территории придает большую определенность данной абстрактной категории. Так, Л.Л. Рыбаковский отмечает, что состояние миграционного потенциала «зависит не только от возможностей стран-доноров, но и от необходимых масштабов и предпочтительной структуры мигрантов для страны-реципиента, а также допустимых условий их приема».³ Как справедливо заметил В.И. Мукомель, «миграционный потенциал, как некая возможность миграционной активности населения, и его реализация в миграционном поведении населения могут разительно отличаться: между стремлением выехать из страны и возможностью его реализации огромная дистанция»⁴.

Однако миграционный потенциал остается одной из существенных характеристик миграционной системы, формирующейся вокруг страны-реципиента с учетом географического положения, исторического опыта и экономического взаимодействия, и характеризующейся наличием устойчивых миграционных потоков. Данный подход к характеристике миграционной системы предложен в 1990-х гг.

№ 3. С. 47–59 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indem.ru/PUBLICATION/mukomel/Potenmig.htm>.

¹ Миграция населения. Теория и практика / под ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. М.: Экономическое образование, 2012.

² Гришанова А. Г., Кожевникова Н. И. Миграционный потенциал. Теоретические аспекты // Народонаселение. 2016. Т. 1. № 1 (71–1). С. 42–51.

³ Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал. Критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 23–34.

⁴ Мукомель В. И. Кто придет в Россию из ближнего зарубежья? // Демоскоп Weekly. 2001. № 37–38. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/037/tema02.php>.

XX в. М. Критцем, Л. Лимом, Х. Злотником.¹ В роли цементирующего звена миграционных систем выступают иммигрантские сети, особенно быстро складывающиеся среди выходцев из стран с традиционным укладом и служащие важнейшим условием реализации миграционного потенциала.

Идея использования миграционного потенциала зарубежных стран заложена в государственных программах по привлечению «соотечественников». В России это государственная программа «По оказанию содействия добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию, проживающих за рубежом», которая была принята в июне 2006 г. (далее — программа «Соотечественники»). Данная программа предоставляет возможность лицам с российскими корнями и разделяющим российские культурные ценности возвратиться на историческую родину, принять гражданство Российской Федерации по упрощенной схеме, получить социальную помощь, привилегии и льготы.

В настоящее время делается акцент на расширение регионального участия в данной программе. Участники государственной программы по переселению имеют возможность выбрать территорию вселения в связи с предоставляемыми условиями проживания, социальной поддержкой, гарантиями в рамках региональных программ². Среди регионов — участников государственной программы можно выделить 8 субъектов Российской Федерации:

1. Дальневосточный федеральный округ:

Амурская область (до 2020 г.);

Сахалинская область;

Хабаровский край;

Магаданская область (до 2020 г.);

Приморский край.

2. Сибирский федеральный округ:

¹ Kritz M., Lim L., Zlotnik H. International Migration Systems: A Global Approach. — Oxford, 1992. P. 205–220.

² О реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Указ Президента РФ от 14.09.2012 № 1289 // Российская газета. 2012. № 213.

Забайкальский край (до 2020 г.);
Иркутская область (до 2018 г.);
Республика Бурятия.

Особой привилегией при реализации данной программы пользуются выходцы из стран, с которыми Россия заключила соглашение о ЕАЭС. В соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе, участникам программы из Киргизии, Казахстана, Белоруссии и Армении не нужно получать разрешение на осуществление трудовой деятельности в России¹. Кроме того, мигранты из этих стран, освобождаются от медицинского освидетельствования и сдачи экзаменов по русскому языку, истории России и основ законодательства, необходимых при обращении за получением разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу либо патента. Кроме того, дипломы об образовании, полученные в этих странах, признаются в РФ, исключая врачей, педагогов и юристов².

С нашей точки зрения важнейшим резервом реализации программы «соотечественники» является советская диаспора Казахстана, сложившаяся в результате целенаправленной политики, проводимой Советским Союзом по заселению территории. Интерес к Казахстану связан с тем, что в современных условиях он имеет самую большую численность русскоязычного населения с высоким уровнем образования и квалификации среди стран — доноров трудовых ресурсов в Россию. А активная национально-культурная политика, проводимая в настоящее время правительством Казахстана, ведет к росту миграционных настроений у русскоязычной части населения.

4.3. «Советская диаспора» Казахстана как особый феномен

В советские времена миграция населения была достаточно распространенным явлением. Молодежь страны ехала на всероссийские стройки. Великая Отечественная

¹ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации. Федеральный закон № 115-ФЗ от 25.07.2002 // Парламентская газета. 2002. № 144.

² Информационный портал «Qostanay.TV» [Электронный ресурс]. URL: <https://qostanay.tv/obshchestvo/potok-uezzhayushchih-v-rossiyu-grazhdan-kazahstana-vyros>.

война сопровождалась массовой эвакуацией предприятий. Происходила депортация народов.

Анализ исторического опыта показал, что основной причиной появления многочисленной русскоязычной диаспоры в Казахстане была государственная политика, направленная на освоение обширных малозаселенных территорий Казахстана, проводимая в период его нахождения в составе Советского Союза. При этом решающую роль сыграло постановление пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» от 1954 г., стимулирующее массовую миграцию населения в Казахстан из советских республик.

Данная политика привела к существенным этническим перекосам. Так, к моменту создания независимой республики численность русских в Казахстане была значительна. Более того, были периоды, когда она даже преобладала над численностью казахского населения. В частности, согласно данным переписи населения Казахстана, в 1970 г. доля русского населения составила 42,6 %, в то время как на долю казахов приходилось только 32,5 %, а в 1979 г. 40,9 % против 35,9 % (табл. 4.3).

Русскоязычное население, в целом имевшее более высокий уровень образования, предпочитали селиться в городах республики. К примеру, в 1970 г. их доля в общей численности населения городов составила 58,2 % (табл. 4.4). Значительный перекос в сторону русского населения существовал в г. Алматы (Алма-Ата), который с 1929 г. по 1997 г. являлся столицей Казахстана, а с 1998 г. — так называемой южной столицей. Показательно, что в 1970 г. доля русских в этом городе составляла 68,28 %, а казахов только 13,6 %. Подобная ситуация складывалась и в Астане (см. табл. 4.5).

Особенно заметны этнические перекосы были в регионах республики. Русскоязычное население преобладало в северных территориях Казахстана: Акмолинской, Костанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской областях, а также в Карагандинской и Восточно-Казахстанской (табл. 4.5).

Наличие «русского севера» стало одной из причин переноса столицы страны в г. Акмолу, который в 1998 г. был

Таблица 4.3

Национальный состав населения Казахской ССР

Национальность	1970		1979		1989		1999	
	человек	доля, %	человек	доля, %	человек	доля, %	человек	доля, %
Казахи	4 228 367	32,5	5 282 481	35,9	6 496 858	40,1	7 985 039	53,4
Русские	5 542 929	42,6	6 019 391	40,9	6 062 019	37,4	4 796 18	30,0
Все население	13 026 274	100	14 709 508	100	16 199 154	100	14 953 126	100

Источник: составлено по: Перепись населения Казахстана 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalld/p_perepis?_afriLoop=5139086284569325#%40%3F_afriLoop%3D5139086284569325%26_adf.ctrl-state%3Dcyctz688f_214.

Таблица 4.4

Национальный состав городского населения Казахской ССР

	1970		1979		1989	
	человек	доля, %	человек	доля, %	человек	доля, %
Казахи	1 141 995	17,2	1 671 007	20,9	2 508 942	27,1
Русские	3 865 325	58,2	4 484 526	56,2	4 710 057	50,8
Всё население	6 636 116	100	7 980 457	100	9 269 000	100

Источник: составлено по: Перепись населения Казахстана 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalld/p_perepis?_afriLoop=5139086284569325#%40%3F_afriLoop%3D5139086284569325%26_adf.ctrl-state%3Dcyctz688f_214.

Таблица 4.5

Национальный состав населения субъектов Казахской ССР

Националь- ность	1970		1979		1989		1999	
	человек	доля, %	человек	доля, %	человек	доля, %	человек	доля, %
<i>г. Алматы</i>								
Казахи	105728	13,60	169476	17,71	255133	23,80	434397	38,46
Русские	530931	68,28	612783	64,04	615365	57,41	510366	45,19
Все население	777569	100	956817	100	1071927	100	1129356	100
<i>г. Астана (г. Целиноград, г. Акмола)</i>								
Казахи	23068	12,72	32870	14,15	49798	17,71	133585	41,8
Русские	104010	57,36	133432	57,43	152147	54,10	129480	40,5
Все население	181322	100	232322	100	281252	100	319324	100
<i>Акмолинская область</i>								
Казахи	195296	20,35	229024	23,02	266831	25,07	313488	37,49
Русские	424421	44,22	442506	44,48	459348	43,16	329454	39,40
Все население	959729	100	994932	100	1064406	100	836271	100
<i>Восточно-Казахстанская область</i>								
Казахи	509809	32,60	597217	36,03	687879	38,92	743098	48,5
Русские	881608	56,37	899047	54,24	914424	51,74	694705	45,4
Все население	1563874	100	1657403	100	1767225	100	1531024	100
<i>Карагандинская область</i>								
Казахи	294719	18,89	373408	21,80	449837	25,77	529478	37,55

Националь- ность	1970		1979		1989		1999	
	человек	доля, %	человек	доля, %	человек	доля, %	человек	доля, %
Русские	788777	50,55	859363	50,16	817900	46,86	614416	43,57
Все население	1560468	100	1713208	100	1745448	100	1410218	100
<i>Костанайская область</i>								
Казахи	188267	19,10	230054	21,12	279787	22,86	314801	30,93
Русские	432109	43,84	483260	44,37	535100	43,72	430242	42,27
Все население	985571	100	1089068	100	1223844	100	1017729	100
<i>Павлодарская область</i>								
Казахи	175691	25,17	216113	26,77	268512	28,49	311862	38,65
Русские	310004	44,42	370916	45,95	427658	45,38	337924	41,87
Все население	697947	100	807224	100	942313	100	806983	100
<i>Северо-Казахстанская область</i>								
Казахи	153733	17,57	179671	20,32	206060	22,59	214697	29,57
Русские	458783	52,43	463114	52,37	469636	51,49	361461	49,79
Все население	874986	100	884345	100	912065	100	725980	100

Источник: составлено по: Перепис населения Казахстана 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://stat.gov.kz/faces/homePage/perepis/perepis1999?_afzLoop=5149497707557585#%40%3F_afzLoop=3D5149497707557585%26_adf.ctrl-state%3D94ev5zo9m_4.

переименован в Астану (каз. — столица) и после этого начала активно заселяться казахами.

Вытеснению советской диаспоры Казахстана за пределы страны способствовала политика по возвращению этнических казахов на историческую родину из других государств, которую правительство Казахстана начало активно осуществлять с декабря 1991 г., то есть сразу же после распада Советского Союза.

В рамках данной политики было принято решение о формировании специальной программы для привлечения, рационального расселения и оказания помощи в обустройстве оралманам. В соответствии с Законом Казахстана «О миграции населения» оралманом считается лицо без гражданства или иностранец казахской национальности, который проживал за пределами Казахстана на момент приобретения этой страной суверенитета и прибыл в республику для постоянного места жительства¹.

За период с 2009 г. по 2011 г. благодаря государственной программе по репатриации населения «Нурлы Кош», 3250 семей этнических казахов смогли вернуться в Казахстан из-за рубежа (или 824 170 оралманов), а с 2011 г. по 2014 г. — около 10000 семей.²

Согласно официальной статистике, в целом за период 1991–2016 гг. из Китая, Узбекистана, Туркмении, Монголии, Киргизии, России, Афганистана, Ирана, Пакистана в Казахстан вернулись 957764 этнических казаха-репатрианта. При учете их потомков и тех людей, которые прибыли без участия в государственной программе по переселению, общая численность репатриантов составила более 1 млн чел. (примерно 10 % от всех казахов страны).³

В 2013 г. программу «Нурлы Кош» сменила «Дорожная карта занятости — 2020», нацеленная на реализацию

¹ О миграции населения. Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV. С изм. по сост. на 10.07.2012 г.

² Бокаев Б. Н., Жаркынбекова Ш. К. Репатрианты Казахстана. Этноязыковая идентификация и интеграция в общество // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 54–61.

³ Tengrinews [Электронный ресурс]. URL: <https://tengrinews.kz/tv>.

Таблица 4.6

**Национальный состав населения Казахстана по этносам с 2010 г. по
2018 г., % от общей численности населения на начало года**

Националь- ность	Численность населения Казахстана по годам								
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
казахи	63,52	64,03	64,56	65,07	65,52	66,01	66,48	66,9	67,5
русские	23,29	22,83	22,35	21,90	21,48	21,05	20,63	20,2	19,8
другие наци- ональности	13,19	13,14	13,09	13,03	13,00	12,94	12,89	12,9	12,7

Источник: составлено по: Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике [Электронный ресурс]. URL: http://stat.gov.kz/faces/homePage?_afLoop=15729412351928840#%40%3F_afLoop%3D15729412351928840%26_adf.ctrl-state%3D1az0sow0cf.

профессионального потенциала работников и помощь в трудоустройстве¹. Несмотря на то, что данная программа рассчитана на разные слои общества, она также адресована и оралманам. Правительство Казахстана продолжает поддерживать курс на привлечение в страну этнических казахов, облегчая им возможность получения гражданства, создавая для них льготы и преференции, помогая в обустройстве, изучении языка, создавая центры правовой и информационной поддержки.

В этих условиях представители национальных меньшинств (включая русских) стараются покинуть Казахстан. Мотивами переезда могут быть: невозможность адаптации к изменившимся условиям, сложности трудоустройства, отсутствие продвижения по карьерной лестнице в силу этнической принадлежности, снижение сферы применения русского языка и другие. Изменение численности населения Казахстана по этносам в 2010–2018 гг. представлено в таблице 4.6.

В настоящее время в каждом субъекте Казахстана из-за эмиграции ежегодно происходит снижение доли русских в общей численности населения. Причем это относится как к традиционно русскоязычным территориям, так и к тем, где доля русских всегда была относительно низкой (рис. 4.2).

¹ Социально-экономические особенности самостоятельно занятого населения в Республике Казахстан / Абдыкерова М. Т., Тулебаев К. А., Куракбаев К. К., Джурунова К. С. // Вестник Казахского Национального медицинского университета. 2017. № 3. С. 417–422.

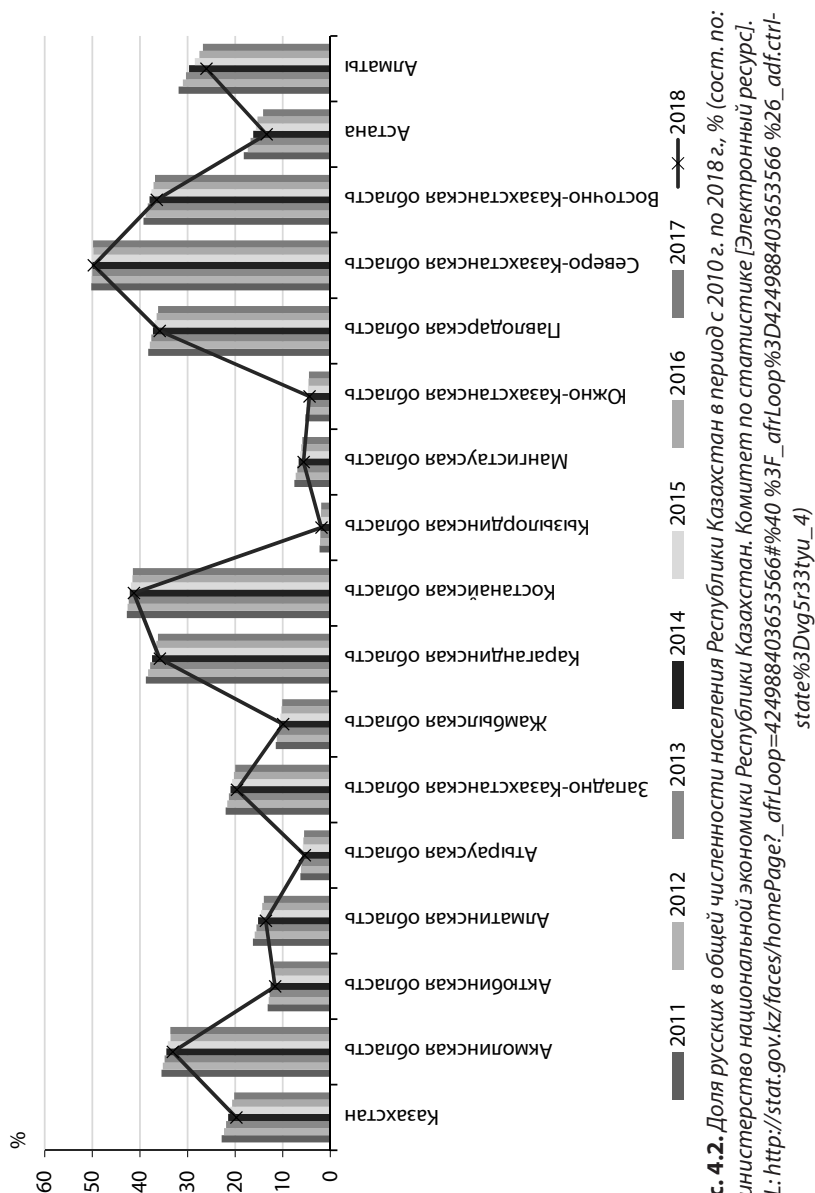

Рис. 4.2. Доля русских в общей численности населения Республики Казахстан в период с 2010 г. по 2018 г., % (сост. по: Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике [Электронный ресурс]. URL: http://stat.gov.kz/faces/homePage?_afzLoop=424988403653566#%40%3F_afzLoop%3D424988403653566%26_adf.ctrl-state%3Dvg5r33tyu_4)

Таблица 4.7

Численность русских по странам СНГ на 1 января 2015 г.

Государство	Численность русских	
	чел.	% от населения страны
Казахстан	3 670 000	21,05
Узбекистан	870 000	2,85
Белоруссия	772 000	8,14
Киргизия	358 500	6,08
Молдавия	354 500	8,74
Азербайджан	115 000	1,2
Таджикистан	28 500	0,34
Армения	11 600	0,39

Источник: составлено по: MnogoFactov.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://mnogofactov.ru/v-mire/skolko-russkikh-v-mire-na-2016-god.html>.

В Казахстане благодаря миграционной политике, проводимой правительством страны, к началу 2018 г. доля русского населения сократилась до 19,76 %, при этом численность казахов увеличилась до 67 %. В целом за период с 1970 г. по 2018 гг. доля русских в стране уменьшилась на 35 %, в Акмолинской области на 42 %, в Восточно-Казахстанской на 43 %, Павлодарской на 41 %, Северо-Казахстанской на 39 %.

Тем не менее, численность «советской диаспоры» Казахстана остается значительной. Она являлась основой миграционного потенциала из стран СНГ в Российскую Федерацию. По данным за 2015 г. число русских, проживающих в Казахстане, составило 3670000 чел. (21 % от всего населения республики), а на начало 2018 г. — 3588686 чел. Этот показатель превышает суммарное количество русских во всем остальных государствах СНГ (табл. 4.7).

Важность привлечения «советской диаспоры» Казахстана в Россию связана с высоким уровнем образования составляющих ее людей, так как именно образование выступает наиболее существенным детерминантом качества человеческого капитала.

В последние годы Казахстан укрепляет свои позиции в сфере образования, это связано, в первую очередь, с реализацией программы «Казахстан 2050», основной целью которой является вхождение Казахстана в топ-30 развитых стран. Так,

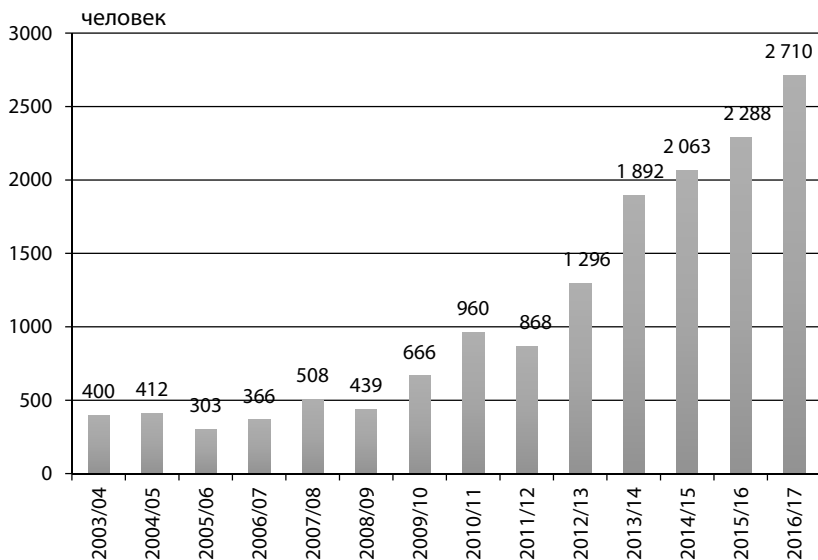

Рис. 4.3. Число докторантов в Республике Казахстан, чел. (сост. авторами по: Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. URL: http://stat.gov.kz/faces/homePage?_afzLoop=41166567672992#%40%3F_afzLoop%3D41166567672992%26_adf.ctrl-state%3Dkdcqyb3m5_4)

одной из задач программы «Казахстан 2050» является развитие онлайн-системы образования населения и модернизации методик преподавания в государстве.¹

В 2011 г. Казахстан присоединился к европейскому Болонскому процессу и заменил двухуровневую советскую систему (кандидата и доктора наук) ученой степенью PhD в соответствии с международной классификацией. В период с 2003/04 по 2016/17 учебные года численность докторантов (с 2011 г. — PhD) в Казахстане увеличилась на 85,24 % (рис. 4.3).

Сравнительный анализ уровня образования населения Казахстана с другими странами СНГ — донорами трудовых ресурсов в Россию, выявил его лидерство. Подтверждению этому

¹ Лапенко М. В. Опыт стратегического планирования на постсоветском пространстве. Сравнительный анализ долгосрочных программ // Известия Саратовского университета. 2015. Т. 15. Вып. 1. С. 78–80. (Новая серия. История. Международные отношения).

Таблица 4.8

Индекс образования по странам СНГ

Государство	Баллы, 2017 г.	Место в общем рейтинге, 2016 г.	Место в общем рейтинге, 2017 г.
Россия	69,31	25	26
Казахстан	66,09	35	35
Армения	63,96	56	39
Белоруссия	63,57	41	43
Азербайджан	63,10	44	46
Молдавия	61,95	49	50
Таджикистан	61,14	53	54
Киргизия	60,25	60	62

Примечание: некоторые страны не были включены в рейтинг по индексу образования в связи проблемами и правительственными ограничениями, препятствующими сбору или публикации подобных данных, среди них Узбекистан.

Источник: составлено авторами по: The 2017 Legatum Prosperity Index. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prosperity.com/rankings?pinned=&filter=>.

является, во-первых, высокий рейтинг Казахстана по индексу образования, разработанному институтом Legatum. Данный индекс включает в себя три параметра: доступ к образованию, его качество и человеческий капитал. Казахстан смог войти в топ-40 и расположиться на 35-м месте в рейтингах по индексу образования в 2016 и 2017 гг., уступив в группе стран СНГ лишь России, которая заняла 26-е место в 2017 г. и 25-е место в 2016 г. (табл. 4.8).

Во-вторых, высоки позиции Казахстана по рейтингу QS World University Rankings, характеризующему уровень высшего образования страны и являющемуся единственным международным рейтингом, получившим одобрение Международной рейтинговой экспертной группы (IREG). Методология данного рейтинга составлена с использованием шести простых показателей: количество цитирований на 1 преподавателя (20 %), доля иностранных студентов (5 %), доля иностранных преподавателей (5 %), соотношение числа преподавателей и студентов (20 %), репутация вуза среди работодателей страны (10 %), академическая репутация (40 %). В 2018 г. в 1000 лучших вузов мира по рейтингу QS World University представлены восемь казахстанских университетов (табл. 4.9). При этом в рейтинг лучших университетов мира не вошел ни один вуз из Армении,

Таблица 4.9

Рейтинг лучших университетов среди стран СНГ в 2018 г.

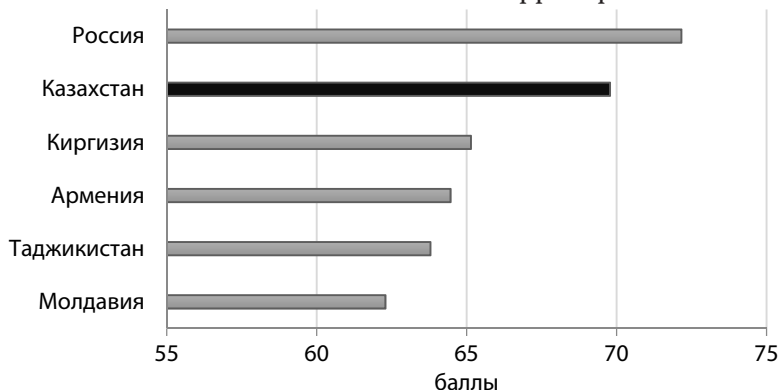
Государство	Количество вузов	Место первого вуза страны в общем рейтинге
Россия	24	95
Казахстан	8	236
Белоруссия	2	334
Азербайджан	2	701–750

Источник: составлено авторами по: QS World University Rankings 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018>.

Молдавии, Узбекистана, Киргизии или Таджикистана, что демонстрирует накопившиеся проблемы в сфере профессионального образования в этих странах.

В-третьих, в 2017 г. Казахстан занял итоговую 29-ю строчку в глобальном рейтинге человеческого капитала, набрав 69,78 итоговых баллов. Республика смогла обогнать большинство стран СНГ. Впереди оказалась только Россия, причем отрыв Казахстана от нее составил лишь 2,38 баллов, в то время как другие страны СНГ от него значительно отстали (рис. 4.4).

Таким образом, можно отметить, что в результате политики по освоению малозаселенных территорий Казахстана

Примечание: в рейтинг не вошли такие страны СНГ, как Узбекистан, Азербайджан и Белоруссия.

Рис. 4.4. Государства — члены СНГ в Global Human Capital Index 2017 (составлено по: The Global Human Capital Report 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Human_Capital_Report_2017.pdf)

в период его нахождения в составе Советского Союза в нем сформировалась «советская диаспора» как особый феномен, представленная русскоязычным населением, проживающим, главным образом, в городах и северных территориях страны. Повышению миграционной активности советской диаспоры Казахстана способствует проводимая в настоящее время в стране политика по возвращению этнических казахов — оралманов.

Советская диаспора Казахстана имеет стратегическое значение для России как источник повышения эффективности человеческого капитала, так как, во-первых, население Казахстана отличается относительно прочих стран СНГ высоким уровнем образования, во-вторых, как и любая диаспора, она представляет собой миграционный потенциал для России.

4.4. Эконометрическое моделирование факторов миграции из Казахстана в Россию

Для анализа факторов миграции из Казахстана в Россию и оценки эффективности государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников проведено эконометрическое исследование миграционных процессов на основе использования расширенной гравитационной модели. В соответствии с подходом, предложенным М. Пиоре¹, Н. Басовым², М. Динбабо и Т. Нуасулу³, были выбраны притягивающие факторы миграции из Казахстана в Россию. Среди этих факторов численность населения принимающего региона, расстояние между столицей страны Казахстана и административным центром в российском регионе, уровень безработицы в российском регионе, доход на душу населения в российском регионе, численность зарегистрированных преступлений в рос-

¹ Piore M. Birds of passage: migrant labor and industrial societies. New York, 1980. 240 p.

² Басов Н. Ф. Социальная работа с молодежью: учебное пособие. Москва, 2015. 328 с

³ Колосова Н. А. Особенности статистического учета иммигрантов в российской федерации и способы его оптимизации // Учет и статистика. 2015. № 1. С. 110–116.

сийском регионе и участие российского региона в программе «Соотечественники».

Выбранный для эконометрического моделирования период отражает динамику миграционных процессов из Казахстана в Российскую Федерацию за 12 лет (2004–2015 гг.) по 79 субъектам, не включая Севастополь и Республику Крым, в связи с тем, что их территории стали составной частью России только в марте 2014 г. При выборе периода было учтено, что в 2004 г. началась новая трудовая волна миграции в Россию.

Новизна сформированной эконометрической модели связана с включением в нее независимой переменной — участие регионов России в программе «Соотечественники». Введение в эконометрическую модель предложенной переменной связано с отсутствием научных публикаций, оценивающих эффективность участия российских регионов в реализации программы по репатриации.

Информационная база исследования составлена на основе данных Росстата¹, информационного агентства «Avia.pro»², МВД России³ и Посольства РФ в Республике Казахстан⁴.

На основе эмпирических исследований, анализирующих факторы миграции, сформировано следующее уравнение регрессии (1):

$$LMIG_{ijt} = \beta_0 + \beta_1 LPOP_{jt} + \beta_2 LDIST_{ij} + \beta_3 LUNR_{jt} + \beta_4 LINC_{jt} + \beta_5 LCRIME_{jt} + \beta_6 PROG_{jt} + \gamma_t + \varepsilon_{ijt}, \quad (1)$$

где $LMIG_{ijt}$ — логарифм количества прибывших мигрантов из страны i (Казахстана) в российский регион j в году t , чел.; $LPOP_{jt}$ — логарифм численности населения в российском регионе j в году t , тыс. чел.; $LDIST_{ij}$ — логарифм воздушного расстояния между столицей страны i (Казахстана) и административным

¹ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>

² Информационное агентство «Avia.pro» [Электронный ресурс]. URL: http://avia.pro/rasstoianie_mezhdu_ajeroportami

³ МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai>.

⁴ Посольство Российской Федерации в Республике Казахстан [Электронный ресурс]. URL: http://consular.rfembassy.ru/lm/konsulskie_voprosy/sootchestvenniki/spisok_regionov_gosprogrammy.

центром в российском регионе j , км; $LUNR_{jt}$ — логарифм уровня безработицы в российском регионе j в году t , %; $LINC_{jt}$ — логарифм дохода на душу населения в российском регионе j в году t , долл.; $LCRIME_{jt}$ — логарифм количества зарегистрированных преступлений в российском регионе j в году t ; $PROG_{jt}$ — фиктивная переменная, которая равна 1, если российский регион j в году t принимает участие в программе переселения соотечественников, и 0 в противоположном случае; γ_t — фиктивная переменная времени, которая равна 1 в году t и 0 в остальные годы; β — оценки коэффициентов регрессии; ε_{ijt} — случайная ошибка.

Логарифмирование использовано для уменьшения асимметрии, которой часто обладает распределение эконометрической величины. Переход к логарифмам допускает приближение распределения остатков регрессии к нормальным.

Фиктивные переменные времени для каждого года введены в общее уравнение регрессии с целью устранения временных ошибок, возникающих при объединении сведений за различные периоды времени, так как правила миграционного учета за исследуемый период менялись несколько раз.

К примеру, первоначально из-за отсутствия предписаний о передаче данных в органы государственной статистики в ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»¹ складывалась ситуация, при которой органы государственной статистики недополучали информацию о мигрантах.

С начала 2007 г. на иностранных граждан, впервые получивших разрешение на временное проживание, стали составлять документы статистического учета.

В 2011 г. введены новые правила учета иммиграции. Лица, зарегистрированные по месту пребывания от 9 месяцев и более, стали учитываться в долгосрочной миграции населения².

¹ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон № 115-ФЗ от 25.07.2002 // Парламентская газета. 2002. № 144.

² Колосова Н.А. Особенности статистического учета иммигрантов в российской федерации и способы его оптимизации // Учет и статистика. 2015. № 1. С. 110–116.

В рамках эконометрического моделирования были протестированы следующие гипотезы:

- численность населения и доход на душу населения в регионах России положительно влияет на общее число прибывших мигрантов из Казахстана;

- расстояние, которое должен преодолеть мигрант в процессе миграции, отрицательно сказывается на численности прибывших из Казахстана в регионы России;

- между уровнем безработицы в российских регионах и числом прибывших мигрантов из Казахстана присутствует отрицательная связь;

- общий уровень преступности, определяемый через количество зарегистрированных преступлений в российских регионах, является значимым показателем при принятии решения о миграции в Россию из Казахстана;

- регионы Российской Федерации, участвующие в программе переселения соотечественников, принимают больше мигрантов, чем те регионы, которые не участвуют в программе.

В процессе эконометрического моделирования рассмотрены две модели панельных данных: модель линейной регрессии и модель со случайным эффектом, которая позволила сохранить неменяющиеся во времени переменные и решить проблему эндогенности.

Метод «pooled OLS», который оценивается с помощью МНК, показал, что модель в целом является значимой ($p\text{-value} < 0,05$). R^2 в линейной модели равен 61 %. $Adj R^2$ отражает объясняющую силу модели. Интерпретировать скорректированный коэффициент детерминации можно следующим образом: выбранные детерминанты описывают число прибывших мигрантов из Казахстана в регионы России на 60 %.

Построенная модель оказалась достаточно качественной и в целом адекватной, так как была отвергнута гипотеза о незначимости регрессии в целом.

Результаты теста для проверки значимости временных дамми-переменных показали, что $Prob > F = 0.0162 < 0,05$, то есть нулевая гипотеза отвергается, следовательно, в целом группа временных фиктивных переменных значима.

Второй метод оценки коэффициентов панельной регрессии по средствам построения модели со случайными эффектами показал, что выполняется предположение о некоррелированности регрессоров со случайными эффектами, оценки модели состоятельны, поскольку коэффициент корреляции в модели равен 0. Около 87 % вариации объясняемой переменной формируется учтенными индивидуальными эффектами. Модель со случайными эффектами является адекватной согласно статистике Вальда.

Анализ модели со случайными эффектами показал, что все выдвинутые гипотезы подтвердились, как и в модели сквозной регрессии, однако коэффициенты при независимых переменных в модели и уровень значимости изменились (табл. 4.10).

Исходя из данных таблицы 4.10, можно сделать вывод, что в модели сквозной регрессии регионы России, принимающие

Таблица 4.10

Результаты эмпирического анализа модели со случайными эффектами

Независимые переменные	Зависимая переменная: количество прибывших мигрантов из Казахстана в регион	
	Сквозная регрессия	Со случайными эффектами
Численность населения в регионе	0.382 ^{***} (4.72)	0.0978 [*] (2.29)
Расстояние от Казахстана до региона	-1.035 ^{***} (-14.73)	-1.283 ^{***} (-5.43)
Уровень безработицы в регионе	-0.814 ^{***} (-7.37)	-0.320 ^{***} (-4.64)
Доход на душу населения в регионе	0.315 ^{**} (2.87)	0.283 [*] (2.36)
Количество зарегистрированных преступлений в регионе	-0.522 ^{***} (-6.77)	-0.469 ^{***} (-5.81)
Участие региона в программе	0.225 ^{**} (2.92)	0.187 [*] (2.46)
Временные эффекты	Да	Да
Число наблюдений	946	946

Примечание: значения стандартных ошибок показаны в скобках. Коэффициенты, отмеченные «^{***}», значимы на 0,1-процентном доверительном интервале; коэффициенты, отмеченные «^{**}», значимы на 1-процентном доверительном интервале; коэффициенты, отмеченные «^{*}», значимы на 5-процентном доверительном интервале.

участие в программе «Соотечественники», получают на 22,5 % больше мигрантов, чем регионы, не участвующие в данной программе.

Увеличение размера популяции в регионах России приводит к повышению миграции из Казахстана при прочих равных условиях, что соответствует выводам гравитационной модели. Этот результат аналогичен выводу Льюера и Берга (2008), которые утверждали, что если население страны назначения, являющееся показателем размера рынка труда, растет, то это привлекает мигрантов на рынок труда страны-реципиента из-за убежденности в лучшем распределении возможностей¹.

Мигранты предпочитают быстроразвивающиеся регионы с высоким уровнем жизни. Высокий уровень безработицы и преступности отталкивает людей от миграции в другое государство. Особенно условия жизни принимающего региона и возможности для профессиональной реализации важны для специалистов с высоким уровнем квалификации, которые приезжают на принимающую территорию в поиске постоянного места занятости. Важную роль в привлечении человеческого капитала играют и меры, которые предпринимает государство для защиты прав и интересов мигрантов.

Таким образом, эконометрическое моделирование выявило, что на решение населения Казахстана, в том числе его «советской диаспоры», мигрировать в регионы России, наряду с такими факторами, как численность населения, расстояние, доход на душу населения, уровень безработицы, количество зарегистрированных преступлений в стране-реципиенте, влияет и участие российских регионов в программе переселения соотечественников. Россия должна активно включаться в конкуренцию за трудовые ресурсы на международном рынке труда, активизируя реализацию своей репатриационной государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, а также расширить перечень регионов участников программы «Соотечественники».

¹ Lewer J., Berg H. A gravity model of immigration // *Economic Letters*. 2008. № 99. P. 164–167.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторы монографии полагают, что миграция является важнейшим звеном глобальной экономики, требующим проведения продуманной миграционной политики принятия адекватных решений. Экономическая эффективность миграции тесно связана с качественными параметрами экономического роста. Неотъемлемым условием реализации концепции инклюзивного роста в российской экономике является формирование условий для повышения конкурентоспособности России на мировом рынке. Кроме того, для инклюзивного роста необходима эффективная и слаженная совместная работа государственных институтов в странах СНГ.

Исследование социальных аспектов миграции показало, что продвижение официального национального языка является приоритетным направлением деятельности государства, способствующим не только экономической экспансии, но и созданию условий для лучшей адаптации и интеграции мигрантов. Однако при этом государство должно создавать условия и для сохранения самоидентичности и языка неосновных этносов, населяющих территории Российской Федерации.

Особенностями современной миграции в Россию становятся рост семейной миграции, а также создание семей на принимающей территории. В связи с чем особую актуальность приобретают условия формирования «полуторного поколения» мигрантов. Как показал библиометрический анализ, выполненный на площадке elibrary, данная тема только начинает привлекать к себе внимание специалистов различных направлений. Однако она недостаточно представлена в исследованиях педагогической науки, хотя, как показали наши социологические исследования, эта проблема является достаточно острой в российских образовательных учреждениях.

Основной проблемой обучения детей мигрантов в России является плохое знание русского языка, на котором ведется обучение. Необходим комплексный подход к решению данной проблемы на основе обучения русскому языку и межкультурной коммуникации, включая воспитательную работу,

организации дополнительных занятий (курсы адаптации, русского языка как неродного, психологической поддержки и т. п.) не только для обучаемых, но и для их родителей. Кроме того, необходима подготовка и переподготовка учителей, способных к работе в межкультурной среде и владеющих новыми технологиями обучения.

Рост академической миграции также требует развития как педагогов, так и студентов-автохтонов межкультурной коммуникативной толерантности. Необходима разработка и реализация программы переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров, ориентированной на формирование их межкультурной коммуникативной толерантности и умения работать с межкультурной аудиторией.

Анализ данных Министерства внутренних дел Свердловской области о «мигрантской» преступности показал, что иностранцы значительно реже становятся жертвами преступлений, чем иницируют и совершают их. Однако, по свидетельствам представителей некоммерческих организаций, занимающихся поддержкой мигрантов, экспертного сообщества, мигранты не всегда обращаются в правоохранительные органы для фиксации преступлений, а зачастую это связывается с тем обстоятельством, что они не имеют необходимых и достаточных правовых оснований для легального нахождения на территории Российской Федерации.

Значительная часть преступлений связана с нелегальным статусом мигранта. Сложности с получением и поддержанием легального статуса зачастую оказываются более «весомыми» для мигранта, чем нахождение на нелегальном положении.

В то же время была замечена ярко выраженная корреляция между проводимыми правоохранительными органами профилактическими мероприятиями, направленными на борьбу с «мигрантской» преступностью, и с ее количественными показателями. При этом большинству бытовых преступлений придается этнический окраска. В связи с чем необходима целенаправленная политика, направленная на ограничение данной практики и снижение ксенофобских настроений.

Для повышения качества привлекаемого человеческого капитала Россия должна активнее использовать имеющийся

миграционный потенциал на постсоветском пространстве, создавая условия для репатриации квалифицированных трудовых ресурсов.

Авторы пришли к выводу, что в сложившихся условиях Россия должна активно включаться в конкуренцию за трудовые ресурсы на международном рынке труда, активизируя и расширяя реализацию своей репатриационной государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Басов Н. Ф. Социальная работа с молодежью: учебное пособие. — М., 2015. — 328 с.

Бекетова А. П. Формирование межкультурной коммуникативной толерантности студентов телекоммуникационных специальностей в образовательном процессе вуза: дис. ... канд. пед. наук. — Екатеринбург, 2018.

Бекетова А. П., Куприна Т. В. Five Lessons for Developing Tolerance. Пять уроков развития толерантности / Под общ. ред. Т. В. Куприной. — Екатеринбург: УрФУ, 2016. — 168 с.

Бокаев Б. Н., Жаркынбекова Ш. К. Репатрианты Казахстана: этноязыковая идентификация и интеграция в общество // Социологические исследования. — 2011. — № 11. — С. 54–61.

Воронков А. А. Методы анализа и оценки государственных программ в США. — М.: Наука, 1986.

Гришанова А. Г., Кожевникова Н. И. Миграционный потенциал. Теоретические аспекты // Народонаселение. — 2016. — Т. 1, № 1 (71–1). — С. 42–51

Даринская Л. А., Гуслина А. С. Библиометрический анализ как способ вхождения в проблему исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2010. — № 3. — С. 171. — (12. Психология. Социология. Педагогика).

Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А., Засыпкин В. П. Образовательные и адаптационные практики детей мигрантов в условиях межнациональной интолерантности // Известия Уральского федерального университета. — 2015. — Т. 135. — № 1. — С. 70–83 (С. 82). — (1. Проблемы образования, науки и культуры).

Институт изучения труда [IZA]. Бонн [Электронный ресурс]. URL: <http://EconPapers.repec.org/RePEc:iza:izadps:dp6293>.

Кобец П. Н. Миграционное законодательство России: практика применения и проблемы совершенствования // Государственная власть и местное самоуправление. — 2007. — № 10

Коллиер П. Исход. Как миграция изменяет наш мир. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — 364 с.

Колосова Н. А. Особенности статистического учета иммигрантов в российской федерации и способы его оптимизации // Учет и статистика. — 2015. — № 1. — С. 110–116.

Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной миграционной политики / Бедрина Е. Б., Вандышев М. Н., Илинбаева Е. А., Инишева С. В., Куприна Т. В., Мельникова А. С., Неклюдова Н. П., Сергеева Л. В., Струин Н. Л., Тухтарова Е. Х., Удинцев И. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015.

Комплексные диагностические тесты для немецко-русских билингвов от 3 до 14 лет: практические рекомендации для проведения тестирования двуязычных детей и подростков / Сост. Е. Л. Кудрявцева; авт. Е. Л. Кудрявцева, А. А. Тимофеева, Ю. Ю. Данилова, Д. А. Салимова, Л. Б. Бубекова. — Schöneiche bei Berlin: Elena Plaksina Verlag, 2015. — 126 с.

Корель Л. В. Социология адаптаций. Вопросы теории, методологии и методики. — Новосибирск: Наука, 2005. — 423 с.

Кудрявцева Е. Л. Анкетирование детей 6–7 лет на наличие и уровень сбалансированности естественного билингвизма. Дошкольное учреждение и переход в начальную школу // Проблемы онтолингвистики — 2013. Мат-лы междунар. науч. конф. 26–28 июня 2013 г., СПб. — СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. — С. 491–497.

Кудрявцева Е. Л., Корин И. В. Создание единой системы тестов для определения уровня межкультурной компетенции // Русский язык за рубежом. — 2013. — № 3. — С. 14–25.

Куликова О. А. Культурный шок: социально-психологическая адаптация к новой культурной среде // Вестник Университета (Государственный университет управления). — 2017. № 5. — С. 190.

Куприна Т. В., Невраева Н. Ю. Проблемы и возможности транскультурного образования. Раздел 8.4. Россия в ВТО. Год после вступления / Под ред. В. А. Черешнева, А. И. Татаркина, М. В. Федорова. — М.: Экономика, 2014. — Т. II, Ч. 1. — С. 309–320.

Лапенко М. В. Опыт стратегического планирования на постсоветском пространстве. Сравнительный анализ долгосрочных программ // Известия Саратовского университета. — 2015. — Т. 15, Вып. 1. — С. 78–80. (Новая серия. История. Международные отношения).

Лапин А. Е., Ломовцева Н. Н., Илехменев В. А. Оценка эффективности реализации государственных программ. Американская и российская практика // Научные ведомости Белгородского государственного университета. — 2013. — № 7(150), Вып. 26/1. — (История. Политология. Экономика. Информатика).

Лукас Р. Э. Лекции по экономическому росту / пер. англ. Д. Шестакова. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. — 288 с.

Меркулова Т. В. Экономический рост и неравенство. Институциональный аспект и моделирование взаимосвязи // Мир России. — 2010. — № 2. — С. 59–73.

Миграционные процессы и российский научно-технический потенциал. Социально-экономические последствия миграции научных кадров. Науч. доклад. — М., 2012. — С. 24.

Миграция населения. Теория и практика / под ред. О. Д. Воробьевой, А. В. Топилина. — М.: Экономическое образование, 2012.

Мукомель В. И. Кто придет в Россию из ближнего зарубежья? // Демоскоп Weekly. — 2001. — № 37–38 [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/037/tema02.php>.

Мукомель В. И. Миграционный потенциал и перспективы иммиграции соотечественников из государств СНГ и Балтии // Этнопанорама. — 2001. — № 3. — С. 47–59 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indem.ru/PUBLICATION/mukomel/Potenmig.htm>.

Мукомель В. И. Особенности адаптации и интеграции детей мигрантов — представителей «полуторного поколения» // Известия Иркутского государственного университета. — 2013. — № 2–2. — С. 192. — (Политология. Религиоведение).

Мэн Ся Обучение русскому языку в КНР как социокультурная проблема. // Мат-лы XII конгресса Междунар. ассоциации преподавателей русского языка и литературы. — Шанхай: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. — С. 111–114.

Основы формирования региональной политики развития человеческого потенциала / О. А. Антонова, В. Н. Белкин, Н. А. Белкина, М. А. Гуревич, С. В. Дорошенко, В. В. Дрошнев, С. А. Извозчикова, Г. В. Клименков, О. А. Козлова, А. М. Коробейников, Е. А. Орлова, Т. В. Полкова, А. Н. Пыткин, Т. Ю. Радиловская, Ю. В. Шамков, А. Г. Шеломенцев; отв. ред. д-р экон. наук А. Г. Шеломенцев. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. — 214 с.

Оценка эффективности реализации государственных программ. Американская и российская практика // Информатика. 2013. № 7 (150). Вып. 26/1. С. 80–86. (История. Политология. Экономика).

Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. — М.: Смысл, 2008. — 172 с.

Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России: оценка факторов и эффектов / Бедрина Е. Б., Вандышев М. Н., Куприна Т. В., Лифшиц М. Л., Мельникова А. С., Неклюдова Н. П., Паньшина Д. А., Смирнова Н. Л., Струин Н. Л., Трушкова Е. А.,

Тухтарова Е. Х., Чернова К. В. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. — 180 с.

Рочева А. Л. «Полуторное» поколение мигрантов. Множественная маргинальность. Обзор литературы // ИС РАН. — 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2355>.

Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал. Критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования. — 2011. — № 4. — С. 23–34.

Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал. Понятие и критерии оценки // Социологические исследования. — 2009. — № 2. — С. 29–36.

Сморгунов Л. В. Государство, сотрудничество и инклюзивный экономический рост // Власть. — 2017. — № 11.

Социально-экономические особенности самостоятельно занятого населения в Республике Казахстан / Абдыкерова М. Т., Тулебаев К. А., Куракбаев К. К., Джурунова К. С. // Вестник Казахского Национального медицинского университета. — 2017. — № 3. — С. 417–422.

Узяков М. Ловушка отсталости: что тормозит экономический рост России. РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/28/02/2018/5a9578839a79477d673a8bef>.

Чепель С. В., Бондаренко К. Является ли внешняя трудовая миграция фактором экономического роста. Эконометрический анализ и выводы для стран СНГ // Журнал новой экономической ассоциации. — № 4. — 2015. — С. 142–166.

Чепель С. В., Иброгимова Н. Экономический рост и доступность высшего образования. Существенные гипотезы, каналы, взаимосвязи и их релевантность для развивающихся стран мира // Человеческий капитал и профессиональное образование. — № 4. — 2016. — С. 4–16.

Чернова К. В., Бедрина Е. Б. Миграция человеческого капитала из развивающихся государств Европы в условиях европейской интеграции. Причины и следствия // Вестник УрФУ. — 2017. — Т. 16., № 1. — С. 46–65. — (Экономика и управление).

Шаш Н. Н., Бородин А. И. Повышение эффективности управления государственными программами. Федеральный и региональный аспекты // Вестник Удмуртского университета. — 2014. — № 4. — С. 96–106. — (Экономика и право).

Юдин Б. Г., Симонов А. Н. Подготовка электронной публикации и общая редакция // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7172>.

Aghion P., Howitt P. Growth With Quality-Improving Innovations: An Integrated Framework // Handbook of Economic Growth. — 2005. — Ch. 2.

Anand R., Mishra M. S., Peiris S. J. Inclusive growth: Measurement and determinants // International Monetary Fund. — 2013. — № 13. — P. 135.

Andrews A. L. Moralizing regulation: the implications of policing “good” versus “bad” immigrants // Ethnic and Racial Studies. — 2018. — Vol. 41, Iss. 14, November. — P. 2485–2503.

Avakyan N. On Some Peculiarities of Bilingual Children’s Speech Development // Armenian Folia Anglistika // International Journal of English Studies. — 2011. — № 1(8). — P. 77–80.

Barguelli A., Zaiem M. H., Zmami M. Remittances, Education and Economic Growth: A Panel Data Analysis // Journal of Business Studies Quarterly. — 2013. — Vol. 4(3). — P. 129–139.

Beine M., Docquier F., Rapoport H. Brain Drain and Economic Growth: Theory and Evidence // Journal of Development Economics. — 2001. — Vol. 64(1). — P. 275–289.

Bildirici M., Sunal S., Aykac Alp E., Orcan M. (2005). Determinants of Human Capital Theory, Growth and Brain Drain: an Econometric Analysis for 77 Countries // Applied Econometrics and International Development. — 2005. — Vol. 5(2). — P. 109–140.

Carillo R. M., Quintieri B., Vinci P. C. Causes and Economic Effects of Migration Flows — an Overview // Labour. — 1999. — No 13(3). — P. 587–602.

Catrinescu N., Leon-Ledesma M., Piracha M., Quillin B. Remittances, Institutions, and Economic Growth // World Development. — 2009. — Vol. 37(1). — P. 81–92.

Constantinescu G. C. Vocation of Language for International Communication — a Prediction Tool for Future Evolutions in Global Communication // Cross-Cultural Management Journal. — 2015. — Vol. XVII, Iss. 2 (8). — P. 161–173.

Di Maria C., Lazaro E. Migration, Human Capital Formation, and Growth: An Empirical Investigation // World Development. — 2012. — Vol. 40(5). — P. 938–955.

Diaz P., Saenz S. D., Kwan S. Y. V. Economic dynamics and changes in attitudes towards undocumented Mexican immigrants in Arizona // Analyses of Social Issues and Public Policy. — 2011. — № 300. — P. 313.

Díaz-Briquets S., Pérez-López J. Refugee Remittances: Conceptual Issues and the Cuban and Nicaraguan Experiences // International Migration Review. — 1997. — Vol. 31(2). — P. 411–437.

Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Dynamics of Innovation: from National System and Mode 2 to a Triple Helix of University-Industry-Government Relations // Research Policy. 2000. V. 29. № 2.

Falkenbach M., Greer S.L. Political parties matter: The impact of the populist radical right on health // *European Journal of Public Health.* — 2018. — Vol. 28. — 1 Novem. — P. 15–18.

Fang I. H. Migration, Social Security, and Economic Growth // *Economic Modeling.* — 2013. — Vol. 32. — P. 386–399.

Goschin Z. Remittances as an Economic Development Factor: Empirical Evidence from the CEE Countries // *Procedia Economics and Finance.* — 2014. — Vol. 10. — P. 54–60.

Guha P. Macroeconomic Effects of International Remittances: The Case of Developing Economies // *Economic Modelling.* — 2013. — Vol. 33. — P. 292–305.

Harrod R. F. An Essay in Dynamic Theory // *Economic Journal.* — 1939. — № 49. — P. 14–33.

Human Development Reports-2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/en/2016-report>.

Imai K. S., Gaiha R., Ali A., Kaicker N. Remittances, Growth and Poverty: New Evidence from Asian Countries // *Journal of Policy Modeling.* — 2014. — Vol. 36(3). — P. 524–538.

Inclusive Development Index // WEF. The Inclusive Growth and Development Report 2017. — P. 75.

Kerr P. S., Kerr R. W. Economic Impact of Immigration: A Survey // *Harvard Business School Working Paper.* — 2011. — № 9. — P. 13.

Kritz M., Lim L., Zlotnik H. International Migration Systems: A Global Approach. — Oxford, 1992. — P. 205–220.

Kuprina T., Minasyan S. Georistics as New Branch of Geocultural Space // *XLinguae. European Scientific Language Journal.* — 2014. — Vol. 7, Iss. 4. — P. 2–20.

Lewer J., Berg H. A gravity model of immigration // *Economic Letters.* — 2008. — № 99. — P. 164–167.

Mayr K. The Fiscal Impact of Immigrants in Austria — A Generational Accounting Analysis. // *Empirica.* — 2005. — № 32. — P. 181–216.

McKinley T. Inclusive Growth Criteria and Indicators: An Inclusive Growth Index for Diagnosis of Country Progress' // *ADB Sustainable Development Working Paper Series.* №. 14.

Mosse D., Gupta S., Mehta M., Shah V., Rees J. F., Team K. P. Brokered Livelihoods: Debt, Labour Migration and Development in Western India // *Journal of Development Studies.* — 2001. — Vol. 38(5). — P. 59–88.

Nyamongo E., Misati R. N., Kipyegon L., Ndirangu L. Remittances, Financial Development and Economic Growth in Africa // *Journal of Economics and Business.* — 2012. — Vol. 64(3). — P. 240–260.

Piore M. Birds of passage: migrant labor and industrial societies. — New York, 1980. — 240 p.

Ramos A. R., Ranieri R., Lammes J. Mapping Inclusive Growth. Working Paper, International Policy Centre for Inclusive Growth. — 2013. — № 105.

Roy A. Inclusive Growth through MFIs' Outreach in Assam // Asia-Pacific Business Review. — 2011. — Vol. 7. — № 3. — P. 47–62.

Sana M., Massey D. Household Composition, Family Migration, and Community Context: Migrant Remittances in Four Countries // Social Science Quarterly. — 2005. — Vol. 86(2). — P. 509–528.

Stark O., Taylor J. E., Yitzhaki Sh. Remittances and inequality // Economic Journal. — 1986. — № 96 (383). — P. 722–740.

Tigui A. De. Refugies en Russi, Reflet dun monde en desarroi // Hommes et migrations. — 1996.

Tyrberg M., Dahlström C. Policy Effects of Anti-Immigrant Party Representation on Aid to Vulnerable European Union/European Economic Area Citizens // Political Studies. — 2018. — Vol. 66, Iss. 1 (1 Februar). — P. 3–22.

Vigh H. Lives opposed: perceptivity and tacticality in conflict and crime // Social Anthropology. — Vol. 26, Issue 4. — November 2018. — Pp. 487–501.

WEF (2016a). Global Risks Report 2016 / World Economic Forum. [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/GRR/WEF_GRR16.pdf.

Woodruff C., Zenteno R. Remittances and Microenterprises in Mexico. UCSD // Graduate School of International Relations and Pacific Studies Working Paper. — 2001.

Ziesemer T. Worker Remittances, Migration, Accumulation and Growth in Poor Developing Countries: Survey and Analysis of Direct and Indirect Effects // Economic Modeling. — 2012. — Vol. 29(2). — P. 103–118.

Нормативно-законодательная база

Государственные программы / Портал госпрограмм РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://programs.gov.ru/Portal/programs/whatIs>.

О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. Указ Президента РФ от 31 окт. 2018 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru>.

О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации. Федеральный закон № 115-ФЗ от 25.07.2002 // Парламентская газета. — 2002. — № 144.

О реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Указ Президента РФ от 14.09.2012 № 1289 // Российская газета. — 2012. — № 213.

О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон № 172-ФЗ от 28.06.2014. Ред. от 31.12.2017. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы Консультант плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=8702067140009557418567869624&cacheid=DEC5E443A9F7DEAAC0D0CC621DCDE7C3&mode=splus&base=LAW&n=287039&rnd=0.5692780540931557#06886531268277614>.

Научное издание

**Международная трудовая миграция
в современной России: от мониторинга
к принятию управленческих решений**

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол № 5 от 30.10. 2018. Рег. № 18(18)

Отв. за выпуск Е. Б. Бедрина
Редактор А. Б. Уминская
Компьютерная верстка С. В. Кузовковой

Подписано в печать 24.12.2018.
Формат 60 × 90/16. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 6. Усл. печ. л. 9,2.
Тираж 500. Заказ №

Институт экономики УрО РАН
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29.

Отпечатано с готового оригинал-макета.
Типография «Ажур», г. Екатеринбург, ул. Восточная д. 54